

Юля Ром

Пролетая

Annotation

Кровь любимого человека на моих руках... Я продолжаю и продолжаю терять самое дорогое. Пока жизни не замкнутся кольцом, и я не вернусь туда, где была проклята... где сама себя прокляла.

Предисловие

В зеркале отразилось бледное лицо с острым подбородком и тонким носом. Невыразительное птичье личико, обрамленное темными кудрями. Графиня, не глядя, сняла с тонкой шеи жемчужное ожерелье. Маленькие теплые бусины приятной тяжестью легли в ладонь. Подвижные пальцы стали перебирали их как четки: глаза полузакрыты, брови сдвинуты к переносице. Со стороны казалось, что графиня молится, но Виктория повторяла имя любовника.

— Что сказать его сиятельству Петру Борисовичу? — служанка так и осталась стоять у шкафа с ворохом платьев в руках, — Он ожидает вас, чтобы сойти к гостям.

— Скажи, — хозяйка не подняла головы, только пальцы замерли на ожерелье, — графиня изволит спуститься одна.

Пока служанка помогала госпоже облачиться в платье, в гостиной собирались грозные тучи. Граф, являясь хозяином дома, старался быть одинаково вежливым ко всем гостям, но этот верткий офицеришка выводил его из себя. Все в иностранце раздражало Петра: черные усики, манера витиевато изъясняться, легкий акцент, даже невинный взгляд, но особенно то, что он спутался с его женой. Больше всего графу хотелось схватить мерзкого французишку за шиворот и вытолкать вон.

— Когда же изволит спуститься мадам Виктория, главное украшение этого дома? — голубоглазый француз чувственно улыбнулся и подхватил бокал вина с подноса слуги, проходившего мимо.

— У графини болит голова, — граф наградил наглеца тяжелым предупреждающим взглядом.

— Думаю, что смогу помо... — тут рот офицера странно скривился, перекосившись на сторону, а глаза напротив — вылезли из орбит, словно француз стремился разглядеть что-то важное возле самого носа. Бокал с вином выпал из разжавшихся пальцев, алая жидкость потекла по рубашке офицера. Из рта повалила пена, тело затрусил в недолгой судороге и рухнуло, как подкошенное.

Воцарившаяся в бальном зале тишина рассыпалась, когда на верхней ступеньке появилась Виктория. Издав дикий вопль, графиня бросилась вниз по лестнице, рискуя споткнуться и свернуть себе шею. Упав на колени возле неподвижного любовника, она не переставая подвывала.

— Его отравили! Лекаря! Да позовите же вы кого-нибудь... — хрупкие ладони неожиданно сильно вцепились в остывающее тело, — Открой глаза, ты не умер, Федерик. Ты не мог! Дыши!

Толпа испуганных гостей перешептывалась, вино больше никто не пил. У молоденькой дебютантки случился обморок, старая вдова Афросьева тихонько всхлипывала, а главная сплетница — жена фельдмаршала, представляла, как будет смаковать подробности скандала в собственной гостиной.

Семейный врач быстренько констатировал смерть от сердечного приступа, стараясь не обращать внимания на пену, обильно выступившую на губах.

— Он умер. Оставь его, Виктория, тебе не подобает оплакивать смерть слуги короля, словно базарной торговке, — епископ смиренно вознес молитву за упокой души офицера, чем ни на мгновенье не обманул ее. В глубоко посаженных глазах священнослужителя тлели

осуждение и брезгливость.

— Что же вы все молчите? На ваших глазах убили человека, а вам нет до этого никакого дела, — пробормотала графиня, поднимаясь. Светской лоск покинул ее фигуру: сгорбленную, со сжатыми кулачками и опущенной головой. Так могла бы стоять крестьянская баба, оросившая своим потом не одну полосу земли.

— Виктория, довольно! — Она вздрогнула и подняла глаза на мужа. Его имени нанесено тяжкое оскорбление, но разве ей есть до этого дело? Равнодушие и высокомерие графа толкнуло ее в объятия Фредерика. Это он виноват, что у нее ничего не осталось. Вот он и станет платить по счетам.

— Уйди, Парашка, без тебя тошно, — графиня стояла у окна: простоволосая, неодетая.

— Так облачиться бы надо, госпожа.

— Уйди! — графиня дикими глазами уставилась на служанку, не видя ее. Виктория была далеко — там, со своим любовником, где их не могли достать ни светское общество, ни закон.

— Нельзя так изводиться, Виктория Павловна, — служанка осторожно приблизилась и ласково погладила ее по всклоченным волосам, — Вы совсем как Марфа, та тоже долго горевала, даже ходила к знахарке. Да разве мертвого воскресишь...

— Что ты сказала? — Виктория схватила служанку и принялась ее трясти.

— Да вниз спуститься надобно, граф то заждался совсем.

— Я не о том, дура! Про знахарку ты что говорила?

Сухие травы полетели в костер, черный дым окутал сгорбленную фигуру и развеялся зловонным облаком. Смерд поднимался в небеса, заслоня лунный свет.

— Так ты знаешь, на что идешь, графская дочка? — поинтересовалась знахарка.

— Знать не желаю, а желаю вернуть его.

— А коли желаешь, так что за то отдашь?

Графиня подавила брезгливость и протянула старой женщине кружевной платок с завернутыми в него монетами.

Старуха беззубо улыбнулась и захихикала.

— То мне, а чем платить будешь перед иными, — и она многозначительно сплюнула на землю.

— Моя служанка сказала, ты берешь не дорого, а оно вон как, цену набивать задумала, как купчиха какая.

— Не о злате речь идет, деточка, об иной плате. Кровушку свою пролей на землю, и офицерик твой славный воротится, — из ветхого рукава одежки знахарка достала острый серебряный ножик.

— Украла где? — неосторожно молвила графиня. Старуха насупилась и отдернула было руку, но Виктория выхватила протянутый нож, — да не отвечай, нет мне до того дела.

Она зажмурилась и махнула серебряным ножичком по холеному запястью. На землю перезревшими ягодами рябины упали капли крови.

— Эх, не шла бы ты супротив судьбы, не шла. Да куда там — счастье и под носом не узрешь, — прошамкала старуха, вытирая нож грязным подолом, — Да не зыркай ты на меня так, девица. Твоя судьбинушка, тебе и выбирать путь свой.

— Так ты вернешь мне Фредерика?

— Пересекутся пути ваши, дочка, не на этой земле, так на другой.

— О какой другой земле ты говоришь, ведьма? — графиня побледнела вдруг и

потянулась руками к шее; ей показалось, что невидимая рука сжимает горло ледяными пальцами.

Похоронили графиню на семейном кладбище. Фредерика в первом классе гроба с семейным гербом на дубовой крышке — отправили на родину. И лишь на краткий миг, в прохладных стенах церкви они пересеклись, чтобы даже после смерти пойти каждый своим путем.

Тишина. Шлепанье босых ног по полу, звуки не спящего города за окном и тишина. Как давно мне снился старый парк и ветхий дом? Шелест тяжелой материи платья по паркету? И чье-то лицо, рассыпающееся в сознании, словно башня из кубиков...

Камилла возникла из темноты, наполнив пространство весельем и переливами медных кудрей. Я открыла глаза раньше, чем ее рука коснулась моего лица — от звонкого смеха.

— Тихо, тсс... давай, — смех — проскользнем в гостиную и откроем подарки! — сестра исполнила танец нетерпения, размахивая руками и описывая ими круги в воздухе, как артистка балета.

Я отвернулась к окну. Там лунный свет или свет фонаря выхватил хоровод снежинок. Новый год.

— Давай, — зеваю, — подождем до утра. Мы и так знаем, что нам подарят! Ты узнала у мамы месяц назад.

Повернувшись на другой бок, закрыла глаза, но сон безнадежно улизнул, да и от сестрички так просто не отделаться. Она всегда боялась темноты и тишины. Боялась спускаться ночью по громадной лестнице и пересекать темный холл. Боялась оставаться одна. Перестав притворяться спящей, я послушно встала с кровати, следуя за Кэм. Угол шкафа, стул и башня из кубиков — темнота меня не пугала. Я боялась только ее теней.

Медленно, на цыпочках, мы обошли спальню родителей, спустились по лестнице. Кэм осветила фонариком еловую громадину. Тени, растянувшиеся на полу от пушистых веток, походили на многорукие конечности. Тени тянулись через всю комнату ко мне.

Кэм издала придушенный радостный визг, ее проворные ручки сдернули розовую обертку подарка. Из коробки появилась большая говорящая кукла, следом — приданное из нескольких платьиц. Мне не до подарка: я видела эти тени, ползущие по паркету. Хотелось завизжать и броситься обратно в спальню, но нельзя было оставлять сестру. Ей не ведомы тени и та опасность, что исподтишка окутывала босые ноги. Теперь я дернула ее за штанишки и потащила наверх. Кэм не выпускала свой подарок из рук. «Ма-ма... ма-ма-а...», — противно пищала голубоглазая кукла с льняными косами.

Мы с Кэм были двойняшками — одинаковая форма глаз, круглые личики и остренькие подбородки. Наши внешние различия совсем незначительны. Мои темные волосы вились мелким бесом. Хорошенькое личико сестры окружали медные кудри с золотыми искорками. Ее яркие цвета мокрой глины глаза словно срисовали с моего лица, только не заляпали серой краской поверх. Все эти взрослые люди, приходившие в наш дом, оставляли мимолетные улыбки для застенчивой серьезной девочки. И не могли оторвать глаз от моей сестры. И дело не в красивых локонах и кукольной миловидности: она светилась изнутри, а ее заразительная улыбка с ямочками на щеках отогревала сердца.

Но даже жизнерадостность Кэм померкла, когда в наш детский мирок ворвался страшный зверь по кличке «смерть».

Он оказался страшнее серых теней, ночных кошмаров и даже того раза, когда меня потеряли в переполненном людьми супермаркете. Зверь разделял нас по живому, словно хирург сиамских близнецов. Зверь вкладывал в уста чужаков те слова, что ломали кокон привязанности безвозвратно и разбивали наш уютный мир. Мама и Кэм остались в большом, наполненном тенями доме.

Меня отправили к бабушке. Как говорили — на время, а оказалось навсегда.

Выцветший передник бабушки пах яблоками и луковой шелухой.

На смену зиме пришла новая весна. Деревня наполнила мой мир новыми красками. Ветер приносил аромат дыма, шуршал соломой и гнул тонкие стебли голубых цветов. Я отлынивала от работы в огороде, ложилась в траву, раскинув руки-ноги в форме морской звезды, и любовалась дымчатыми облаками, плывущими куда-то мимо, в другие миры. Запах цветов опьянял. Удушливый, солнечный, терпкий. Запах меда и горькой полыни. Этот запах вплетался и в мою жизнь. Мед свободы и горечь от потери сестры.

Через год мама вышла замуж. У нее и Кэм появилась новая, налаженная жизнь, в которой мне просто не нашлось места. Я осталась с бабушкой, а когда она умерла — уже могла позаботиться о себе сама.

Однажды я все же попыталась разыскать мать по последнему адресу в письме. Панельный дом встретил неприветливо — запертым подъездом. Я постояла немного и хотела уйти, но тут на ступеньках раздались шаги: дверь в подъезд отворилась, выпускающая мужчину.

Я позвонила. Послышались шаркающие шаги, в проеме появилась немолодая женщина.

— Нет их тут. Переехали.

— Давно? — опешила я.

— Давно, — согласилась женщина.

— И вы, конечно, не знаете куда?

— Не знаю, деточка, не знаю.

В тот день я шла по улице, стараясь не разреветься. Стояла теплая и солнечная погода, а мне не хотелось жить дальше.

Прямо передо мной остановилась старая серая ауди. Кирик. Он приветливо помахал рукой, приглашая сесть. Остановившись у самой обочины, практически в кустах, так что мне пришлось пролазить через его голые ветки, норовившие ткнуть острым концом в глаз, Кирик терпеливо ждал, пока я попаду внутрь. И в этом весь он.

Месяца два назад сотрудник из соседнего отдела стал часто пересекаться со мной, словно случайно попадаясь на пути, заговаривая о том о сем. Постепенно взялся подвозил домой. В итоге мы стали встречаться. Именно так. Буднично и «по накатанной».

— Я решил обновить стрижку, — промурлыкал Кирик, вырубивая на трассу.

Я скосила глаза, чтобы вспомнить в каком имидже он завяз на это раз.

— А чем тебя не устраивала осветленная челка? — боже, как долго тянется время!

— Ну, подружка, даешь! Я вот уже месяц с этой челкой. Пора меняться. Тебе бы тоже не мешало...

— Меня все устраивает, — приду и залягу в ванну. Хотя как же — дожدهшься, в коммуналке все по талонам. И очередь в ванну в том числе. На небесах, в святилище, очередь и то быстрее движется.

Кирик недоверчиво покосился на мой старушечий пучок и вздохнул.

— И как я на тебя запал? Не представляю.

— Это я не представляю, как можно выучиться на биолога и так выглядеть, — я с трудом подавила зевотку и отвернулась к окну, — вы все на биофаке такие?

— Нет, в основном по-старинушке: ботаны в очках, — я не видела, но по голосу почувствовала, что он поморщился, — как в лаборатории?

— Да все по-прежнему... нервотрепка, стерильные халаты... сегодня разбили одну

пробирку. Это тебе не на телефоне сидеть, консультации давать.

Почти приехали.

— Я успокаиваю клиентов. Что-то ты не в духе. Может, возьмешь больничный?

Сходишь в солярий, бассейн, по магазинам?

— Не-е-е... работать надо. За комнату платить.

— Я давно говорю: переезжай ко мне.

— Мы с твоей «Мулей» не в ладах. Ей не нравится, как я выгляжу, говорю и смеюсь — старая мегера! И ты, маменькин сынок.

— Злая ты, Владка.

— Какая есть! Не звони — ни куда не хочу. Дома буду сидеть! — я вышла из машины, хлопнув дверью и, обогнув несколько припаркованных тачек, поскакала по ступеням к себе в коммунальную комнатку.

Зачем я мучаю себя и Кирика? Ведь он хороший мальчик. Жаль, я его не люблю.

Ранним утром зазвонил телефон. Не желая отпускать долгожданный выходной сон, я накрыла голову подушкой.

А он все звонил и звонил.

— Ало? — я услышала далекий мамин голос и сразу проснулась. — Как здорово, что ты меня нашла!

— Клавдия, что жила по соседству... Она помогла разыскать. Думаю, тебе не безразлично...

Мамин голос зазвенел. Я ощутила истеричные нотки.

— Камилла умерла...

— Что? — комната разом потемнела и сжалась...

— Твоя сестра умерла, страшной, несправедливой смертью... ну что ты молчишь!

Я попробовала было что-то сказать, но горло сдавил спазм. Аккуратно положив трубку на стол, упала в кровать. Закрыла глаза.

В тот день я тоже немного умерла.

Тяжелый чемодан оттягивал руку, а я даже не помнила, как его собирала. Как добиралась до загородного дома матери. Какая-то живая часть сознания отметила красоту и классические линии особняка. Видимо дела у второго мужа идут хорошо. За оградой различила силуэт женщины. Мама. В глазах потемнело... словно не было этих лет... словно попала туда, где отец и Кэм еще живы.

Она постарела, отстригла длинные рыжие волосы, тонкая белая кожа стала желтой, шероховатой, как пергамент. Непослушные выцветшие губы прошептали что-то. Мама. Обними меня... Она достала смятый, запачканный землей платок и промокнула заслезившиеся глаза, отчего на щеке остался грязный отпечаток, я хотела сказать ей, но горло отчего-то не слушалось. Шагнула, протягивая руку, но мама отстранилась.

— Я... пойми меня... вы так похожи... это выше моих сил, — она с осторожностью потянула меня за рукав и заговорила быстрее и сбивчивей, с просительной интонацией, — Прости, Владислава, за тот звонок. Я была на грани. Не могу. Уходи, пожалуйста, уходи...

Я замерла. Меня как током ударило. Хотела сказать, что готова разделить с ней горе, одно общее горе, что она потеряла дочь, а я — сестру, но ее глаза молили и гнали прочь одновременно. На непослушных негнущихся ногах, развернулась, чтобы уйти. Вслед услышала:

— Пстой, ОНА просила передать, когда ты придешь...

Мать вышла за ворота, молча, поставила передо мной картонную коробку из-под детского завтрака, перевязанную розовой лентой (такой из роддома выносят кричащих младенцев женского пола), повернулась, чтобы уйти. Но замерла и обернулась. Посмотрела куда-то мимо. Ее последние слова были: может, тебе нужны деньги или помощь?

Я не слышала, что она говорила дальше, я шла обратно к остановке и на вытянутых руках несла, как величайшую святыню — коробку, перевязанную лентой. Позабытый чемодан остался стоять, прислоненный одним боком к забору.

Остренький угловатый подчёрк был незнаком. Но слова... Кэм встала у меня перед глазами, как живая. Она загадочно улыбалась и не спешила уходить.

**Я тяжело больна, а, следовательно, это уже не та, что была когда-то. Когда-то так*

давно, что, Боже мой, кажется, в прошлой жизни у меня были волосы, поклонники и будущее. Теперь этого нет. Именно в таком порядке. Уже нет волос, почти — поклонников и... каждый день может стать последним.

Одна моя подруга «по несчастью» посоветовала вести дневник. Она говорит, что так легче пережить один единственный вопрос, застрявший в мозгу: ПОЧЕМУ ИМЕННО Я Почему не вечно пьяный сосед? Не тот незнакомец в переулке с мрачным взглядом? Интересно он поругался с девушкой? Потерял деньги? Мне вдруг захотелось подойти и ласково так, с ленивой улыбкой на лице, сказать: а у меня нашли рак, представьте себе — в быстропротекающей, четвертой стадии. Я сгораю, как новогодняя свечка, и вот смеюсь. Улыбаюсь этому дню, небу, асфальту. А что, кстати, стряслось у Вас? Ах, Вы два дня делали отчет, а босс кинул его Вам в лицо? Мне жаль, действительно, есть от чего так переживать.

Но я не спросила, а он прошел мимо. Сдаешь... сдаешь, подруга. Раньше — до этой черты, за которой страшная болезнь, незнакомец не прошел бы мимо. Никто не проходил. Ну, да я отвлеклась.

Веду дневник. После моей смерти (звучит не так страшно, как некоторым представляется, когда входит в ежедневную привычку), попрошу маму отдать его Славке. Почему-то уверена, ты придешь, прочтешь и поймешь.

Слава, не знаю, вспоминаешь ли ты обо мне... я — часто. У меня вошло в привычку разговаривать с тобой и советоваться. И знаешь, что я хочу тебе сказать — ты всегда даешь чертовски дельные советы. Спасибо тебе, сестрица! И хоть помню тебя чрезмерно серьезной девочкой, такой похожей и одновременно не похожей на меня, почему-то уверена — ты совсем не изменилась. Одно знаю точно: жизнь не должна разлучать близких людей. Начинаю ценить то, что имела слишком поздно. Ну почему, спрашивается, за двенадцать лет я не могла послать к какой-то матери все дела и не разыскать тебя, мою милую сестрицу. Теперь уже поздно. Я умираю и не хочу, чтобы ты видела меня такой. Запомни свою Кэм солнечной девочкой, а не сгустком жалости с коротеньким ежиком волос на голове, выбеленной кожей и запавшими глазами, красными как у кролика.

Мне иногда кажется, что до этой болезни я не знала себя, настоящую. А теперь знаю. И могу сказать тебе, Слава, что никому и никогда я не открывалась так, как тебе, сестрица. Помнишь, в детстве у нас был тайник на дереве? Там, в птичьем гнезде, мы прятали свои записки с желаниями. Я все время плачу, когда думаю об этом. Всего одна чернильная просьба на крохотном клочке бумаги... но я снова пишу не о том.

Мы с тобой, безусловно, воевали все детство, но нам было весело. Не правда ли? У нас был только нам одним понятный сказочный мир, в котором мы понимали друг друга с полуслова. Я была прекрасная принцесса, а ты маленький верный паж... Не знаю, нравилась ли тебе эта игра так, как мне, но я бы многое отдала, чтобы еще хоть раз превратиться в ту сказочную принцессу, у которой самый верный паж в мире.

А помнишь, как мы играли в домик, и я застряла между диваном и стенкой? И никак не могла вылезти? Ты пробовала отодвинуть диван, проталкивала меня, вытягивала за руки. Ничего не помогало. И тогда ты приняла одно единственное верное решение, за которое, впрочем, я обижалась на тебя не одну неделю. Ты укусила меня за ту «выдающуюся» застрявшую филейную часть тела. Эффект превзошел все твои ожидания: я выскочила как пробка и завизжала так, что прибежали соседи и сверху и снизу.

Слава, Славка, Славочка... где ж ты ходишь-бродишь по свету?*

Из тетрадки выпала фотография. На ней — моя сестра, незнакомка с медными волосами. Было странно и больно видеть ее повзрослевшей. Незнакомка на снимке тепло улыбалась. Кэм, ты ведь совсем-совсем как я, если бы творец вдохнул в меня ту необычайную редкую искорку, благодаря которой симпатичная девушка становится златовласой Фрейей.

Я пила морщась, большими глотками. Стремясь как можно быстрее протолкнуть в глотку светло-коричневую обжигающую жидкость. Влить в себя и получить свою долю забвения.

Почему-то когда людям плохо, они всегда обращаются или к Богу или к алкоголю... Кому что ближе.

Когда в бутылке коньяк плескался на доньшке, мне стало плохо. Не добежав до ванны, в общем коридоре, я выплеснула скопившиеся боль, ожесточение и алкоголь прямо на пол.

**Представьте, что Вам осталась три дня. И все! И Вас не станет. Совсем. Навсегда. Может быть, Вас, как и меня убьет болезнь, или это будет несчастный случай или что-нибудь еще. Не важно. Осознайте это, примите и смиритесь с неизбежным — всё, черный занавес и смерть. Вы распылитесь во множестве частиц (я не физик, не знаю каких) как личность, как то, что вы в самой себе осознаете.*

*Я во сне постоянно вижу себя в земле... но об этом лучше не думать. Я запрещаю себе и точка!**

Когда выпивка перестала помогать, я нашла себе новое развлечение. Но обо всем по порядку.

— Вам этот оттенок не пойдет. Возьмите «Супер-блонд», он прекрасно подчеркнет Ваш натуральный русый цвет, — продавщица протянула тюбик с краской.

— Мне не нужен «Блонд»! Я просила «Медная рожь»! — тупица, неужели так сложно принести, что просят.

Девушка обиженно поджала губки и бросила на прилавок упаковку краски.

— С Вас триста сорок.

Я рассчиталась и засунула их в сумочку. И кто только придумывает эти названия? Рожь... Сомневаюсь, что кто-то захочет, чтоб его волосы колосились, как пшеница.

С работы меня уволили. Ну и ладно. Деньги пока есть — откладывала на старенькую иномарку. А там, как карта ляжет.

Продавщица из бутика пошла на встречу, улыбаясь, как самому дорогому человеку, но передумала подходить, завидев мой ответный оскал.

Вот этот светло-бежевый костюмчик отлично подойдет! И лиловое коктейльное платье под цвет губ! Юбка карандаш, голубая блуза с рюшами, две пары туфель, сапоги и тонкое велюровое пальто шоколадного оттенка... Плакали мои денежки.

Фен замолк. Я откинула со лба медные волосы и уставилась в зеркало. В ожидании чуда и с надеждой, затаив дыхание, черт возьми. Чуда не произошло. Из зеркала на меня смотрела я сама. Только цвет волос был на тон светлее медных волн Кэм.

Вечером я сходила в ближайший магазин и притащила две бутылки амаретто. Соседи начали шептаться. А мне все по барабану! Проклятье, завтра же позвоню Кирику и скажу, что не любила, не люблю и чтоб катился на все четыре.

От этой мысли стало чуточку легче.

**В каждой жизни есть элемент преодоления. Мы встаем рано-рано утром, собираемся и идем на нелюбимую работу, встречаемся с нелюбимыми людьми и вынуждены плохонько улыбаться, когда хочется по-хорошему разреваться. На вопрос «Как дела?» отвечаем: «Все хорошо!», когда рвется наружу: «Отвратительно...»*

Весь день льет дождь... Вчера провожала в последний путь подругу, посоветовавшую мне вести дневник... Она — последняя из моих девчонок, что не отводила глаза в сторону и не спешила убраться домой, с мылом вымыть руки и вздохнуть с облегчением — не я, пронесло!». Но кому нужна эта горькая правда? В моей жизни одни капельницы, уколы и процедуры, но я старательно улыбаюсь в ответ и по-сло-гам вы-во-жу: Лечусь, надежда всегда есть, еще встретимся и тогда — ого-го, держитесь мальчишки!».

*Я прокаженная. Повешу на шею колокольчик, накину балахон и пойду, утоплюсь в пруду с утками...**

Мне не хотелось идти на кладбище. То, что было моей Кэм, не могло лежать в холодной земле. Она была слишком живая и теплая для этого.

Я лежала в кровати под теплым пледом, перебирая письма, и думала, что никогда ее не увижу.

**По ночам меня мучает боль... Нет, не так: терзает, верная спутница бессонных ночей — БОЛЬ, притаившаяся было днем, она выползает в сумерках, чтобы завлечь меня в свои колючие объятия. Чертова боль... Я теряю свою молодость, радость и красоту... Смерть-карга потирает в предвкушении высохшие ручки и протягивает мне билет — в один конец. Я обречена.*

Вчера встречалась в стенах больницы со своими друзьями по несчастью. Запомнилась одна девушка. Она лежала в палате на койке и читала книгу. Заметив мой заинтересованный взгляд, оторвалась от чтения.

— Не желаете почитать? Я дочитываю последнюю главу. Мне книга помогла, может и Вам поможет.

Девушка протянула мне книгу, но была остановлена жестом руки. Она удивленно пожала плечами, но, тем не менее, промолвила:

— Вас пугает сама мысль о болезни?

— Не желаю кидаться подобно утопающему, сметая на пути все тома и статьи.

— Знаете, Ле Шан высказал мысль, что рак — возможность изменить жизнь, начать ее заново и переосмыслить свое отношение к ней. Полюбить то, что нам еще осталось. Подумайте об этом.

Я и думала весь день, сидя у окна на табуретке в пустой однокомнатной квартирке, снятой для меня отчимом. Думала о том, почему при всей моей общительности, живу одна в съемном углу? Почему не вышла замуж и не родила ребенка? Не увидела первую улыбку своего малыша и не выучила его буквам? Отчего не нашла тебя, Славка? Почему недоучилась в институте? Не побывала в Мачу-Пикчу? Не съела килограмм десять любимого кофейного мороженого? Не прочитала всего Бальзака... и много, много еще таких «не». Так много, что можно выстроить из этих частиц длинный, как великая китайская стена, частокол...

А я то полагала, что живу без оглядки... на всю катушку. Вот и глаза на мокром месте.

Прочь, слезы, скройтесь! Если заплачу, никогда уже не остановлюсь...

*Боже, как не хочется умирать...**

Я заснула на застеленной кровати, цепляясь за исписанные тетради. Снилось детство, деревня, бабушка. Снилось, как заболела ангиной, искупавшись с подругой в ледяном озере Зимнем. В нем не плавали даже в самые жаркие дни — многочисленные холодные ключи, бьющие на песчаном дне, делали его не прогреваемым под солнечными лучами и сводили судорогой ноги. Мы не утонули, но поплатились за вторжение в ледяные покои Зимы.

Снилось, что я умерла и превратилась в большую белую птицу. Ноги — красные спицы с тонкими когтистыми лапами, руки — крылья. Тело обросло мягким пухом. Сама птичья сущность тянула ввысь, вглубь синевы, нетерпеливо помахивая кончиками маховых перьев. Стало просто невозможно противиться рьяному, бешеному напору. Я разбежалась, стремительно раскинув руки-крылья, в надежде взлететь, но особо усердствовать не пришлось. Большие мягкие крылья сами подняли с земли. Я стряхнула с красных лапок песок, поджала их под себя и подумала: как раньше жила так тускло, привязанная за невидимую, но крепкую ниточку к плоскости планеты? Небо проросло в моих сосудах, крыльях, глазах и сердце. Небо звало окунуться в сумрачный туман облаков, как в озеро, прорезая дорогу серым от влажной дымки крылом. Это была непрерывность, чудо потоков воздуха, поддерживающих меня на лету.

Сон оборвался, сместился в иную плоскость, превращаясь в кошмар. Я видела Кэм в гробу. Она печально улыбалась и шептала мне: это только начало твоих потерь...

**Когда-то, пару лет назад, я работала натурщицей. Правда, недолго. Почему я вспомнила об этом в свой последний час?..*

Я приходила к девяти, раздевалась за сваленной на пол горой холстов, облачалась в заношенную накидку и вставала посередине комнаты. Обычно, меня просили принять определенную позу, хорошо показывающую мышечный рельеф, но такую неудобную для целого часа стояния не шелохнувшись на одном месте. Я выбирала самого симпатичного художника и работала для него одного... Позабыв о всяких мелочах, вроде холода, толпы и жажды. Или кончика носа, начинавшего чесаться со второй минуты позирования.

Там я и встретила очередную любовь.

У него взлохмаченные длинные волосы, с жирным блеском и раскосые узкие глаза, тяжелая челюсть, он часто сутулится, а руки непропорционально длинные. Вообще мальчишка похож на монгола. Я его так и называла про себя — монгольчик.

Все изменилось в тот момент, когда однажды, проходя между рядами художников к выходу, я заглянула ему в мольберт. И остановилась, пораженная...

Он нарисовал только мое лицо, но это было не важно...

Мальчик не просто начертил грифелем портрет, он заглянул в самую суть, подглядев что-то необычайно интимное. Ну откуда, скажите мне, он мог знать, что мне грустно, и что вчера я весь день просидела в кресле, не выходя на улицу и не отвечая на телефонные звонки? А за показным кокетством увидеть огромное море накопившейся нежности? Как он мог разглядеть ту одну-единственную крошечную морщинку на переносице, не разгладившуюся ни кремами, ни масками, и появившуюся после ухода из дома? А цвет моих глаз? Клянусь вам — простым серым грифелем, он передал всю палитру вплоть до маленьких крапинок у зрачка. Мистика какая-то!

Я чертыхнулась про себя и лишь тогда заметила, что вся аудитория повернулась в нашу сторону и недоуменно смотрит. Сам-то монгольчик сидел, уткнувшись носом в

мольберт, и не поднимал головы, как нашкодливый котенок.

Я вырвала карандаш из тяжелой ладони и, оглядев аудиторию, громко бросила этим вопрошающим глупым глазам:

— Не хотелось бы вмешиваться в творческий процесс, но Вы забыли пририсовать мне вторую бровь...

И над собственной черно-белой головой острым кончиком карандаша вывела номер телефона.

От его рук пахло краской и растворителем и совсем немного — моими духами.

Стояла осень. За окном умирала, отцветая, земля, а в крохотной съемной квартирке рождалась в муках наша любовь. Чувство, заранее обреченное, и от того необычайно сильно влекущее за собой.

Тогда мне казалось, что моей любви хватит на весь мир, и что я никогда не умру.*

В тот вечер я стояла у серой многоэтажки, где жила сестра. Представляя, что вот-вот распахнется дверь подъезда и выйдет Кэм. И вдруг поняла, что уже не одна вглядываюсь в закрытую дверь.

Мужчина обернулся ко мне и замер.

Я натянуто улыбнулась, а он сгреб меня за ворот куртки и с силой прижал к себе.

— Кэм!

Я даже не слишком удивилась, когда неизвестный человек стал тормозить меня посреди улицы.

Мы сидели в кафе, пили обжигающе горячий капучино и он ТАК на меня смотрел!..

Нежно, зачарованно, с искорками-смешинками в больших карих глазах. Я старалась не сильно пялиться в его лицо, разглядывая длинные худые пальцы, обхватившие хрупкую кофейную чашку, но и это не помогало унять мелкую дрожь. Он принял меня за Кэм. А я вижу его впервые в жизни...

*В тот день я была необычайно занята, и оттого немного не в духе... Ха, кого я пытаюсь обмануть — да я была просто в бешенстве. Я бежала из кабинета шефа в свой закуток меж двух столов, Льва Вадимыча, нашего финансового новостника, и Софьюшки — корреспондентки со стажем равным юбилею нашей газеты. Бежала и теряла по дороге листы из папки с отвергнутой главной статьей. Вдруг меня окликнули. Я развернулась, раздраженно, на каблуках, а там — он. Не глядя, протягивает листы. Обычная внешность, простая одежда — ничем не примечательный посетитель, каких в день приходят человек тридцать. Я ему: «эти долбанные бумажки больше не нужны, можете выкинуть их в урну, пусть на них стряхивают пепел и бросают жестяные банки из под пива»...

А он посмотрел мне в лицо... Стало неуютно. Привыкла повелевать, а здесь... Дар у меня такой — тонко чувствовать, когда и с кем общаться не стоит, потому, как велика вероятность, потерять голову. Так вот — тот самый случай. Выражаясь словами Ахматовой: «Я только вздрогнула: этот Может меня приручить».

Мужское лицо. Не красивое, не эталонное, именно — черты лесоруба. Цвет глаз — потрясающий. Цвет жженой ванили... Я право не знаю, как она выглядит, но почему-то уверена, что именно так. Неистовое, странное чувство, лихорадочное желание вспыхнуло на мгновенье. Возникло и стихло под напором разума. Дэнчик стал моим другом. Так он появился в нашей редакции. Я скучаю по тебе, Дэн...*

И вот я не утерпела: сижу в кафе и снова вижу грубый профиль Дэна.

— А ты изменилась...

Молчу, не зная, что сказать. Одна надежда, что разговор склеится сам собой, без моего участия. Но и она тает, как дым сигареты, с каждой минутой.

— Это так на тебя похоже: исчезнуть с работы, не сказав ни слова. Видела бы ты как бесился шеф, — кривая усмешка, — не смотря на все твои выходки и острый язычок, он высоко ценил твой стиль.

А может и пронесет?..

— Знаешь что, подруга... хватит так на меня смотреть. Как будто ничего не произошло... Кэм, где ты была? ГДЕ ты пропадала целый год?

Не-е... не пронесло...

В стеклянной пепельнице сиротливо скорчились на окурках два или три блеклых лепестка с облетающих желтых шаров. Цветы дурнели прямо на глазах, опустив понуро свои золотые головы. Скатерть покрывали въевшиеся пятна. В моей кружке — плавала отрав! Словно я заточена в один из кругов Данте, «усеянный скорбью и жесточайшими муками». Почему...

— Почему мы сидим в этом кафе и пьем отвратительные помои?.. — я сама не заметила, как произнесла все это вслух.

— Потому что раньше, до того как тебе приспичило исчезнуть, ТЫ любила это кафе и этот черный кофе без сахара...

В конце фразы вполне уместно было бы продолжить: «... и меня...», но он промолчал. Значит, Кэм не любила его. Или любила, но не так, как ему хотелось.

— Я... — ну не смотри на меня такими глазами! Черт бы их побрал! — у меня болезнь Альцгеймера. Я страдаю потерей памяти.

— Как в индийских сериалах?

— Да, — я сама себя загоняла в ловушку, из которой не так-то просто будет выбраться, — как в индийских сериалах.

— Ты серьезно?.. — недоверие и смешинка в его глазах сменились искренним беспокойством, — а разве это не возрастное заболевание?

— Время такое — болезни начали молодеть. Урбанизация со всеми вытекающими последствиями...

— Никогда не замечал, что у тебя серые глаза, — внезапно проговорил Дэн.

Вот черт.

**...я любила столько мужчин.*

Одни доставались мне с легкостью, за других приходилось бороться...

Такие разные. Молодые и не очень, симпатичные и откровенно неказистые, богатые и бедные...

Зачем? Для чего мне было столько, если среди них так и не нашлось единственного?

Хоть нет, был один человек, от которого сердце замирало в груди, но и это чувство пришлось убрать, растоптав единственный уголок святыни в душе.

Так надо было. Это чувство могло убить во мне меня саму.

Странно... О чем бы я ни думала, о чем бы ни писала: все равно мои мысли возвращаются к смерти.

*Смерть. Мой последний любовник.**

Я все больше времени проводила с Дэном и все дальше отдалялась от своей жизни, пока та не скрылась за линией горизонта. Теперь я знала о Кэм больше, чем когда-либо, но, кажется, теряла себя...

В тот день я зашла в редакцию и сиротливо встала в уголке. Укрылась в тени, наблюдая за утренней суетой.

— Камилла! Так рада тебя видеть! — высокая статная блондинка ослепительно улыбнулась и, наклонившись, чиркнула губами по моей щеке. За секунду до обмена любезностями, я видела яростно сужившиеся глаза. Она наверняка ненавидела мою сестру.

— Дэн говорил, но я не поверила, пока не увидела тебя здесь! — толстая женщина, смахивающая на прикроватную тумбочку, схватила меня за руку и потащила дальше по коридору.

— Я как раз к нему... шибко жарко даже для начала осени, — она вытерла вспотевший лоб и подмигнула мне, — здесь тебя не забыли.

Не утруждая себя стуком в дверь, мы ввалились в кабинет. Женщина опустилась на одно-единственное кресло. Сидящий за столом Дэн закончил печатать текст и поднял голову.

— Софья Васильевна, Вы подчистили статью? Мне надо знать, сколько остается свободного места.

— Дискуссию оппонентов развернули на двух страницах — в наше время читатели не любят длинных статей...

— Можете смело выкинуть половину. Вы же знаете длинные фразы и заумные выражения Шмелькина: «полемические обороты», «априори», «ошибочные тезисы»... Когда-нибудь это его прикончит. Если я не прикончу раньше.

— Ну что ж, — она с трудом вылезла из кресла, — пойду бороться с пустозвонной фразой, а заодно и с пустозвонными головами.

Несколько минут прошло в напряженной тишине.

— Не ожидал тебя здесь увидеть. Ты снова хочешь вернуться в родные стены?

— Видишь ли, я давно не являюсь сотрудником редакции...

— Это поправимо. Здесь уже привыкли к твоим выходкам, хотя, конечно, в этот раз ты особенно отличилась. Вот так, никому ничего не сказав, пропасть на целый год, оставив записку на столе шефа.

Я догадывалась, что было в той записке. Что-то вроде: отправляюсь в кругосветное путешествие, а вы все идите на...

— Но ты все равно пытался меня разыскать?

Он смутился. Признание проступило в его лице.

— Ты еще хочешь у нас работать?

Нет, нет, конечно — нет! Я же не безмозглая дура, чтоб так палиться!

— Да... пожалуй, да... внештатным.

Хлесткие струи дождя застали врасплох. Серый асфальт и серое небо слились в едином порыве. Вода сверху, вода снизу — я вбежала в первые попавшиеся двери магазина. И прилипнув к стеклу, наблюдала, как по ту сторону один за другим раскрывались зонтики. Все они торопились куда-то.

Дождь не желала кончаться. Понуро вздохнув, пришлось и мне покинуть гостеприимный магазинчик, надвинув на лицо капюшон. Зонтик справа и слева, на остановке хрупкая фигурка подростка с большим зонтом-тростью. Проковыляла скривившаяся старушка с потертым поеденным молью зонтом. Дорогая блестящая иномарка промчалась по луже, окатив брызгами немолодого господина, рассерженно выругавшегося в след.

Он остановился у стола. В руке — платок. Дэн осторожно коснулся моего лица, промокая капли, стекавшие с влажных волос.

— С теплым весенним дождем тебя, Кэм! Вижу, ты оценила его прелесть, но забывать зонт не стоит.

Я нехотя разлепила мокрые губы и прошептала:

— Она так любила дождь...

— Кто — она?

— Неважно, ее нет. А я есть. — Последние слова прозвучали особенно жалко, словно мне было стыдно за то, что я живу. Но в чем моя вина? Отчего я постоянно ощущаю давящее чувство тревоги.

— Кэм...

— Что?

— Ты изменилась. Словно была весна, а теперь — осень. И кажется, стала совсем другим человеком.

— Что Вы делаете после работы? — Зам главного. Вот уже минут двадцать терся поблизости. Навалившись крупным телом на мой стул, давил из себя ласковую улыбку маньяка.

Искусственно улыбнулась в ответ, чувствуя трупное дыхание у лица. «Оставь меня, в покое» — внушаю ему мысленно, продолжая сиять гирляндой.

— Работаю над статьей дома, доделываю, что не успела днем, — незаметно отодвинулась.

— Я хотел бы подбросить Вас до дома. Не волнуйтесь, мне по пути, — мой навязчивый собеседник открыто пододвинулся ближе. Еще ближе.

Теряю терпенье. Все попытки незаметно выскользнуть из расставленных ловушек, наталкивались на глухое непонимание. Или понимание, что мелкому журналисту из Его сетей никуда не деться.

— Она договорилась со мной. — Дэн появился как нельзя вовремя. — Я подвезу ее домой.

— На чем? На мотоцикле? — Зам главного поменялся в лице. Улыбка сползла, уступая место злой усмешке. — Леди не разъезжают на мотоциклах, они предпочитают автомобили.

— Какое совпадение, знаете, совершенно без ума от мотоциклов! — Радостно захлопала ресницами, успешно изображая дурочку. — А машины напротив — не люблю. У меня моторофобия. Все проклятая урбанизация...

К вечеру лужи высохли. Спустившись со ступенек, я собралась топтать на остановку, но тут мой взгляд упал на Дэна. У мотоцикла! Похоже, это он говорил в серьез. Я приблизилась к двухколесному монстру, поблескивающему в свете фонарей и притворявшемуся совсем не грозным, а напротив милейшим созданием. В горле застрял комок.

— Сколько раз, я подвозил тебя домой. Как давно это было. — Дэн шагнул мне на встречу, и я поймала его взгляд. Необыкновенно мягкий и...

Кажется, мое сердце впервые дрогнуло.

Он наклонился, пряча глаза, чтобы опустить пассажирские подножки. Я уселась на белого скакуна. Мне никогда не приходилось ездить на мотоциклах! Но мысль, что сейчас я прижмусь к теплой, пахнущей кожей куртке Дэна, немного приободрила. С ним я ощущала уверенность, словно он передавал мне частичку спокойствия и затаенной нежности. И плевать, что все это предназначалось Кэм.

Я перекинула ногу через седло. Холодок проник внутрь, стало боязно.

И по трассе крутой,

Только ветер лихой

Обдувает счастливые лица...

Дэн протянул мне свой шлем. Ветер трепал незащищенную челку.

— А ты..?

Милая мальчишеская улыбка тронула его губы, они казались мне грубыми и не склонными к озорству... Ошибалась. Убрав под шлем непослушные волосы, еще крепче обхватила руками Дэна.

Холод обжег лицо, А сердце ухнуло куда-то вниз, застучав о ребра на третьей скорости... Дух захватывало от свободы и скорости. И от вечернего города. И от Его близости...

Серебристая разметка слилась в одну яркую черточку, рябившую в глазах. Ветер бил в лицо наотмашь, разбавляя запах бензина холодной свежестью. Я, то прятала лицо, склонившись близко-близко к его куртке, то подставляла ветру. — Кэ-э-м, не спи-и!.. — бросил мне ветер слова, они рассыпались и вновь собрались внутри меня. Сбросили скорость, притормаживая перед светофором. И три белых полосы на асфальте... А потом была пустота.

Я покачивала забинтованную руку, а внутри нарастала дрожь. Она усиливалась, вырываясь наружу ударами сердца. Неведомая сила подняла меня с кресла. До окна и обратно, до окна и обратно, до окна... Это был страх. Он гнал по коридорам, туда, в операционную, где лежал Дэн. Я еще помню ощущение липкости его крови на своей коже... Удушьяющий ужас при мысли, что он может уйти за Кэм.

Помню закрытые двери операционной, я здесь, а он — там. А еще белый кафель на полу. И дикое, всепоглощающее желание прилечь на этот прохладный белый кафель, закрыть глаза. А потом обжигающая мысль — не смей!

Остановилась у окна, пустыми глазами всматриваясь в мутное стекло в потеках. В пальцах — измятый листок растения с подоконника, упал... я проводила его взглядом. Еще один... Зеленый сок липнет на ладони.

Вошел врач, застав меня за странным занятием: я с ожесточением одной здоровой рукой срывала нежные зеленые листочки, бросая их на пол. Посмотрел на лысую пальму и отвел взгляд.

— Мы ничего не смогли сделать. Удивительно, что Вы почти не пострадали, — добавил он совсем тихо. Постоял минуты две и ушел, оставив наедине со своим горем.

Комната встретила пустотой и глухим молчанием. Я остановилась у зеркала.

— Вы не могли так поступить со мной! А как же я? Как мне теперь жить со всем этим?

Я приблизилась к зеркалу, воображая, что разговариваю со своей сестрой.

— Вы не имели право уходить, не подумав обо мне...

Разбитые ладони скользили по зеркалу. Я цеплялась за собственное отражение, как

ребенок за ускользящий образ матери. Ныли ушибленные ребра.

Губы в зеркале слабо дрогнули и открылись.

— Хватит себя жалеть. Перестань думать о своих потерях. Подумай о других. Люди, которые тебе дороги, находятся в опасности.

Отражение в зеркале говорило так странно.... Мне казалось, что я сплю и вижу затяжной дурной сон.

— Слав, ты должна подписать новый договор с собственным демоном.

Моя рука коснулась стола, поднимая первый попавшийся предмет.

Толстый граненый стакан с силой опустился на гладкую поверхность зеркала, разбивая его на тысячи блеклых стекляшек.

Шорохи позади. Я плеснула чай в кружку, да так и замерла.

«Скажи что-нибудь... — просила я про себя, — позови...».

— Славка...

— Кэм...

Ощущение, что сестра рядом, пропало. Растворилось за стенами комнаты. Снова одна.

Ты пыталась стать Кэм. Но ты не Кэм. Прикинувшись сестрой, едва не полюбила чужого мужчину, подтолкнув его к смерти. Тот еще выдался год.

Створки окна закрипели и распахнулись. Высунувшись по грудь, я вдохнула запах города. По спящей улице проезжали редкие машины.

Воображение подсунуло мертвое лицо Дэна. Я вздрогнула. Вытерла рукавом ночнушки мокрое лицо. Стать бы птицей, вылететь в окно. Полететь сквозь город, через весь мир, ускользнуть от воспоминаний.

Но я стояла у окна, разглядывая просыпающийся город, а крылья и не думали отрастать.

Мне невольно было идти на работу, к этим скорбным лицам и чужим проблемам. Вместо этого свернула на незнакомую улицу, остановившись у первого кафе.

А за столиком ко мне под села сестра.

Я дернулась и пролила на себя горячий кофе. Одно дело видеть мертвеца в полубредовом состоянии, убеждая себя, что это сон. И совсем другое — сидящим напротив в людном месте.

— Кэм... — шепот вырвался из дрожащих губ. Я сама едва расслышала, но Кэм кивнула.

— Кроме тебя, меня никто не видит. Выйди на улицу и сверни за кафе. В сквере полно пустых лавочек.

— И это не бред, не сон, не...

— Нет. Ну же, вставай!

Я осторожно поднялась со стула и медленно пошла к выходу. Мир словно стал фарфоровым, а мне было страшно разбить его неловким движением.

Лавочка оказалась холодной и мокрой. В конце сквера старик крошил голубям булку. У детской площадки сидели мамы и смотрели на малышей. Больше никого не было.

— Ты подумала над моими словами, Славка?

— О чем ты, Кэм? Как же я скучала по тебе, сестренка...

— Эх, Славка-Славочка... зачем ты так, дурочка, — сестра ласково коснулась моей щеки. Вопреки ожиданиям, я почувствовала тепло ее руки. Это окончательно убедило в реальности происходящего.

— Зачем я что?

— Заключение договор с демоном.

Стало смешно и немного обидно. Меня обвинили в том, чего я не совершала.

— Что-то не припомню такого.

— Это случилось не в этом мире и не в этом времени. Но несешь свой крест здесь и сейчас.

— Допустим... предположим на минутку, что я действительно когда-то что-то такое сделала...

Кэм кивнула.

— И что мне теперь делать?

— Заклучи новый договор и постарайся в этот раз не напортачить. Измени не только свое настоящее, но и прошлое. И спаси меня. Где-то существует реальность, в которой я не должна была умирать.

— А если я проиграю?

— Тогда ты станешь собственностью демона.

— Мне рисовать на полу пентаграмму? Писать собственной кровью контракт?

— Приходи по этому адресу. — Кэм протянула, вырванный из блокнота лист бумаги. С рыжим зайчиком на обороте. Вроде тех, что были у нас в детстве. — Но подумай хорошенько, потому что все будет не просто.

Это было страшно до животного ужаса. Как тени в темноте.

Но я не могла не прийти.

От огромного количества незнакомого народа и громкой музыки, голова шла кругом. Единственным уголком относительной тишины и спокойствия оказался бар. Там я заказала единственно знакомый мне по книгам «секс на пляже». Коктейль оказался недурен, а украшенный зонтиком, двумя вишенками и долькой лайма, освежал и радовал глаз. Так мне казалось. «Никогда не помешает немного взбодриться, чтобы продать свою душонку подороже», — решила я и заказала второй... а потом еще и еще...

Герой моих кошмаров возник внезапно. Придвинул стул и сел напротив меня. Задумчиво посмотрел на вереницу пустых стаканчиков у полуопущенной головы. Голова — это вообще отдельный разговор: она кренилась из стороны в сторону, как маятник.

— Крепкий кофе, — демон кивнул официанту. Через мгновенье мой затуманенный взор упал на окруженную облачком пара кружку.

— Пей! — голос в голове прозвучал, как приказ. — А теперь слушай!

Я повернулась к нему и вмиг протрезвела. О, эти дьявольские глаза....

Субъект напротив меня мешал чай, подкладывая одну ложку сахара за другой.

Чтоб ему сладко было...

Наш разговор с самого начала походит на бред. Я представила, что смотрю затяжной сон, и мне немножко полегчало.

— Влюби его в себя.

— И все? Так просто.

Демон довольно улыбнулся, подразумевая, что все далеко не просто. Протянул фотографию.

На фотографии — очень симпатичный молодой человек лет двадцати пяти.

Светло-серые глаза, кажется, даже с золотистым оттенком. Тонкие брови-стрелы. Белесые пряди волос отбрасывают нежную тень на лицо. Очень бледное лицо, одухотворенное и трогательно-детское.

Красавчик — почти сказочный эльф. Да мне не сказано повезло.

— Во-первых, любовь — та эмоция, которую трудно вызвать в человеке. А во-вторых, он живет в другом мире... — я остолбенела, а демон зевнул.

— Принесите выпить! — громко крикнула я. Случайные свидетели удивленно переглянулись и поспешно отсели подальше.

— Да, и что-нибудь покрепче!

Я повернулась к демону.

— Влюби его... зачем Вам это? И что за другой мир?

— Есть у людей две самых сильных мотивации: любовь и ненависть. И как ни странно, ненависти в людях больше чем любви. То, что человек делает ради любви, ради ненависти он делает в десять раз больше. Но люди все равно предпочитают любовь, хоть ненависть вызвать гораздо проще. И мне никогда не понять почему. Но зато я могу это использовать. А мир — как мир. Не хуже вашего.

— Сколько у меня времени?

— Пять земных месяцев. И заметь, чувства должны быть искренними. А иначе, душенька моя, твоя душа станет моей.

— Зачем Вы заключаете второй договор? — Я чувствовала, что болтаю лишнее, но проклятый алкоголь развязал язык. Скоро начну торговаться, как на рынке.

— Демоны щепетильно относятся ко всякого рода договорам. Будучи владельцем половины твоей души, — демон плотоядно облизнулся, — хочу ее целиком.

**Зачем я все это пишу? Беру слабеющей с каждым днем рукой черный стержень и вывожу буква за буквой свою жизнь, свои мысли? Я боюсь, что уйду, так и не оставив себя настоящей. Истинные поступки и мечты Камиллы сотрутся под чуждыми воспоминаниями, обманчиво-искренними, а от того совершенно лживыми.*

Мама видит меня ребенком, друзья — чудным и немного наивным созданием, он, как и каждый любящий человек — в розовом свете... Список можно продолжать и продолжать до бесконечности, но в нем не будет главного — меня.

*Иногда хочется остановиться и громко крикнуть: я не такая, не такая я! Сорвать с лица прилипшие маски и просто исчезнуть ...**

— Как я попаду в другой мир? Мне придется умереть в этом?

— По сути, все вы только мысли, которые легко лишить телесной оболочки.

Я представила на минуту, что мои мысли вдруг материализовались. Уууфф... у меня были не самые идеальные мысли.

— Если не передумала спасти свою сестру и ее дружка, то дай мне свою ладонь...

Я протянула руку демону. Даже гордясь тем, что она почти не дрожала. Он плотоядно улыбнулся, поднося ладонь к губам. Со стороны все выглядело так романтично. Вот только острые клыки пропоролы кожу, причиняя острую боль. Мир поплыл перед глазами.

Тьма, тьма, тьма. Холод. Я не знала, сколько прошло времени в темноте.

Первые осязательные ощущения — холодок по коже. Звон.

Одинокий крохотный огонек во тьме. Я двинулась навстречу единственному ориентиру, едва передвигаясь в липком тумане. Потратив последние силы, чтобы вырваться на свет.

И оказалась в темнице.

Стоило ради этого так стараться.

Я стояла посредине камеры, в которой и смотреть было не на что. По стенам скамейки. В центре — низенький стол. Стены из камня. Окон нет. Вот и все... камень и одиночество.

Я села на край скамьи и сжала руки в кулаки. Разжала. Посмотрела на них внимательно, как будто видела их впервые в жизни. Эти обломанные ногти с дорожкой пыли по каемке. Выступающие веточки вен на тонких запястьях. Ощупала свое лицо. Мои руки, тело, лицо — я совсем не изменилась.

Я забарабанила что есть мочи в дверь, не жалея сил и рук, пока не выдохлась.

Никто не пришел. Ко всему привычная стража даже не обернулась.

Я сползла на холодный пол и захлюпала носом.

На четвертый день заточения, ожидая желеобразный обед, я дождалась конвоиров. Два молодца человеческой наружности вытолкали меня из камеры и проводили к сержанту.

Указав глазами на стул, немолодой и грузный сержант (как я перевела на земной манер его невысокий чин) сел напротив, вlepив мне в лицо рыжие, как ржавчина, зрочки.

— Ну-ну... не бойся, — я судорожно вздохнула, растирая окоченевшие кисти рук, — мы всего лишь зададим пару вопросов.

Почесав морщинистый лоб, он продолжил.

— Приступим... Владислава, если не ошибаюсь?

Я, молча, кивнула, изо всех сил стараясь не зареветь.

— Хорошо, девочка, если так пойдет и дальше, очень скоро ты окажешься на свободе. Так-так... ты у нас не горная?

Я еще раз кивнула. На всякий случай.

— Но и не из Поднебесья?

Шея привычно дернулась вверх-вниз.

— Так откуда ты? Из народов Ушедших? Но они вымерли.

Воцарилось тягостное молчание. Я прикрыла опухшие глаза. Какие-то шедшие вымерли? Как динозавры.

Голос сержанта зазвенел сталью.

— Девочка, у нас тут война, а не чертова прогулка под звездами...

Сержант недоверчиво просверлил меня глазами.

— Возможно, — сухо ответил капитан, — заметь, я произнес, возможно — ты действительно ничего не помнишь. Допустим, контузия. Если это так, мы отправим тебя к психам.

Он кивнул ближайшему охраннику у двери.

— Отведи ее обратно. Для курса «покаяния» сойдет. — Капитан, игнорируя меня, упорно смотрел в сторону. — Если и это не поможет, мне жаль тебя, девочка.

С потолка назойливо капала вода. Камера — каменный мешок с выщербленными стенами — сводила с ума. Я брезгливо поковырялась в отвратительном на вид желе. Зачерпнув горку сизого нечто, попробовала было донести до рта, но остановилась на полпути. Ложка жалобно звякнула, ударившись о противоположенную стену. Дверь распахнулась, впуская девушку. Милейшее создание с длинными темными волосами и рубиновыми ягодами глаз на круглом лице.

Она нерешительно остановилась на пороге и тут же повернулась к двери, стуча по ней сжатыми кулачками:

— Выпустите меня! Я ни в чем не виновата!

В ответ послышалось эхо уходящих шагов и звонкие удары воды о камень.

— Все мы здесь по ошибке, — я с интересом изучала новенькую.

Несчастливая несколько раз толкнула дверь и, выдохнувшись, опустилась на скамью.

— Они обвиняют меня в незаконной связи...

— Я потеряла память, поэтому плохо ориентируюсь в законах, — затараторила я заранее подготовленную отговорку.

— Я обучаюсь... обучалась на врача, возможно могла бы тебе помочь, но теперь... —

Лицо девушки подернулось злостью, — Не переносу солдафонов. Они все помешены на своей войне, а мы должны собирать по кусочкам кости и сшивать разорванные раны.

— Как долго идет война?

— Ты не помнишь? — В ее лице отразились попеременно ужас и жалость. — Мы всегда стремились к прогрессу, развивались технологически. А Горные — другие. Не такие как МЫ. И всегда такими были. Это они развязали войну.

Мы невольно вздрогнули от далекого крика, сорвавшегося в тонкий визг.

— А дальше и рассказывать нечего. Никто и не знает толком, с чего началась война. Я с ума здесь сойду, — продолжила она без перехода и вдруг зарыдала, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Ничего, — я легонько коснулась ее плеча, — трудно только первое время, а потом привыкаешь.

Я не собиралась исходить слезами, собрав всю свою волю, точно сжатая пружинка. Я ждала, что предпримут мои тюремщики.

— Этих двух на курс «П137», — тюремщик подал знак четырем стражам и нас вывели из камеры.

Моя сокамерница тихо заплакала.

Я поспешила завести разговор, чтобы отвлечь ее и себя.

— Что такое курс «П137»?

— В народе его называют «курс покаяния», потому что делают заключенным, а цифры — число попыток, произведенных за их счет. А если в двух словах: в нас убьют нашу личность.

— То есть как? — Я резко остановилась, получив ощутимый тычок от идущего сзади охранника.

— Как, как, — девушка всхлипнула и пожала плечами, — все эмоции отвлекают от главного дела, а в этом мире первостепенное — война. Они воздействуют на определенные участки мозга. Жаль, правда, что большинство перестают быть людьми... Поэтому они и ставят свои опыты на арестованных.

Пока мы шли по коридору, я вглядывалась в каждое встречное лицо, тщетно пытаясь увидеть Эльфа (так про себя назвала объект). Вот только такой поиск не давал результата. Шансы ничтожно малы. Темные силы неплохо просчитали минимальный коэффициент моего везения.

Коридор расширился, превратившись в широкую площадь.

Стены здесь были значительно темнее, а потолок терялся в вышине. Общие размеры здания было трудно вообразить. Стражники и солдаты единым скоростным режимом шли рядами, не касаясь друг друга. Молчаливые и отрешенные.

— В последний раз вижу изваяние, — моя подруга по несчастью посмотрела куда-то вдаль. Я проследила за ее взглядом. На огромном плоском камне росли тончайшие золотые нити, оплетая друг друга и создавая высокую фигуру человека. Недалеко от монумента торчала кабина лифта. Вот она привлекла меня больше.

Я невольно замедлила шаг. Кабинка висела в нескольких сантиметрах от поверхности пола, маня блестящим выпуклым боком, но стражники потащили нас в другую сторону.

Сначала тихо-тихо, но нарастая с каждой секундой, вдалеке послышался ритмичный завораживающий стук. С прохожими стало происходить что-то невообразимое. Все поторопились скрыться в ближайших лифтах. Площадь мигом опустела. Один из охранников волочил мою сокамерницу, двое бежали впереди, расчищая дорогу. Вот он — единственный шанс. Я с неожиданной силой вырвалась из рук охранника и кинулась прочь, жалобно звеня цепью, обвинившей запястья. Лицо конвоира скривилось и побледнело, но стражник лишь отчаянно махнул рукой, и, не вытащив оружие, поспешно скрылся в толпе.

Что заставило людей разбежаться подобно тараканам на сковородке? Мне тоже надо прятаться? Я кинулась к ближайшей кабине, когда на улице появилось необычное шествие. Седые старцы в длинных одеждах с татуированными гладкими лбами двигались мне на встречу, избрав конечной целью. Тонкие шесты в их руках издавали подобие мелодии, с силой опускаясь на каменный пол. Плененная этими стуками, грозной мимикой стариков и их странными одеяниями я осталась стоять.

Похоронная процессия?

Как оказалось — недалеко от истины.

Шедший впереди процессии поднял посох, направляя мне в лицо, когда кто-то ухватил меня за воротник и потащил к лифту. Старик недовольно вскрикнул. Словно кот, из-под носа которого увели мышшь. Я обернулась и увидела незнакомца. Он брезгливо оттолкнул меня за спину и обернулся к старикам.

— Слава древнему клану Бури, — его голос звучал почтительно, но то и дело давал петуха саркастическими нотками. Водянистые глаза впередистоящего сердито сверкнули.

— Это моя добыча! Она послужит нам — все законно. Не тебе, юноша, нарушать обычай. Или хочешь присоединиться?

Незнакомец ничуть не смутился разъяренного старца, источавшего волны злобы.

— Эта — он, не глядя, кивнул в мою сторону, — принадлежит мне и, следовательно, не может принадлежать Вам. Это мой воин.

Пауза затянулась. Старик молчал, разглядывая молодого человека, словно решая: связываться или нет. Меня он больше не замечал.

— Кто ты, посмевший перечить нашей воле?

— Капитан первого ранга Верховного Совета.

Старик медлил, покачивая посох жилистой рукой.

— Что ж... на следующем совете ты за все ответишь...

И вернулся в шеренгу. Шествие продолжалось.

Незнакомец обернулся, и я смогла хорошенько его рассмотреть. Серебристое каре. Большие темные глаза с красным отливом. Изогнутые черные брови, контрастирующие с белой кожей. Тонкие губы, скривившиеся в гримасе. По земным меркам — не красавец, да еще бардовая полоса, прошедшая по всему лицу, от левого глаза до правого уголка рта, портила всю картину. Старый рубец. Из-за него сломанный когда-то нос, слишком изящный для мужского лица, казался с горбинкой.

— Приятно познакомиться. Похоже, Вы только что спасли меня.

— Если ты хотела покончить с собой, есть более простые и менее... — он поморщился, — скверные способы. Погибнуть в битве, например.

В последних словах, мне вновь почудился сарказм.

— Кто эти люди и как они могли причинить мне вред?

— Ты не знаешь законы Поднебесья?

— После курса покаяния, — соврала я. Ну хоть в моем воображении очередная попытка увенчалась успехом.

Он посмотрел на тюремную робу.

— Это шаманы Бурри. По старинному договору, скрепленному века назад, они прибирают себе людей, встретившихся на пути. Все знают об этом и спешат покинуть площадь, заслышав стук посохов. Но есть и те, кто остаются. Фанатики или самоубийцы. Ведь любой младенец в курсе, что люди Бурри приносят в жертву людей, высвобождая духов в помощь на поле боя.

— Они приносят в жертву людей, и никто не препятствует?

— Они оповещают о своем приближении — все честно. К тому же это старинный кодекс чести — погибни за свой народ.

— Подними руки, — приказал капитан. С минуту поколебавшись, я потянула обвитые железом запястья вверх.

Неторопливо достав из кармана предмет, в котором я с трепетом узнала пистолет, и

прислонив его к моей голове, капитан вызвался сопроводить меня обратно в камеру.
Чертов ублюдок.

Я тащи́лась за капитаном по коридору, старательно отводя взгляд от проходивших мимо людей. Почти все они были в военной форме, и от каждого разило опасностью. Я старалась смотреть на мыски своих разбитых ботинок, проклиная мир, в который попала.

Из моей камеры, с которой мы практически сроднились, доносилась ругань.

— Как ты мог потерять ее! Отродье горное! И что я буду докладывать руководству?

— Но шаманы Бури...

— Не желаю ничего знать...

— Проходи, — вежливо пихнул меня капитан.

— Иди к черту, — медленно и четко произнесла я, надеясь, что он поймет значение верно.

Его глаза сузились. Понял.

Я переступила порог и скрылась в камере. Надеюсь, мы никогда больше не увидимся.

— Все готово. Пройдемте.

Что готово? Моя смерть и ожидающий за ней ад? Я пожелала немедленно провалиться.

Но пока меня дожидалась операционная и холодная кушетка, на которой мое тело распяли, как простынь для просушки.

— Спасите! Спасите меня! Хоть кто-то... — к горлу подступили истерические рыдания, я с трудом подавила их, а то еще засунут в рот кляп. Найти любой предмет, за который можно зацепиться. Вот бы ей сейчас сильные руки. Такие сильные, чтобы смогли согнуть металл и сломать шеи столпившихся мясников, прикидывающихся врачами. Боже, о чем только думается перед смертью. Мучительной смертью на разделочном столе.

— Остановитесь!

Врачи замерли и выпрямились, недовольные вмешательством в ход операции.

И снова согнулись в вежливом поклоне.

Сухой старичок дрожащими руками раскрыл такой же ветхий, как и он сам, свиток в золотом переплете.

— Она была выбрана. Сама книга пророчеств ее избрала. Дитя с зелеными глазами. Она... — старик захлебывался словами и никак не мог остановиться, — выбрана!

Ответом ему была гнетущая тишина. Минуту спустя по операционной прокатился тихий шелест недоумения. Меня отстегнули от стола и поставили на ноги.

— Если произошла ошибка, — главный мясник пожал плечами, — приводите ее обратно.

Меня передернуло. Вот уж нетушки. Кто бы ни был этот сумасшедший, но я пойду с ним.

— Что? — Мне показалось или мир, в который я попала и только начала понимать, сошел с ума? — Королева?

— Да мисс. Конечно, предстоит коронация, но нет никакого сомнения — Вы наша следующая королева. У Вас уникальная отличительная черта — глаза.

— А предыдущая? — я не знала чего еще ожидать от народа, который выбирает королеву при помощи пророчества. Может ее распяли или сожгли в очередном религиозном экстазе.

— Предыдущая? Вот с ней мы намучились. Слишком расплывчатый признак — россыпь

родинок на левом бедре в виде треугольника. Сами понимаете, — старик потупил взор, — не залазить же всем девам под платье. Но вы — другое дело! Эти зеленые глаза... — он протянул ладонь, словно желая их потрогать и убедиться.

— Что стало с предыдущей королевой?

— О, она просто ушла на покой.

— Не упокоилась с миром? — На всякий уточнила я.

— Она получила небольшую должность при дворце. Как и все предшествующие ей.

Мягкая постель. Как давно я так не наслаждалась сном.

— Вот я и в новом мире Кэм. И похоже, все понемногу налаживается. Пожелай мне удачи, сестренка.

Несколько дней назад я посетила библиотеку Дворца. Там, в старинных свитках и тяжелых книгах, хранилась история Поднебесного Города. По преданию, среди истлевших свитков было и пророчество о исходе войны, однако никому не удавалось его найти. Да и судя по слою пыли — никто этим особо и не заморачивался.

Тихий шорох. Под книжным шкафом восседал маленький серый зверек и бесцеремонно жевал страничку бесценной рукописи, придерживая ее когтистыми лапками. Тонкий и длинный носик его при этом смешно подергивался из стороны в сторону. Глазки смотрели прямо на меня с интересом и немым вопросом: кто это двуногое существо, забредшее в мои покои? Я неожиданно для себя самой неимоверно обрадовалась невесть откуда взявшейся мышке, так похожей на земную полевку.

— Жуешь? Жуй-жуй... тут небось и есть нечего.

Мышь на минутку оторвалась от приема пищи и с интересом прислушалась, сверкнув бусинками глаз.

— Я вот ищу... одного Эльфа. А ты везде бываешь, может, встречала: светленький такой, на лицо просто милашка.

Зверек тихонько пискнул, мол, знаем мы ваши проблемы. Все эти человеческие глупости.

— Эх, ничего-то ты не понимаешь. Я без него не могу вернуть свою прежнюю жизнь, соображаешь?

Мышь внимательно слушала, замерев с недоеденной бумажкой. Мне давно не попадался внимательный собеседник.

Я задела стул и он натужно скрипнул. Мышка скрылась из виду, махнув длинным шипастым хвостиком на прощание.

Поглазеть на прекрасный сад я отправилась в сопровождении высокой, сухожилистой фрейлины, не отстающей от меня с первого дня.

Сад был похож на таинственный космос. Черные стены сливались с таким же темным потолком. Высокие деревья, увенчанные круглыми шапками разноцветных листьев, дрожали и покачивались, как на ветру. Середина сада поросла золотистыми звездами. Цветы эти, несколько не страдали от полумрака, покрываясь пушистыми шариками пыльцы. Малочисленный свет падал водопадом, красиво разбиваясь на серебристые полосы, из круглых отверстий на потолке.

— Восхитительно... как во сне! — Замедлив шаг, я остановилась под одним из таких окошек, льющих на меня лунный свет.

— Да... напоминает мой далекий дом.

Я обернулась к фрейлине, вспомнив про ее существование. Стража осталась у ворот, а

она увязалась за мной.

— Разве не Поднебесный Город — твой дом?

— Нет... жаль, ты никогда его не увидишь, — в ее руке оказался крошечный огненный шарик, это было, словно она чиркнула зажигалкой. Резкий бросок, и он полетел в меня.

Темнота поплыла вокруг. Я почувствовала на губах свой крик, доносившийся с заминкой, словно сквозь вату. Но и этого хватило, чтобы стража услышала.

— *Работенка из легких. Я бы сказал отдых перед очередным боем с магами, а не работа.* — *Африт протянул через стол пухлую папку.*

Капитан скривился, опустив уголки рта, и против воли всмотрелся в Объект. Сказалась многолетняя привычка. В конкретном случае Объектом была девушка. Знакомая девушка с зелеными глазами и кудрявыми локонами необычного оттенка. Что-то вроде раскаленного песка, самую малость смешанного с землей. Не девушка — кукла с милым овальным личиком. Таковую не забудешь, если хоть раз видел. Опустевшая площадь... умоляющие глаза... наручники на запястьях...

— *Твоя задача — охранять ее.*

Амиль постарался расслабиться, стремясь не выдать своего триумфа. Вот чего он так долго ждал. Добыча сама идет в руки.

— Королева может выбрать одну из нас по своему усмотрению.

«Мои ставки растут! Неделю как Королева, а меня дважды пытались убить», — я медленно прошлась мимо разодетых барышень, каждая из которых желала стать очередной фрейлиной, рассеянно разглядывая лица. Мне не хотелось встречаться больше двух раз ни с одной из них. После покушения ни с кем не хотелось встречаться.

— Эта слишком молода, не о чем будет с ней разговаривать, — я хотела отказать им всем под какими-нибудь благовидными предложениями, — а эта очень высокая, я не желаю постоянно задирать шею, у этой помятой платье, что обо мне подумают высокопоставленные вельможи...

— Королева не может покидать покои без фрейлины, а ты отказала всем девушкам, хотя мной лично были отобраны лучшие из них, — недовольно обубнила старшая фрейлина, — я приставлю Лиси. Она мила и смьшлена.

Я пожала плечами.

— Раз все так быстро разрешилось и без моего участия, не понимаю, зачем был весь этот маскарад.

Сквозь вычурные черты лица фрейлины проступило что-то человеческое и бесконечно усталое.

— Так надо... так надо. Вся твоя жизнь на долгие годы — сплошной маскарад. Но если ты будешь недостаточно покладистой, он закончится куда раньше.

Я невольно поежилась. Звучало, как неприкрытая угроза.

Я сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и прижималась щекой к окну. Серебристое стекло растворяло пейзаж в непрозрачном мареве.

Город большой, а окрестности и того больше. Надо выбираться из царских покоев. Вот только как? В темнице меня охраняли стены и стражники. У символа власти стражи стало еще больше.

— Владислава, — молоденькая симпатичная фрейлина выглядела меня за шторой, — пройдите в тронный зал. Все собрались и ждут поприветствовать королеву.

Невольно заразившись торжественностью минуты, я распахнула тяжелые двери (с трудом, надо сказать, никто не спешил мне помочь) и медленно прошествовала до трона, вырезанного из минерала. Села и выдохнула, заставляя себя улыбаться.

Высокий сгорбленный старик приблизился к трону.

— Первый советник и управляющий королевскими делами, Сион. — Старик поклонился и встал по правую сторону от трона. — Позвольте отрекомендовать королеве самых высокопоставленных подданных.

Нескончаемое мелькание лиц и имен порядком уже спустя пятнадцать минут так утомило меня, что защипало в глазах. Очередной военный мундир вызывал приступ зевоты, от которой сводило скулы, а очередь не уменьшалась.

— Капитан летучего отряда первого ранга Верховного Совета Неба, Амиль.

Я заглянула в его глаза и вспомнила. Незнакомец, спасший меня от жрецов Бурри. Засранец, сдавший меня страже.

Вместо бесформенного плаща — темно-серый мундир с серебристыми металлическими вставками. Выражение лица такое же надменное. Капитан поклонился и растворился в толпе.

Спустя несколько утомительных часов церемония представления завершилась. Сион склонился к моему плечу и тихо произнес:

— Королева, может отправиться в свои покои, представительная часть вечера окончилась.

Прозвучало как приказ. Я с радостью сползла с трона, распрямляя онемевшую спину и зевая не скрываясь, в свое удовольствие.

— Примите поздравления, Владислава, — раздалось за спиной. В испуге, я резко развернулась.

— Кажется, я сделал то, что оказалось не под силу целому отряду Бури и подосланному убийце — напугал бесстрашную Королеву? — Съязвил Амиль.

— Не напрашивалась на «великую должность», — огрызнулась я.

— Выходит, зря я обмолвился в совете, что встречал зеленоглазую девицу. И помог им найти тебя раньше, чем ты попала под нож.

Амиль развернул меня к себе.

— Я помог тебе, милая. А значит, ты моя должница.

Жучок покинул ложе из старинных манускриптов и бежал, оставляя крохотные пыльное следы на столе.

Где и что я искала?

Большинство книг попросту сваливались в кучу на столах, самые важные расставляли на

полках. Судя по толщине пыли на корешках, пользовались ими крайне редко, предпочитая научную библиотеку в восточной части города. Небольшая комната с высоким потолком стала единственным местом в покоех, где меня оставляли в покое докучливые фрейлины и стражники, скучая за дверью. Документальные книги были не в почете. Эти потертые фолианты хранили легенды и исторические факты, благородные сказания о великих воинах и сражениях.

Я опустилась на колени перед разбросанными книгами. Меня привлекла маленькая статуэтка из металла. Необыкновенной красоты девушка, как плащом укрытая широкими крыльями. Над головой — два скрещенных клинка.

Подняв статуэтку и ощутив от нее удивительное тепло, я опустила ее в карман платья.

Фрейлина, юное существо с милым личиком, на котором навечно поселилось заспанное выражение, присела в полупоклоне. Расправив складки на платье, пролепетала:

— Это я, Лиси, королева.

— Лиси, ах да — моя фрейлина.

— Да, королева, — Фрейлина опустила глаза в пол, — но отныне, я буду сопровождать Вас только в покоех.

Я удивилась.

— Моей жизни больше ничто не угрожает?

— Напротив, — девушка смутилась еще больше, — к Вам приставили хранителя...

— Кого-кого?

— Хранителя. Он занимает высокий пост в Совете. С этого дня хранитель станет тенью королевы.

— Разве у меня мало стражников?

— Он не совсем стража... — мне нравилось смущать прелестное юное создание, но сейчас я сама ощутила тревогу, — он... волен сам выбирать маршрут, корректируя распорядок дня Величества, и сопровождает действительно... всюду.

Кукла сидела притихшая, в своей комнате, почти не показываясь. В ее немногочисленных словах, жестах, походке не было и намека на самодовольство и искусственность, к которым он так привык, охраняя людей этого круга. Возможно, она недовольна мерами предосторожности. Вероятно, вне себя от гнева. Но ее эмоции ясно проступали на лице.

Он немного поковырял вилкой в салате, пробуя самую малость ее еду, и отложил поднос в сторону, намереваясь позднее отнести его Кукле. Тихий звук, шедший из комнаты «Объекта с льняными локонами», заставил Амиля насторожиться. Подхватив заговоренный меч, единственное оружие, помогающее от колдовства, он подкрался к двери, распахнув ее резким ударом плеча. Королева нужна ему живая.

Она всхлипывала, зарывшись с головой в подушку. На мгновение ему захотелось провести пальцами по щеке, снимая слезы. Разве она не стала королевой? Разве не все хотят почестей и славы? Так что ей не радуется? Капитан вышел из комнаты, оставив ее наедине со своим горем.

Чужим и непонятным.

На побелевшем от ярости лице выделялись яркие вишневые глаза.

— Я запретил тебе покидать покои без моего ведома, — хотелось ухватить надменную девушку за плечи и трясти, трясти... не хватало еще, чтобы тщательно спланированная операция провалилась из-за ее упрямства.

Кукла едва удержалась от насмешливой улыбки, уголки ее красивого рта слегка дернулись. Это дало новый импульс раздражению. Капитана бесило, когда она не воспринимала его всерьез. Когда улыбалась. И хмурилась. Похоже, она всегда его злила, чтобы ни делала.

— Не считаю поход в библиотеку, окруженную стражей — операцией смертника...

Амиль титаническим усилием подавил раздражение.

— Я приму к сведению, ваше увлечение книгами, Королева, — он скрипнул зубами, забывая о своем первоначальном плане. Все шло кувырком. Он рискует провалить задание. Впервые за годы безупречной службы. «Это дело тебе по плечу», — словно наяву он услышал голос главы.

— А это что? — нахмурился капитан, быстрым движением руки выхватив из сомкнутых рук фигурку.

Рассвирепев от неожиданности, я с трудом подавила яркое желание хлестануть капитана по щекам.

— Чтобы это ни было — это мое!

Брови Амиля изогнулись и поползли вверх. Как я это ненавидела!

— Ловите обратно, уважаемая Королева, — он подкинул на руке металлическую фигурку девушки, найденной в библиотеке, словно собирался бросить в меня, но в самую последнюю минуту передумал, — извините, что посмел взять ваш оберег нечистой силы.

— Оберег нечистой...

— Оберег наоборот медленно и незаметно убивающий носителя, — Амиль с нескрываемым удовлетворением следил за алыми пятнами, вспыхнувшими на моем лице, — и где же был найден, сей талисман?

— В библиотеке...

Он самодовольно усмехнулся.

— Я достал карту с отмеченными на ней передвижениями обеих войск, — пробормотал капитан, разворачивая тонкий свиток.

— Она пойдет с тобой по собственной воле? Или...

Амиль вздохнул. Это, пожалуй, самая трудная часть плана.

— Только сама. Мы не можем похитить королеву. Или она не подпишет мирный договор добровольно. Я должен уговорить ее.

У нас вошло в привычку болтать обо всем, допоздна засиживаясь в библиотеке. О законах и королевских традициях, и о войне. В основном — о войне. Жители Поднебесного города, казалось, только ею и жили.

— Как пришла война никто не знает... но смерть есть смерть, ей все равно. Багряные шары бомб разрывают людей на куски, не разбирая где солдаты, где — простые фермеры. Горные отвечают тем же.

— Отчего же вы не одержите победу? Самолеты, роботы, военная тактика — все на

вашей стороне!

— Железячки еще не все... люди поднебесья необычайно способны в технике, но лишены способностей в магии. А горный народ напротив. Закон компенсации. А магия, она бывает разной. Иногда, очень страшной...

Амиль отвел взгляд.

— Железо дробится, падает бесполезное оружие, умирают люди, за секунды выжженные изнутри ярко-синим пламенем карательной магии... Я не раз видел в бою как презрение к магии превращается в панический страх и безумие. Когда жор-огонь — сильнейшая магия — обгладывал скелеты домов, неподвластный ни воде, ни ярости. И угасал, спалив все дотла.

Он бомбил неприятелей с неба. Это легче. Легче не видеть глаза того, кому приносишь смерть. Он убивал в схватке. Это тяжело. Иногда просто невыносимо. Хрипы и стоны, прерывистое дыхание умирающих... Нет, его не столько мучила совесть — скорее охватывала злость от ненужности войны и следовавших по пятам смертей. Война не за независимость или захват чужих территорий — что им делить, живущим в разных мирах, по своим и только своим законам. Война не за свободу от угнетателей. Война с такими же людьми, в глазах которых он видел ту же глубоко спрятанную внутри растерянность и недоумение. За что они умирают?! За что-то утерянное в пыли столетий, за осознание своей власти над другим непонятным и непонятым народом, за желание быть единственной разумной расой? За чьи-то амбиции?

И за это стоит отдать жизнь?!

Этот разговор казался преддверием к чему-то большему. И скрытый смысл должен был вот-вот проявиться.

— Владислава, — Амиль внимательно посмотрел на девушку, — у тебя нет реальной власти, но для Горных громкое звание королевы не пустой звук. Любой рядовой представитель Небесного города не может надеяться на аудиенцию у горного короля. Что бы там ни было в реальности, ты — власть имущая, можешь заключать мир и подписывать конвенции и соглашения. Владислава, — Амиль запнулся и тихо продолжил, — пойдём со мной к горным. Склоним их к мирному договору. Как королева — ты сможешь представлять от своего имени целый народ...

Ах, вот оно — то, ради чего властный человек, привыкший повелевать, опустился передо мной на колени. Растерянная, я не знала, что ответить. Судьбы народов, вековые войны, повседневная человеческая жестокость, умирающие люди... мне было их жаль. Просто, по-человечески жаль. Но, как моя жизнь? Душа? Моя сестра, которая не должна была умирать молодой?

Его длинные бледные пальцы чертили линию на подлокотнике кресла. Туда и обратно. Казалось, они жили своей жизнью.

«Подумать только, — Амиль с трудом подавил очередной приступ раздражения, — от этой пигалицы, возможно, зависит будущее его народа». В библиотеке повисла обманчиво безмятежная тишина. Он напряженно ждал решения Королевы, страстно желая услышать "да", и так опасаясь услышать "нет".

А мне нечего было ему предложить.

Месяц отмеренного срока утек сквозь пальцы. Единственное, что мне хотелось — найти Эльфа. Эта любовь могла спасти меня. Где то в просторах города живет Он, даже не подозревая о моем существовании. Возможно, у него есть любимая или семья, в которой мне

никогда не найдется места.

Тогда все пропало, но об этом лучше не думать.

Я могла бы пойти с Амилем к горному народу с белым флагом и предложением мира...

В голове раздался низкий звон и потемнело в глазах. Я начала медленно сползать с кресла, на котором сидела, пока у самого пола меня не подхватил Амиль. И тогда комната поплыла...

Безлистые деревья разрезали пространство черными ветвями, украшенными крохотными золотистыми каплями-фонариками. Неба не было. Вместо него — расцвеченный потолок, утыканный растущими вниз шляпкой грибами.

На ладонь села большая бабочка. Я хотела приподнять руку поближе, чтобы хорошенько рассмотреть, но рука не слушалась. Будто и не моя вовсе — чужая.

Человек. Высокий мужчина с необыкновенно белой, алебастровой кожей и такими же белыми волосами. Он стоял, отвернувшись в сторону. Чтобы увидеть его лицо, надо было обойти мужчину, но я не могла двинуться с места. Застыла, точно каменное изваяние.

Картинка поплыла...

За секунду до того, как видение исчезло, и я оказалась в библиотеке с белыми стенами и потолком, яркими лампами, взволнованным лицом Амиля, склонившимся надо мной, все прояснилось. Это был Эльф. И он был не в сфере.

— Владислава, Влада... ты меня слышишь?! — Амиль легонько коснулся моей щеки. Я нехотя открыла глаза. Хотелось обратно в чудесное видение. К Эльфу.

— Люди с необыкновенно белой кожей и волосами — горный народ? И она живут в темноте?

Амиль удивленно посмотрел на меня, не ожидая подобного вопроса от только что очнувшейся девушки.

— Да. Они живут в горах. Их города уходят глубоко под землю.

— Как гномы...

— Как кто?

— Да так... Ты хоть понимаешь... я искала все это время здесь... а он... — Я тихонечко хрюкнула. Вот где Эльф. Закинул меня во враждующее племя, демон проклятуций.

— Так когда мы выдвигаемся в поход?

— Ты согласна?

— Разве я могу поступить иначе? Пора положить конец войне!

— Ты не пожалеешь, — капитан неожиданно мягко и обворожительно улыбнулся.

Я отстранилась от него, осознав, что почти лежу на нем. К черту всех! К черту войну!

Я хочу спасти себя и Кэм.

— Королева, поверьте, это будет длинный день, — старшая фрейлина плюхнулась в кресло без приглашения. Ее маленькие настороженные глазки буравили меня насквозь. Казалось, она задавалась вопросом: как эта девочка стала их королевой? Как мудрая книга Пророчеств смогла допустить такое? Она сама была когда-то избранной. Теперь передо мной сидела постаревшая, высохшая с годами женщина, возглавляющая гильдию служанок, фрейлин и пажей.

— Утром — казнь королевских преступников. В полдень — парад. В честь новой Королевы пройдут пышные смотрины войск. Вечером присутствие Королевы требуется в Верховном суде. Сложного в этом ничего нет, — И вновь этот пренебрежительный взгляд поверх моей головы, — просто сидишь на троне и раздаешь улыбки направо и налево. Завтра собрание. Но твое присутствие там ограничится банкетом.

— Я правильно поняла: ни во что не вмешиваться, улыбаться и послушно кивать головой, как безмозглый болванчик?.. И я против истязаний в любом виде. Преступник должен сидеть в тюрьме, — я невольно вздрогнула, вспомнив холодные камеры, пахнущие страхом и безвкусным желе, — но никак не болтаться на виселице.

— Ты королева. И обязана присутствовать на казни.

Великая Королева. Большая власть. Пустой звук, красочная иллюзия.

Фрейлина недовольно нахмурилась. Вызывающее поведение девочки не соответствовало представлению о Королеве, как о красивом, но бесполезном пережитке, от которого со временем Совет Неба планировал избавиться. Нет, не сразу — это вызовет волнения в рядах простых граждан, они почитают старинные традиции. Постепенно...

— Послушай меня, девочка, — Водянистые глаза пожилой фрейлины сузились, и сквозь наносную маску участливости проступили истинные черты: высокомерные и злобные, — не забывайся. Твое правление здесь не вечно, каких-то пять лет и ты — никто. Можешь представить себе каково это: еще вчера мир лежал у твоих ног, склонившись в учтивом поклоне. А сегодня и сейчас ты выполняешь прихоти новой девочки, возомнившей себя королевой.

— Тогда зачем все это? Для чего весь этот маскарад?

— Когда-то, — фрейлина встала с кресла и подошла к окну, отвернувшись так, что я не видела ее лица, — когда-то, Королева действительно обладала властью. Настоящей. Не призрачной. Так прописано в книгах истории нашего города. Мало кто снисходит до их чтения, а зря, можно почерпнуть массу интересных легенд и историй...

Тогда Королева выбиралась тем самым способом, что и сегодня — путем расшифровки очередного имени в Книге Времен. Затем власть перешла к Совету Неба, состоящему из главного советника Королевы, военачальника армии, семи капитанов первого ранга, предводителя от шаманов, торгового министра, ученого, обладающего хорошими связями в правительстве, и десяти самых влиятельных и богатых жителей Поднебесья. Справедливости ради, стоит отметить, что Совет Неба, включающий лучших из лучших обитателей Поднебесной, несомненно, более компетентен в делах власти, нежели неискушенная девочка, выбранная путем глупого пророчества.

— Вы не верите в Книгу Времен?

— Это всего лишь книга. Старая книга с истлевшими страницами, навязывающая

нашему обществу необоснованное мнение сквозь пыль веков.

— Кто ее создал?

— Этого никто не знает. Слишком много воды утекло с тех пор. — Старая женщина вздохнула. — Засиделась я здесь с тобой. Сейчас пришло к тебе Лиси, она поможет подготовиться.

Уже у самой двери фрейлина обернулась,

— И напоследок совет: не пытайся повлиять на ход государственных дел. Это не в твоей власти.

— Приговариваются к наказанию за незаконную связь... приговариваются к смерти за дезертирство... приговариваются к смерти за шпионаж... приговариваются... приговариваются...

— Смерть предателям!

— На дыбу изменников!

— Туда и «прожигателей»!

Они умирали... быстро, но я впервые увидела смерть так близко. Хотелось отвернуться или на худой конец закрыть глаза, но я сидела, прямая как палка, не в силах отвести взгляда от принявших яд людей, лица которых навеки застыли в гримасе страха и удушья.

Эта картина останется со мной навсегда — чтобы я ни делала...

Металлический корсет больно стягивал грудь, не давая вдохнуть. На руке светился серебристый браслет, плотно обхватывая запястье. На шее, подвешенная за тяжелую цепь висела семиконечная золотая звезда, с синим граненым камнем в центре. Символ власти. Моей зыбкой власти в этом неустойчивом мире. Я поправила острый край звезды, больно упирающийся в тонкую кожу. «Довольно тяжелый символ, — решила я, — для такой маленькой и призрачной власти».

Над головой, словно хищные ястребы, скользили стальные истребители — крохотные двухместные летательные аппараты. Они оставляли за собой быстро таящий в синеве след.

— Слава воздушному батальону! — Амиль возник как всегда внезапно. На лацканах его парадного синего мундира яркими пятнами красовались треугольные значки. «Медали — догадалась я. — Странно, и что ему не воюется? Вон, даже награды получает... Хотя какая разница, пусть проведет меня к Эльфу».

— Дозвольте препроводить Ее Величество к солдатам для ознакомления и поднятия боевого духа бойцов.

Четверо телохранителей молча расступились, но стоило только двинуться, как они зашагали следом, на расстоянии пары метров.

— У нас есть план? — шепотом спросила я Амиля, стараясь не оборачиваться назад.

— Королеве захочется уединиться. Я провожу тебя к кабинкам для летчиков. Стража выстроится в шеренгу, но тыл останется свободным. Выберешь третью кабину справа, там задняя стенка отвинчена, а на крючке висит плащ невидимости. Действует, правда, недолго, потом бесполезен (а я так дорого за него отдал), но тебе и пары минут хватит. Надень его и бегом в лес, я буду ждать там... — Так же шепотом ответил Амиль, не замедляя шага, — ... сегодня наши славные воины продемонстрируют нам слаженную и отточенную работу. Затем — парад авианосцев и показательные бои, — Уже громче добавил он для сопровождающих.

— Так просто? — я ощутила себя несколько оскорбленной не поэтичностью собственного побега. Да, о таком бегстве не сложишь прекрасную легенду. — Хорошо хоть не через выгребную яму...

— Сложный план, основанный на множестве отдельных деталей, скорее приводит к отрицательному результату... — прошипел капитан, а затем разборчивее отчеканил, — наши самолеты самые маневренные!

Быть может, повлиять хоть как-нибудь на ход государственных дел и не в моей власти, но вот сбежать — точно в моей.

За моей спиной остался город и несколько сот метров густого изумрудного леса, влажного, пахнувшего мхом и корой деревьев-великанов. Устав убежать, я присела на поваленный ствол. Амиля все не было. Ощущение беспокойства лизнуло холодком. Без него не найти дорогу к горному народу, нет смысла пытаться. Если меня не съедят по дороге какие-нибудь местные хищники, я заплутаю в непроходимых зарослях.

Сквозь резную листву деревьев просвечивало размытое серое пятно. Заинтересованная, я шагнула по направлению пятна, раздвигая руками переплетенные ветви.

Серым пятном оказалась поверхность озера. Крохотного лесного озерца, окруженного черными, облетевшими стволами деревьев. Вокруг озера не росла трава, а погибшие деревья застыли безмолвными стражами по краю, скрюченные после смерти. Странная поверхность озера, казалось, поглощала свет. Ничто не нарушало тишины.

Мертвой тишины зачарованного места.

Один шаг, второй и я уже на берегу неестественного озерца, иссиня-серая поверхность которого так манила и притягивала к себе.

Я присела на корточки и, сложив ладони ковшиком, протянула, чтобы зачерпнуть немного темной жидкости...

— Стой! — Крик резкий, как удар хлыста, привел меня в чувство. Дурманящий туман в голове рассеялся, и оказалось, что я стою по горло в холодной воде, собираясь продвинуться дальше, в серую глубь озера. Я повернула было назад, но озеро не собиралось так просто расставаться со своей жертвой. Ноги провалились в мягкий ил, словно в трясину. Перед глазами возникла рукоять меча. Я ухватила за нее мертвой хваткой, костяшки пальцев побелели — так крепко сжала руки.

Амиль вытащил меня на берег. Я уткнулась лбом в землю, все еще не выпуская из рук рукояти. В голове стоял звон.

— Дура... какая же ты дура... Кукла безмозглая! Неужели ты никогда не слышала о Мертвом озере?

На мгновенье показалось, что он кинет меня обратно.

— Нет, — я всхлипнула и наконец-то рассталась с рукоятью, — о Мертвом море слышала, но об озере... Оно же хотело, чтобы я утонула... Правда хотело. А я всего лишь наклонилась над ним. Потом ничего не помню.

— Это чары. Оно притягивает свою жертву. — Амиль склонился надо мной, цепкие ладони ухватили и потрясли за плечи. — Идти сможешь? Нам надо отойти на безопасное расстояние от озера, от города, а там разведем костер и просушим твою одежду.

Я, молча, повиновалась.

Мокрое платье противно липло к ногам, мешая идти. Стало холодно. Амиль снял с себя мундир и накинул мне на плечи. Я закуталась, тщетно стремясь согреться. Лес то редел, то становился совсем непроходимым. Звенели разноголосые мелодии птиц, совсем как в моем родном лесу, где девочкой я собирала грибы.

Из груди вырвался тяжкий вздох. Где он теперь, мой лес? В каком далеком измерении? Я пожертвовала многим и просто обязана победить.

Я еще раз вздохнула и с благодарностью уставилась на Амиля: не подоспей он вовремя, кормила бы рыбок на дне странного водоема. Перед глазами возникла серая поверхность

Мертвого озера, такая противоестественно безмятежная и непроглядная.

— Послушай, то озеро... Оно что, правда — живое?

Амиль резко затормозил, и я чуть не налетела на него. Он повернулся и как-то странно взглянул на меня.

— Никто не знает. Это одна из тайн Ушедшего народа. Они оставили после себя еще несколько таких «милых» сувениров. Даже дети не приближаются к озеру...

— Да-да. Знаю: никто не приближается к Мертвому озеру, никто не попадает на пути шаманов... еще что-то, что мне стоит знать?

Кривая усмешка:

— Просто не отходи от меня далеко.

Огонь горячими языками пламени обжигал кожу, но я не спешила отодвинуться в сторону, радуясь разлившемуся по телу теплу. Металлический корсет безжалостно выкинула в сторону, браслет отправился вслед за ним. Я хотела снять с шеи и тяжелую семиконечную звезду, но Амиль, молча наблюдавший со стороны, повелительно остановил меня.

— Звезду надо сохранить. Это символ власти. Без нее и копии из книги Пророчеств ты не сможешь подписать мирный договор.

— Амиль, зачем тебе все это?.. Ты занимаешь... — я запнулась и быстро продолжила, — ...ну, вернее, занимал до того момента, как мы сбежали, высокую должность. Зачем тебе мир? Разве не война — твой мир?

Тонкие рубиновые ветки сухого кустарника быстро сгорали, но давали хороший жар, опалая воздух оранжевым пламенем. Амиль вытащил из охапки заготовленного хвороста несколько длинных веток и насадил на импровизированные шампура круглые хлебцы, чередуя с квадратными кусочками мяса. Отложив в сторону свой рюкзак, поднял на меня глаза, прищурившись от едкого дыма костра, и задумчиво произнес:

— Надоело убивать людей... просто надоело.

От горячего мяса шел пряный, приятный аромат. Я заглатывала кусочки, обжигаясь и дуя на пальцы.

— Пора устраиваться на ночлег. Завтра встанем с самого утра и продолжим путь. До горного народа дней пять пути.

Амиль вытащил мне меховой конверт, сам лег прямо на траву, положив руки за голову и закрыв глаза.

— Здесь такие большие звезды... — Очарованная, я смотрела на неизвестные созвездия, где каждая звезда величиной со среднюю пуговицу.

— Здесь, это где? В лесу? — сонно пробормотал Амиль и повернулся к костру.

«В этом странном мире... — подумала я про себя, прежде чем погрузиться в сон без сновидений, — где живут такие странные люди...»

Я собрала целую охапку изящных золотисто-оранжевых цветов на тонких ножках. Сдавила двумя пальцами стебелек, и, скомкав нежную зелень, поднесла к лицу. Густой аромат вскружил голову полынной горечью и пряностью смородинового листа. Желтая россыпь пыльцы щекотала ноздри. Уткнувшись носом в солнечные лепестки, я чихнула.

Амиль долго не возвращался с разведки. Минуты перетекали натужно, как часы, и ожидание порядком утомило. Вот уже второй день над лесом безостановочно кружил рой самолетиков, разыскивая пропавшую королеву. Пока Амиль сверяясь с картой, разыскивал самый кратчайший и безопасный путь, я отсиживалась в густом кустарнике, обрывая, мучимая бездельем, ароматные цветы. Облазив весь кустарник и собрав пышный букет, я осматривала заросли в поисках новых «жертв». Зачем мне были нужны эти цветы? Наверно, чтобы хоть чем-то занять себя и унять поднимающуюся в груди тревогу.

«Без Амиля ты — никто. Без него ты — пропадешь, сгинешь в этом пугающем лесу...», — звенел назойливый голосок страха.

Огромный белый бутон с чуть-чуть приоткрытыми лепестками был великолепен. Фарфоровый глянец крупного цветка выгодно выделялся среди мелких и невзрачных собратьев. И хотя Амиль строго-настрого запретил высовываться из надежного укрытия кустарника, я быстро перебежала поляну и опустилась на колени у белоснежного красавца. Дотронулась ногтем до края отогнутого белого лепестка, провела по бархатистой поверхности цветка пальцем. Склонилась над бутоном и вдохнула сладкий аромат... внезапно стало нечем дышать, словно невидимые тиски сжали горло, мешая вдохнуть и выдохнуть воздух. Я обхватила ладонями лицо, впиваясь в него ногтями и не чувствуя боли. Падая на поросшую мхом землю и проваливаясь в темноту, слышала собственные хрипы.

Мне привиделось побелевшее лицо Амиля, прежде чем сознание окончательно померкло.

— Идиотка... — Амиль устал ругаться и продолжал скорее по инерции, — да в этом камне мозгов больше, чем в твоей пустой голове... — он пнул некстати подвернувшийся булыжник и почти спокойный повернулся ко мне, — ну что, отпустило?

— Я ослышалась, или в твоём голосе прозвучала забота? И это спустя два часа непрерывного перечисления моих «выдающихся» умственных способностей! — Все еще знобило, перед глазами расплывались черные круги, но я дышала! Дышала!

— Тебя нельзя оставить ни на минуту. Ты обязательно приложишь все усилия, чтобы погибнуть. Почему просто не посидеть на месте? Там где я тебя оставил, а не в объятьях зверелова, как раз в сезон цветения, когда он делает запасы.

— Цветок убивает ароматом?

— Зверелов вызывает сильнейшие спазмы, оплетает жертву корнями и медленно поглощает, смакуя обед месяцами. Тебе крупно повезло, что ты осталась жива...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Амиль дотащил меня до оврага и окунул лицом в мутную лужицу дождевой воды, скопившейся на самом дне. После нескольких водных процедур, я пришла в себя. Щеки жгло. По-видимому, он хлестал меня по лицу.

Голова раскалывалась, и я тихо застонала. Мне стало очень-очень жаль себя.

— Тебе легко говорить, а я ничего не помню-ю-ю...

— Влада, пойми, — Амиль присел возле меня, — от тебя зависит судьба двух народов. Ты просто не имеешь права так глупо рисковать жизнью!

— Вот-вот, — я еще раз шмыгнула носом, — моей жизнью! Моей!..

— Есть и другие. Не все из них заслуживают, чтоб ты пробиралась по этому лесу, рискуя жизнью, но и они — тоже люди. Книга Времен выбрала тебя, сочтя достойной. Кто знает, может, именно ты положишь конец войне, длящейся сотни лет. Подумай об этом, — впервые почти нежно произнес Амиль, — Королева.

Он так ласково вымолвил последнее слово, что что-то изменилось. Как бы мне хотелось рассказать ему обо всем... но в тот самый миг, когда я открыла рот, в голове отчетливо прозвучало: «если хоть один человек узнает о договоре, ты отправишься в ад».

— Постараюсь больше не попадать в переделки, — я старательно отчеканила то, что так ждал от меня спутник.

— Вот и умница, — улыбнулся Амиль.

«У него красивая улыбка и такие длинные ресницы... — устало отметила я, — надо бы ему об этом сказать».

— А то я уж подумал, что ты вляпаешься во все опасности, какие только могут встретиться на нашем пути.

«Обойдется, — я безучастно махнула рукой, продираясь вслед за путником через сплетение кустарников.

С этого дня он не оставлял меня одну, тихим и вполне мирным голосом приказав всегда быть перед его очами. Я промолчала, Амиль был нужен мне так же, как и я ему. Мы отчаянно нуждались в друг друге, пробираясь сквозь переплетенье ветвей и маленькие, хитро замаскированные болотца.

Наш крошечный отряд из двух человек шел к реке. Там, за бурным течением лесной речки лес редел, обрываясь через километр выжженным солнцем плато. За пустынным плоскогорьем когтистым хребтом исполинского чудовища вставала гряда Диоритовых Гор. Их населял горный народ.

Река текла скоротечно, брыкаясь каменными порогами. Неширокая, глубиной по коленку, но необычайно резвая, шумная. Я присела на корточки, зачерпнув воды ладонями.

— Б-р-р... студеная! — лицо на мгновение онемело от холода.

В ручье серебряным пятнышком скользнул хребет рыбки. Я склонилась ниже, к самой поверхности, отметив шипастые наросты на голове и плавниках. Маленькая рыбка несла на себе острое игольчатое оружие. Еще одна проплыла у самого дна. И еще.

— Да их тут целая стайка!

Неясный шум над головой оторвал меня от созерцания рыбешек. Донесся слабый стрекот, словно большая стайка кузнечиков заиграла разом, постепенно грохоча все сильнее. В небе показался крохотный рой вертолетов, круглых пузатых, как маленькие дирижабли.

— Наши. Беспокоятся, ищут тебя повсюду, — бросил Амиль, и, не поднимая головы, продолжил деловито засыпать костер землей.

Оставался день ходьбы, когда напал отряд.

На подходе к лысоватой рожице, его зацепила пуля. Досадливо поморщившись, капитан достал ружье. «Не ранили бы Королеву...», — пронеслось в голове. Паника, возникшая при выстрелах, вызвали в девушке столбняк, делая ее необычайно легкой мишенью.

«Вот тебе и дойти незамеченным» — мысленно простонал Амиль. Группа захвата пошла в наступление. Их целью был Объект, а его было приказано убить.

Короткая перебежка и два пущенных заряда. Впереди торопливо бежала его собственная тень.

Выпустив пулю в лоб очередной мишени, капитан повалил Королеву на землю, придавив телом и одновременно метнув единственную магическую гранату, надеясь на счастливый случай. Взрыв заставил ее вздрогнуть, а его зашипеть от боли в раненой руке.

Взрыв и тишина. Даже птицы перестали петь. Больше выстрелов не будет. Взметнувшаяся пыль и пепел осели призрачным ковром.

— Все хорошо... — он провел рукой по запыленным локонам, желая успокоить. Эти дрогнувшие губы и испуганный взгляд...

Ему бы слезть с нее и продолжить путь, пока не появился новый отряд, а он не может пошевелиться, пойманный этим взглядом.

В спутанных волосах застрял сухой листок. С нарастающим раздражением выдернув его из головы, я постаралась принять удобное положение в узком чехле, отдаленно напомиавшем привычный спальный мешок из другой жизни... Привычной жизни с милой сердцу рутиной переполненного метро и холодной воды из обоих кранов.

Там не было мертвых людей. Настоящих трупов с остекленевшими глазами.

Мелкая дрожь прошла по телу. Я крепко зажмурилась, стараясь уснуть.

Неестественно вывернутые конечности... белые лица... и кровь на траве...

Я резко села, трясась от холода.

Амиль задумчиво ковырял палкой в огне, вороша угли. Морщился. Видать, болела оцарапанная пулей рука.

— Холодно? Я добавлю дров, — выбрав пару веток поувесистее, закинул в костер. Жадное пламя обхватило добычу, алчно облизывая алыми язычками. — За реку нам не пройти, та территория патрулируется день и ночь, глупо этого не замечать, а дальше на плато — идет война.

Я вздрогнула, расслышав далекие отголоски то ли грома, то ли бомбежек.

— Пойдем сквозь Город Ушедших...

Распрощавшись с мечтой выспаться, я подперла подбородок ладонью и уставилась на Амиля.

— Укладываешься спать? А кто же будет сторожить всю ночь свою королеву? — Мстительно улыбнувшись капитану, я нарочито сладко зевнула, зная, что и сегодня Амиль до рассвета не сомкнет глаз, охраняя мой сон.

Вот только этой ночью он будет не одинок.

Страх, вползший в мой сон, заставил проснуться. Мы наполняли дом собой, спальными мешками, вещами, тем самым подчеркивая его опустошенность. Как ни странно, покинутые дома Ушедших больше всего напоминали Землю. В узкой прорези над потолком расплывчато плавал небесный свод с непривычно огромными звездами. Я прикрыла глаза. Открыла. Ничего не изменилось. Где-то там, в дальнем углу комнаты не спал Амиль. Кажется, я слышала биение его сердца. Спать в доме Ушедших была моя затея. Мне казалось — тут спокойнее, чем под открытым небом. Как я ошибалась. Разве речь шла о каком-нибудь спокойствии, когда так заунывно, исполняя литургию, за стенами выл ветер. Я вновь открыла глаза — из узкого окна уставились продольные черные зрачки. Огромная темно-синяя звериная морда с плотоядным блеском в немигающих глазах откровенно рассматривала мою фигуру.

— А-а-а-а-а... — визг мгновенно перешел в мощное сопрано необычайной силы. Я пулей выскочила из спального мешка, столкнувшись по дороге с Амилем, бросившимся на помощь. Вцепившись в него одной рукой, второй тыкала вверх, в окно со страшной звериной мордой. Амиль молниеносно вскинул голову и тут же расслабился.

— Это эмун, глупышка, они падальщики и совершенно безобидны. Их даже держат, как домашних животных. — Уяснив, что опасность быть сожранными не угрожает, и позабыв оскорбиться на «глупышку», я немного расслабилась. Осознав, что стою, прижимаясь к теплой мужской груди, в объятии крепких рук.

— Ну и страшный же у него оскал, — хрипло пробормотала я, не смея ни поднять головы, чтобы встретиться со смеющимися глазами, ни разомкнуть успокаивающие объятия.

Жар его рук проник сквозь одежду. Я вздрогнула, и Амиль отодвинулся с быстротой реакции бывалого воина.

— Плечо заныло, — счел нужным объяснить капитан.

— До рассвета далеко...

— До рассвета надо поспать. Если все пойдет как надо, завтра мы встретимся с Горным Королем.

За столько дней пути, он уже привык не спать ночами, рассматривая от нечего делать хрупкий профиль. Обычно она спала на спине, заложив одну руку за голову. Кончики неровно подрезанных волос завитками обрамляли тонкую шейку. Густые ресницы черными стрелками оттеняли лицо. Теперь, когда она спала, Амиль разрешил себе вспомнить, как она лежала под ним на земле. Испуганная после взрыва.

Он рассматривал ее профиль. День за днем. От нечего делать... от скуки.

Когда я проснулась, Амиль готовил скудный завтрак. Два куса сероватой массы побольше и кольца зажаренной ранее на костре рыбы поменьше, да бутылка воды.

— Эх, сюда бы пару куриных ножек и жаренной картошки... — вздох невольно вырвался наружу при виде более чем скромного стола. Я с трудом проглотила предложенный завтрак, но мне нравилось смотреть, как ест мой спутник. Аккуратными и ловкими движениями, хоть и немного поспешно. Бабушка говорила, что по тому как человек ест, можно многое о нем узнать.

Амиль как-то странно посмотрел на меня, прежде чем спросить:

— Влада, еще не вспомнила свою прежнюю жизнь? До контузии?

Я покачала головой.

— Амиль...

— Да, — он сложил нож и наполовину опустевшую бутылку в заплечный мешок. Поднял голову и произнес, — они зеленые...

— Кто? — удивилась я.

— Глаза. А волосы — цвета пересохшей глины. Ты не похожа ни на поднебесных, ни на обитателей гор. Ты из народа Ушедших, Влада? Ты одна из них?

Я покачала головой.

— Я тоже умею подмечать. Твои вишневые глаза, серебряные волосы и белая кожа.

— Малиновые глаза в городе не редкость.

— А волосы и кожа? Они как...

— Как у Горных? — Амиль кивнул, нехотя, но посчитал нужным добавить. — Мой отец из Поднебесья, а мать Горная. И они были прожигателями, за что поплатились.

— Но они же воюют.

— Иногда, такое случается... один раз в века... — он умолк. Поднялся.

— Нам пора.

Я с трудом поднялась, разминая затекшую спину. За несколько дней пути ноги сбились в кровь и болели немилосердно.

Дверь противно скрипнула и с трудом отварилась. Дыхнуло горячим воздухом. Легкие наполнились воздухом вперемешку с песком. Заслезились глаза, и я закашлялась. Амиль так и не вышел за порог, замерев каменным изваянием в дверях. Мне пришлось протискиваться у него под мышкой. То, что я увидела, потрясло до глубины души.

Песок. Всюду. До самого горизонта. Куда-то делся окружающий мир с небом и землей, брошенными домами и лесом, блеском реки вдаль. Все пожрал песок. Однородный, цвета выжженной до белизны речной гальки. Песок шуршал, гремел. Терся друг о друга жесткими гранями песчинок. Одним словом, песок жил своей особенной жизнью, что ему было до двух одиноких фигур, замерших в остолбенении.

Первым очнулся Амиль. Схватив меня за руку, бросился наперерез песку, прочь от дома. Я попробовала протестовать, но взглянув в полное едва сдерживаемой злости лицо, повиновалась. Проклиная всю планету целиком и отдельных обитателей, похромала следом. Прошагав несколько метров, Амиль так же резко затормозил и развернулся назад. Дом, тот самый в котором мы провели ночь, миг состарился, покосившись одним боком, и довольно основательно погрузился в песчаное море по окна. Жалобно скрипнула болтающаяся на одной петле дверь, и дом ушел в песок по розоватую крышу.

— Проклятое колдовство, — прошипел Амиль, сузив глаза, — тут его полно.

— Куда мы теперь, — робко прошептала я, дергая его за рукав, как потерявшийся ребенок.

Пока происходил наш короткий диалог, дом с противным чавкающим звуком полностью ушел в песок, оставив после себя круглую воронку. Амиль оглянулся.

— Нам туда, — ткнув в едва заметное серое пятно на горизонте, как в единственный ориентир, он зашагал по чудовищно белому песку.

Больше мы не оглядывались назад.

По мере приближения, серое пятно проступало все явственней. Слово акварельный рисунок, небрежно наляпанный детской рукой, обернулся тщательно прорисованной репродукцией. То был редкий корявенький лесок, весь состоящий из сотни-двух невысоких

серо-белых деревьев.

— Что-то в нем не так, — растерянно пробормотал Амиль.

Присмотревшись лучше, я охнула, растерянно протирая глаза дрожащими руками. Ствол дерева оказался высохшей до выбеленных мышц человеческой фигурой, увитой серыми листьями.

Это стало последней каплей — с утробным криком, вмещающим в себя все страхи последних дней, накрепко зажмурившись, я побежала в обратную сторону, удаляясь от леса мумифицированных людей. Уткнувшись в Амиля, из ниоткуда выросшего на пути, я так же резко остановилась и повисла на нем, продолжая тихонько подвывать.

— Это всего на всего колдовство...

Я всхлипнула.

— Оно не опасно, хотя и действует на нервы...

Слезы капали на потрепанный мундир Амиля.

— Моя Королева, тише... мы все выдержим и прекратим войну, а наши имена останутся в легендах и летописях...

Но и это не помогло.

Холодные длинные пальцы приподняли мой подбородок. Горячие сухие губы мягко коснулись вздрагивающих губ, стирая страхи, сомнения, слабость. Я застыла, оглушенная разгорающимися поцелуями, становившимися все настойчивее и жарче.

Амиль с трудом заставил себя отодвинуться, выровнять дыхание и спокойно произнести:

— Можно двигаться дальше... — он не договорил изумленный. Все еще под впечатлением, я не сразу осознала, что песок исчез. Трава, небо, река, розовые заброшенные дома Ушедших вдали: все вернулось.

— А целоваться иногда полезно... — усмехнулся Амиль, — для дела, разумеется.

Все утро наш маленький отряд шел молча. Я ступала за капитаном шаг в шаг, опасаясь сбиться и попасть в очередную хитроумную ловушку. А он просто не желал говорить.

— Скоро придем? — Я не выдержала первой. — У меня от этого леса мурашки...

Амиль перевел взгляд от промокших в росе сапожек к ее лицу. Девчонка. Кукла. И, пошутили же предки, — королева его народа.

В завесе морозящего дождя она казалась даже более жалкой. Маленькая девочка, позволившая себя поцеловать. А он до сих пор помнил, как приятно пахли ее губы.

«Пройдет... и это пройдет... все пройдет», — тихо, чтобы его ободрить, шептал дождь.

Перед привалом мы неожиданно наткнулись на кости. Выбеленные ветром и солнцем, а теперь оплаканные дождем трубочки, едва прикрытые травой. Амиль хотел пройти мимо, но я замерла, словно наткнувшись на невидимую преграду.

— Что это?

— Кости...

— Я вижу, — мне перестало хватать воздуха, — чьи они?

— Человеческие. — Амиль нехотя подошел и склонился над чьими-то останками. — В черепе застрял осколок снаряда. Здесь такое не редкость.

Я кивнула, подавленная, вспоминая тощую рожицу и оставшихся в ней навсегда солдат.

— Чужая смерть всегда напоминает о собственной тленности...

— Все мы не вечны.

— Но есть что-то похуже.

— Что, например? — заинтересовался Амиль.

— Потерять человечность еще при жизни.

— Жить без души.

— Ну да. Без души.

Каждый шаг давался с огромным трудом. Ступни чувствовали любой камешек на пути. К вечеру мы добрались до гряды. Гигантские, высоченные горы простирались вширь и в высоту, заслоня собой стремительно темнеющее небо.

— Почему здесь так тихо? А где же война?

Ответом послужили громовые раскаты.

— Мы познали войну сполна. Пора узнать кое-что о мире.

Грохот бомб и вздрогнувшее плато не дали ответить. Я зажала руками уши.

— Ты что-то говорила о тишине, — сощурился Амиль.

— Забудь, — я махнула рукой сияясь перекричать грохот и потонув во внезапно обрушившемся затишьи. Сердце билось о ребра.

— Видите, Королева, война ненадолго утихла... Ну же, идем! Не через парадный вход, конечно. Предстоит пройти несколько километров. Там в горе старый ход, ведущий в разветвленную сеть лабиринта, — перехватив мой взгляд, он счел нужным добавить, — мать рассказывала. Про многочисленные тоннели, безымянные пещеры и огромные пустоты.

Свод пещеры тянулся над головой. Мрак. Полное и бескомпромиссное погружение в темноту.

Я теснее прижалась к Амилю. Он ободряюще коснулся моего плеча.

— Это ненадолго. Через несколько поворотов станет светлее. В предыдущей пещере были шары-грибы, но здесь их почему-то нет.

— Как ты помнишь все повороты? — Поворот налево, два направо, пещера с тремя уходящими в разные стороны туннелями, как в той сказке: куда ни пойдешь, а коня все равно потеряешь.

— Это крупнейшие на планете конгломератовые пещеры. Состоят из валунов да гальки, сцементированных красновато-коричневым известковым песчаником. Они уходят вглубь и вширь, имея лабиринтовое строение. Большинство ходов и гротов объединены в крупные системы, самые крупные из них — горные города. В пещере даже есть озеро глубиной тридцать шагов, грот в сорок два шага высотой, озерные колодцы. Я слышал от матери, что даже сами горные не были во всех уголках. Пещеры хорошо хранят свои тайны. Мы почти добрались до Оланоз.

— А что мы будем... — С губ почти сорвались слова «делать в Оланоз?..», но так и остались невысказанными. Изо всех затененных уголков пещеры вышли люди. Много, очень много воинов с молочной кожей и серебристыми волосами. Они отобрали у Амиля (он и не сопротивлялся) оружие и скрутили нам руки.

— Что нам делать? — Я уже не ходила из угла в угол, притихнув в углу темницы. — Это твоя идея, надо сказать довольно идиотская, проникнуть в ИХ город, как будто к НИМ можно проникнуть незамеченными! И это капитан первого ранга! Если твои подчиненные еще глупее, то ты командуешь стадом ослов!

Из помутившегося от страха сознания на мгновение выпал тот факт, что поход к Горным был выгоден обеим сторонам.

— У тебя истерика, — спокойно отметил Амиль, отойдя на всякий случай подальше.

— Недальновидный тупица!

— Истеричка!

— Капитан отряда болванов!

— Королева неврастеников!

Я закрыла лицо руками и медленно сползла на холодный пол. Амиль мигом оказался рядом.

— Обещаю вытащить тебя отсюда!

— Верю... — но есть что-то, что и тебе не под силу.

— Влада...

— Да?

— Что такое «стадо ослов»?

— Это... ну... мне казалось, есть такой воздушный легион, так и называется... разве нет? — Я простодушно посмотрела в вишневые глаза.

Амиль недоверчиво покачал головой.

— Что вы делали во владениях Горного народа? — Белокожий коротышка устало откинулся на жестком стуле, отведя в сторону совершенно белые глаза с едва различимыми серыми зрачками, нервировавшими меня весь допрос. Он к слову длился бесконечно долго и нам обоим успел порядком надоесть.

Я так же опустошенно бросила в ответ слова, прозвучавшие в этих стенах слишком много раз, для того чтобы что-нибудь значить.

— Я выбранная в какой-то там, к чертовой матери, раз королева Поднебесья. К вам пришла, не лично к вам, конечно, а к вашему народу — с миссией мира... тьфу, — я

поморщилась, — если совсем коротко: достала нас уже эта проклятая война, понимаете?..

Толстяк кивнул.

— Так вот... — я не успела продолжить наш перекрестный опрос, в коридоре послушался шум и дверь распахнулась. Я ожидала увидеть Амиля, дающего показания в другом помещении, а вместо этого...

Дверь распахнулась, и вошел молодой мужчина. Стройный, высокий, знакомый и незнакомый одновременно. Мельком глянув на коротышку, повернулся ко мне. Дымчато-серые глаза, очень светлые, почти белые. Одна выбившаяся прядь серебристых волос падает на лицо древней статуи. Я потеряла дар речи. Вот так просто.

— Королева? — Мне послышалась насмешка в его голосе, в том, как он шевелили губами, как бросил чуть с высока, как подачку. — Королева... вот кого в очередной раз выбрал Совет Неба... а ты молода...

Он привык к женским заинтересованным горячим взглядам, сопровождающим его всюду. И эта девчонка, эта маленькая поднебесная ящерка, возомнившая себя миротворцем, властной фигурой, имеющей право вмешаться в тысячелетнюю историю битв. И она смотрела на него с немым обожанием.

— Позволь представиться, милая, — он усмехнулся, — Акаж — принц и военачальник Горного народа. Тот самый, встречи с которым так добивалась маленькая Королева.

Стражник распахнул двери темницы и вывел наружу.

— Жить будете в городе, соответственно занимаемому посту. Пока Король не вызовет вас на аудиенцию. Сбежать не получится, — он усмехнулся, — наши воины знают свое дело. Это не Поднебесный народ, упустивший Королеву.

Амиль внимательно всмотрелся в молодое, горделивое лицо стражника и медленно произнес:

— Мы шли через Город Ушедших! Много ли ваших славных воинов вернулись оттуда?

Лицо стражника вытянулось.

— Слушай, почему все так боятся городов Ушедших?

— Ну, если честно, — он отвел глаза в сторону, — мы с тобой единственные, кто вернулся из их города...

— Как это?.. — из горла невольно вырвался хрип. Шагавший впереди стражник резко обернулся, удивленный.

— Как это понимать? — тише переспросила я, — никто-никто? Совсем?

— Ну, были несколько, — Амиль замялся, — но они вернулись того... сумасшедшим. Так что те разы не считаются.

Я задохнулась от ужаса.

— И ты посмел протащить меня через такое место? Зная это?

Амиль спокойно выдержал мой взгляд.

— Так надо было. У нас не было другого выхода. Иначе все пошло прахом. Другие пути окружили войска Поднебесья.

Так вот почему у подножия гор нас никто не встречал — воины поднебесья просто не верили, что мы выберемся живыми. Они решили, что за них сделали грязное дело и умыли руки.

— Тебе меня совсем не жаль? — Я едва сдержалась, чтоб не ударить по щеке единственного друга. — Ни сколечко?

Амиль вздрогнул и опустил глаза.

Я поморщилась, мог бы предупредить... друг...

Мы вышли из извилистых каменных коридоров в большой грот, освещенный, как и все пещеры, огромными грибами.

— А где сам город? — спросила я у стража, усиленно игнорируя Амиля, лелея свою обиду. Юноша профессионально улыбнулся и заученным голосом гида разъяснил:

— Острог находится в стороне от Оланоз. Нам придется немного пройтись, но не слишком.

— Расскажите нам что-нибудь о вашем городе, пока мы идем, — попросила я приветливого стража.

— Оланоз — подземный город, столица. Правит ею великий Амиант...

— Акаж — его сын?

— Да, он средний из трех отпрысков. Трон наследует старший сын Элек, но многим больше по душе Акаж.

Я вздохнула. Ну, где в мире справедливость? Почему одни рождаются в царской колыбели с золотым скипетром в руках, а другим все так тяжело достается.

— К нашему городу, словно сосуды к сердцу, стягиваются многочисленные нити пещер и тоннелей. Горный народ живет здесь с незапамятных времён.

Узкий туннель уверенно вел вниз. Притихшие, молча, мы все глубже спускались в подземный город. Задумавшись, я уставилась невидящими глазами в спину бледнолицему проводнику. Амиль смотрел по сторонам, должно быть, запоминает путь.

Тесные стены немного расширились. Вписавшись в очередной вираж, мы вышли в большую пещеру, унизанную сталагмитами. Пики-камни уходили далеко вверх и напротив, свисали каменными гроздьями вниз, почти касаясь каменного пола. Пейзаж походил на огромную челюсть великана с зубами-сталактитами и сталагмитами. Нам предстояло пройти по тропе прямо сквозь каменную челюсть. Я представила, как гигантские каменные челюсти смыкаются рядами острых зубов, а на полу остаются стоять два сапожка, и вздрогнула.

Но насколько не велика была пещера — она оказалась крошечной частью города. Мы вышли к нему, утопая в траве и мелких цветочках. Над головой высились толстые каменные арки, поддерживающие свод. По ступеням, выдолбленным в скале, бежал ручей. Туман переливался над водой. Туннели, проемы, арки, двери, вырубленные в скале, расходились в разные стороны, как артерии от сердца. Потолок куполом светящихся грибов накрывал город, огромной живой гирляндой освещая Оланоз. Одни черные силуэты деревьев, казалось, поглощали свет, выставляя в разные стороны черные ветви, но и они были унизаны бутонами цветов, как золотыми каплями света. Я была готова ко всему, но этот яркий, зеленый город контрастов поразил воображение. Амиль, застывший позади, шумно выдохнул.

А потом я заметила людей. Они стояли на площади, молча. Подчеркнуто белые в темных одеждах. Вампирчики с бледной кожей и бесцветными глазами.

Ворота бесшумно распахнулись, впуская непрошенных гостей в ночь.

Таинственная темнота чуть рассеивалась серебристыми бликами лунной дорожки. А так со всех сторон окружала ночь.

Ночь и тишина. Я прислушалась и различила едва слышное журчание ручья, где-то в глубине грота. Мелодичный звук подчеркивал густую, ватную тишину. По лунной тропке мы дошли до маленькой кованой скамеечки, чуть мерцающей бледным силуэтом в темноте.

Здесь Амиль отпустил мою, сразу осиротевшую, руку. За скамьей, поросший голым, безлиственным кустарником, примостился каменный колодец. Я заглянула внутрь. Бездонный сумрак глядел на меня изнутри, немигающим черным оком.

— Эй, есть там кто... — от неожиданности, я подпрыгнула. За моей спиной Амиль выкрикнул приветствие в колодец, а оттуда ответило эхо.

— Там... кто... кто...о...о...о...

— Ты что кричишь? — Тихо, под стать окружающей тишине, шепнула я, недовольная его выходкой.

Амиль обернулся и замер.

— Кто?... Кто там? — мне показалось, что за моей спиной кто-то жуткий, черный, как все вокруг.

— *Все в порядке... может, пойдём в дом? — Не скажешь ведь, что в темноте ее глаза оттенка морской пены в шторм, серо-зеленые с черным отливом.*

— Давай посидим тут еще.

Он кивнул. Мы опустились на скамью, едва различимую в густой тьме.

Время текло медленно. Десять минут, двадцать, полчаса, час... неизвестно, сколько просидели так, зачарованные. Было жутко и приятно одновременно. Иногда казалось, что кто-то дотрагивается до плеча, обнимая тьмой, что рядом кто-то есть. На грани страха и удовольствия. В такие мгновенья можно просто обхватить колени руками и качаться из стороны в сторону, точно сумасшедшая. Такая вот странная темнота — теплая, согревающая... и никаких ярких цветов и бросающихся в глаза очертаний...

Темнота — мягкий черный плед, глянцевый хрупкий фарфор, который очень легко разбить. Темнота — божественный дар.

Я тихонечко прошептала, словно себе самой:

— Я в детстве очень боялась темноты. Она давила на меня, напирала, будто издеваясь, живым бесформенным существом. Вселенским злом. И я терялась от ощущения присутствия этого существа. А потом полюбила сидеть ночью на крыше бабушкиного дома. Зима, лето: неважно — я на покато́й черепице, а кругом звезды... звезды... Почти каждый день ходила, прямо как на свидание с ночью. Лежишь, слушаешь разговоры звезд и мечтаешь о вечности. И сейчас я полна ночи, темноты и тишины... совсем как тогда, — я умолкла, разглядывая его профиль, едва видный в посеребренном мраке. Тонкий багровый рубец, проходивший по лицу, скрыла тьма. Амиль казался мне красивым и далеким, как звезды... как мой мир...

— Ты что-то вспомнила о себе...

Этого хватило, чтобы очнуться.

Мне снился сон. Я белая птица со сломанными крыльями. Они большими грязными простынями волочатся следом. И каждый шаг приближает к смерти, окуная все глубже в

непрозрачную воду мертвого озера. Вот я уже по горло, захлебываюсь, а взлететь — не могу. И больше не смогу, наверно, никогда...

Я проснулась от прикосновения рук. Он осторожно обнимал меня за плечи, точно маленькую девочку.

— Пусти...

— Тебе снился кошмар, и ты кричала на весь дом.

— Белая птица, — выдохнула я с содроганием.

— Тебе приснилась птица?

— Да.

Амиль выглядел удивленным.

— Она была такая страшная?

Я легонько толкнула его в бок.

— Это трудно объяснить. Белая птица — я сама. И, кажется, я тонула.

— Сумасшедший толкователь снов, одно время живший со мной по соседству, с удовольствием растолковал бы тебе сновидение. К примеру, полет — к дальним вестям, птица в клетке — ложные сплетни, а вот если приснился один птичий хвост — к последствию этих сплетен...

— Мне снилась вся птица! Целиком! А не какой-то общипанный хвост, — моему негодованию не было предела, возмущение даже вытеснило страх, — все, проваливай к себе. Спать буду.

Маленький кулачок врезался с неожиданной силой в его плечо. Амиль усмехнулся, наблюдая, как она потирает побелевшие костяшки пальцев, шипя от злости. Зато Влада больше не плакала.

А утром нас отвели в тронный зал. Но прежде сковали руки кандалами.

— Труссы... — во взгляде капитана проснулась ненависть.

Обернувшись к новому стражнику, я гневно спросила:

— Для чего все это? Мы четыре дня, предоставленные сами себе, свободно разгуливали по городу!

— Приказ короля Амианта, — толстый длинноволосый стражник равнодушно пожал плечами, — все чужестранцы предстают в кандалах. И вы, не смотря на высокое положение, не исключение.

Каменное помещение походило не на тронный зал, а на оранжерею, увитую листьями и цветами. Мысль о цветах тут же показались мне неуместной, стоило посмотреть на руки, закованные в железо.

— Добро пожаловать, Королева... и капитан Поднебесья, — я оглянулась в поисках говорившего, — кто же вы будете? Поднебесные шпионы? Миротворцы?

Из цветущей колонны, увитой толстыми, мясистыми листьями вышел невысокий беловолосый мужчина. Прогулочным шагом обогнул стражу, вытянувшуюся по струнке, и поднялся по ступеням к каменному трону. Амиль проводил его презрительным взглядом, явно не собираясь ничего отвечать. Король усмехнулся. Глаза цвета дождевой воды с равнодушным прищуром оглядели меня снизу доверху. Повернулись к Амилю. Расширились, заинтересованные.

— Странно... — растерянно проговорил Амиант, не отводя глаз от капитана, — значит, мы все-таки проглядели...

Он надолго задумался.

Время текло мучительно долго. У меня зачесался кончик носа, тяжелые кандалы противно позвякивали, стоило приподнять руки. Я как раз приноравливалась к своим браслетам, когда послышались шаги, и хмурые стражники расступились, пропуская принцев. Встретившись с Акажем глазами, я встрепенулась и замерла. Жалобно звякнул металл. Принц смотрел не мигая. И под ледяным взглядом я съежилась.

— Как вам наш город, Королева? Пришелся по вкусу? — Акаж улыбнулся.

Амиль как-то устало покосилась на девчонку, подумав, что у той что-то стряслось, и она внезапно онемела.

Так и не дождавшись ответа, Акаж отвернулся.

— Ну, ее то я еще хоть немного понимаю... но твоя наивность, капитан, просто поразительна. Ты в самом деле надеялся, — принц криво улыбнулся, — повлиять на ход истории?

Неожиданно вступился Амиант.

— Мне кажется, ему есть что сказать, — произнес король, — говори!

— Чтобы заключить мир, королева должна подписать документ с высокопоставленным членом горной семьи королевской крови в присутствии и с молчаливого согласия короля.

— Нам и без тебя это известно, — грубо прервал Акаж, — но я не вижу здесь желающих заключить мир. С нашей стороны, естественно.

Он шутливо поклонился Владе, бледной, словно она всю жизнь провела в подземелье.

Амиант весь подался вперед, предвкушая продолжение сцены.

— Ты ошибся, — подыграл ему Амиль и в свою очередь высокомерно оглядел принца, — я готов подписать договор мира, принадлежа славному семейству Горного короля, как сын Алиш...

— Та самая Алиш, моя покойная тетка, — зло сощурил глаза Акаж, на глазах облетая светской учтивостью, как осеннее дерево листьями. — Кажись она сбежала с каким-то недоумком, то ли вражеским солдатом, то ли шпионом...

— Мой отец был капитаном Поднебесной... как и я.

— И мы должны поверить тебе на слово... вот так запросто? — Акаж более не скрывал гнева.

— У меня с собой свиток... был. И письмо с личной печатью, написанное моей матерью, принцессой Алией незадолго до смерти. Правда, все отобрали при допросе. Но если король изволит...

— Ты лжешь! Мы уничтожили ее и жалкого щенка, порожденного запретной связью!

Амиль несколько побледнел. Я видела, как сжались в кулаки его руки, обхваченные цепью.

— Как видишь, нет! — Голос Амиля звучал на удивление спокойно.

— Передай! — В разговор-противоборство вступил Амиант.

Стражник суетливо выскочил вперед и передал королю свиток.

Пробежав глазами по строчкам, король надолго задумался. «Теперь нас наверняка убьют, — подумалось мне, — и я попаду прямиком в ад, гореть на вечном огне».

Амиант оторвался от чтения и надолго взгляделся в глаза Амиля, словно размышляя, правду ли он говорит.

— Если выяснится, что ты мой племянник, которого все считали погибшим, тебе предстоит коронация. А пока вы побудете моими гостями. Увести!

Возвращались домой в тишине. Но стоило за нами захлопнуться двери, как мы одновременно заговорили, бросаясь словами, точно метательными снарядами.

— Так ты у нас принц?

— И давно нашей королеве нравится Акаж?

— Что? Как ты смеешь...

— Ты не ответила! Быть может, пойти в столь тяжкое и дальнее путешествие, тебя сподвигла не любовь ко всем ближним, а одна конкретная? Запретная?

— А ты у нас такой весь благородный! Однако неплохо рисковал моей жизнью ради своей цели!

— Я не хотел тобой рисковать! Если бы это зависело от меня... ты слишком дорога...

Даже не договорив последних слов, он понял, что сболтнул лишнего. Влада как-то странно на него уставилась с отчаянным удивлением в глазах.

Разом умолкнув, они целое мгновение, размером с вечность, вглядывались в приоткрывшиеся души.

Минута прошла. Черты лица его стали жестче, холоднее. Он ни сколечко не выглядел влюбленным.

Показалось. Я с облегчением вздохнула. Все как прежде. Мы вдвоем в одной заварушке, а Амиль просто друг.

Трон, вырезанный из черепа огромной твари. Восседающий на нем угрюмый владыка подземного мира. И забавляющийся происходящим наследный принц. Ярко освещенный круг в центре. Тьма на периферии.

Посвящение — своеобразный обряд, вводящий в королевский род очередного отпрыска. Предполагалось, что во время обряда он умирает, затем, чтоб вновь воскреснуть принцем. Смерть понарошку.

Я знала точно — и они здесь. Кругом. Жители Горного города. Жаждут представления. Так было во все времена: арена, челядь, кровавое зрелище.

К горлу подкатил комок тошноты, но я с усилием проглотила дурноту.

Амиант поднялся с трона, изучая толпу подданных.

— Начинаем! — Взмах руки привел трибуну в волнение.

На арену вышел мой капитан.

— Умри! — выла толпа.

Я улыбнулась через силу Амилю, не уверенная, что он увидит одобряющий знак с высоты трехэтажного дома. Но капитан увидел и улыбнулся в ответ.

Элек, мрачный детина, высоченный, с крупными чертами лица, резко развернулся, размахивая клинком и целясь в голову противника. Амиль быстро уклонился от удара, метя в грудь. Пропорол воздух... мимо. Зато удар противника достиг цели, распоров рубашку капитана. Мундир тот предусмотрительно снял. Струйкой, нехотя, потекла кровь. Я вздрогнула, впившись зубами в нижнюю губу. К черту бой! К черту глупый ритуал обретения титула. К черту такую коронацию!

Трибуны отозвались довольными выкриками. Их отголоски звучали в его голове. Вот здесь, на этой арене, у ее ног... быть убитым...

Он отпрыгивал то туда, то сюда, размахивая довольно длинным, но все же кинжалом, Элек всякий раз удачно отражал удары мечом. Амиль наступал, открываясь и получая незначительные, но болезненные раны, призванные не убить, но обезвредить противника... так не могло продолжаться долго.

Внезапно шквал прекратился, и Элек буквально материализовался в нескольких шагах. Амиль отметил учащенное дыхание и проступившие капли пота. Резко выдохнув, Элек принял боевую стойку, и двинулся на противника. Теперь ритм атаки задавал принц. И каждый пируэт, каждый выпад играли на публику. Используя весь арсенал ударов, лазеек в защите, обманные движения — финты, контратаки, рипосты и прочее, Амиль устоял. Он один знал, чего ему это стоило — Элек превосходил и силой и подготовкой.

— Довольно, — тихий голос с трибуны услышали все.

— Хватит, — повторил Амиант, поднимаясь с трона, — ты, — он ткнул пальцем в израненного капитана, — прошел испытание.

— Ты не посмеешь... — я не слышала от сюда слов Акажа, да этого и не требовалось — достаточно было видеть его перекошенное лицо.

— И признаешься при всем народе моим племянником и принцем Горного королевства.

Капитан через силу улыбнулся, почти уплывая в небытие, где давно должен был находиться, получив с десяток кровоточащих ранений...

— Амиль... — эти большие теплые глаза, цвета травы, вызолоченной на солнце,

смотрели в упор. В них — страх, смешанный с укоризной.

— Говори со мной, — он с трудом удержался от заманчивой темноты.

— Я не знаю... о чем... ты потерял много крови.

— Говори... что угодно... не... молчи...

— Тебе больно, — смешно нахмурившись, она опустилась совсем близко к нему, щекоча кожу отросшими кончиками волос.

— А ты... как... думаешь... — будь у него чуть больше сил, он непременно рассмеялся бы.

— Когда у меня в детстве что-то болело, я представляла боль в виде бабочки, — сбивчиво забормотала она, склоняясь совсем близко к его лицу, — каждый мучительный спазм — взмах ее крыльев. Большой такой и яркой красной бабочки. Так было легче переносить боль.

— Я весь... укутан твоими бабочками, — он все-таки улыбнулся, прежде чем провалиться в спасительную темноту.

Я провела рукой по серебристым волосам, коснулась страшного шрама на лице, задержалась у лба, меряя температуру. Амиль вздрогнул во сне и с трудом открыл припухшие глаза.

— Пить... сколько времени я вот так провалился... — слова нехотя скатывались с губ, едва слышные, словно он говорил через мешок с песком.

Поднеся кувшин с водой к губам, я с опаской вглядывалась в пожелтевшее лицо капитана.

— Сутки. Выглядишь — хуже некуда!

— Ты всегда отличалась излишней честностью, — он чуть-чуть усмехнулся одним уголком рта, и на сердце сразу потеплело.

— Если тебе нужны хвалебные речи и фолианты од в твою честь, оставался бы во дворце...

Брови его вздрогнули и поползли кверху.

— Ты не устал? — я заботливо поправила одеяло, — Может мне уйти?

— Поговори со мной...

Поговори со мной... и что-то дрогнуло внутри...

— Ты мог погибнуть!

— Но пока я жив, — Амиль чуть приподнялся на локтях, и вновь откинулся на подушки, — твой голос снимает боль... говори же... — одними губами попросил капитан, закрывая глаза.

— Ты знаешь, — я тихонько вздохнула, поудобнее устраиваясь на стуле, — когда-то я была совсем другая, вот в детстве, ребенком, все-все подмечала! Правда! Жила в каком-то необычайном мире, наполненном цветом, сиянием, формой. Я словно носила вместо глаз два микроскопа, и мушиное крылышко в них, казалось мне целым миром. Вот только с другими детьми я совсем не ладила.

Остановилась, переведя дыхание.

— Ты скажешь, что все это глупости...

Амиль, не открывая глаз, отрицательно покачал головой.

Осмелев, продолжила:

— Зато я придумала собственное королевство. Кто знал, что я сама стану королевой. Только счастья мне это не принесло...

Дыхание Амиля выровнялось.

Я продолжила тише, убаюкивая его словами:

— Как и у каждой девочки — в моем королевстве был принц. Я мечтала, что вырасту и встречу его в реальности. Я чувствовала, что непременно узнаю. И это будет не внешнее узнавание. Не по одежде или статусу. Я узнаю его по особым искрам смешинок в глазах, родным ноткам в голосе. Глупости, конечно. Потом я выросла и поумнела. И перестала мечтать.

Я прикрыла глаза.

Самоуверенный принц Акаж не особенно походил на ту нежную фотографию, но это определенно был он.

И что я могла о нем сказать? Холодность к людям. Частый повторяющийся жест: длинные тонкие пальцы, поправляющие выбившуюся прядь на лбу и... что еще? Я его совсем не знаю. О чем он думает перед сном? Любит ли читать свитки? Черный цвет? Свой город? Что он вообще замечает кроме войны? Кто он? Что он?

Как же я буду очаровывать человека, которого совсем не знаю?

Что я не встретила тебя раньше, мой капитан...

В очередной раз прикинув свои шансы, я тяжело вздохнула. Надо обратить на себя внимание его королевского величества. Но Акаж не удостаивал чужую королеву своим присутствием, какое тут соблазнение принца. Попытается тайком проникнуть в каменный замок, пока Амиль не встает с кровати и не может мне помешать?

Идея проникнуть в покои Акажа показалась хотя и рискованной, но вполне осуществимой при наличии некоторого везения. А везет, как известно, тем, кто везет...

— У вас во дворце есть приемные дни? Мне надо туда попасть! — белокожий мальчик чуть испуганно вскинул на меня сонные глаза и, уронив корзинку с фруктами, сделал неловкую попытку скрыться. Тщетно. Не напрасно я полдня караулила его у кухонной двери. Мальчик на посылках. Такие пажи обычно знают больше, чем им положено.

— В-в-важные вельможи приходят во дворец по вызову, а простые горожане, вроде меня, там р-р-редкие гости, — припертый к стенке, он дрожал и заикался. Интересно, кто я для него: враг или чужая королева, облаченная властью. Лучше, второе.

— Я очень хочу посмотреть на дворец! Хотя одним глазком, — постаравшись придать своему взору максимум мягкости, я вопрошающе уставилась на мальчика.

— Мне... — кадык на хрупкой шейке дернулся, — не положено с вами разговаривать! Я лишь приношу свежие фрукты и овощи...

— У вас есть магазины? Где то ты покупаешь товар? — ну что ж, зайду с другой стороны.

— Лавки. Десятки лавочек в северной части города, расположенной за дворцом, — чуть успокоился паж, вступив на привычно-безопасную тему разговора.

— Отведи меня туда, — я по-царски вскинула голову, — пожалуйста!

Когда страж обходил коридор, опоясывающий покои принцев, он увидел в окно интересную сцену: хрупкая девица со спутанными волосами в сером костюме с глубоким декольте лезла по стене, цепляясь за невидимые уступы. Обдумав первый порыв — поднять тревогу, он склонился к тому, что недурно было бы самолично доложить о загадочной девице королевской особе. Сомнительно, что эта барышня представляет значительную угрозу, она даже не достигла первого этажа, зависнув на полпути к балкону, а вот ткнуть в нос о недосмотре капитана Эвильго, заступившего в нынешнюю смену, приятно. Да и лишний раз показать себя не грех. Сколько ему еще ходить в карауле, он давно уже перерос стражу.

С этими мыслями парень зашагал к Акажу, главному на сей момент, в связи с отсутствием остальных членов семьи. К тому же его покои были ближе всего. К большому удивлению стражника, Акаж криво улыбнулся и приказал привести девицу к нему.

— Что тут понадобилось Королеве? — произнес Акаж с мягкостью, контрастирующей с холодными глазами.

— Я хотела тебя видеть...

— А надо было попросить о встрече. Я непременно нашел бы время. Не стоило рисковать жизнью...

Я вспомнила, как болталась на стене в метре от земли, когда появилась стража. Вздрогнула от стыда, распознав в словах Акажа неприкрытый сарказм.

— Я королева большого народа, а вынуждена сидеть взаперти, подобно жалкой

пленнице. Я пришла заключить мир... он нужен вам не меньше нашего.

Акаж впервые посмотрел на меня с крошечной толикой любопытства.

— Твоя жизнь, — сильные пальцы крепко ухватились за мой локоть, — у меня в руках... Я мог бы казнить тебя за преступления перед моим народом. И люди поддержали бы меня!

— Твое обученное войско, но не отец и не простой народ, уставший от войны. — Я распознала слабое место. Получив болезненный ответ, Акаж вздернул меня кверху, приблизив к своему лицу. Светло-серая роговица в гневе стала темнее. Он поднял ладонь, чтобы ударить по щеке... но вместо этого грубо прижался к приоткрывшимся губам, мучительно целуя. Показывая свою силу.

Оттолкнув от себя, Акаж выпрямился и надменно улыбнулся.

— Маленькая королева слишком наивна даже для своих лет. И твой бастард не поможет тебе заключить мир. Какая жалость, что он выжил.

— Амиль больше заслуживает корону, чем ты, — я с садистским удовлетворением видела, как перекосилось лицо Акажа, — по крайней мере, он действительно думает о своем народе, а не о том, как занять чужой трон.

— Ах ты, маленькая дрянь, — ему стоило больших усилий сдержаться, — вон из моих покоев, пока я не приказал заковать тебя в кандалы!

— Да, — я повернулась в дверях, — и целуется он лучше.

И вышла.

Неудачное начало отношений, ничего не скажешь. Какая же я дура, — в сотый раз, обойдя комнату, я остановилась, — разве так добиваются взаимности? Над бросать томные взгляды и нежно улыбаться.

Хоть он и враг, — мысль была новой и принесла горечь.

Камень необычайно гладкий, серо-прозрачный, как застывший туман. Ладони скользят по его поверхности, ощущая холод. «Что там», — шепчу едва слышно, зачарованная тишиной. Здесь все будто бы пропитано пылью, хотя самой пыли как раз нет. Чисто и холодно.

— Что там за стеной? — повторяю громче.

— Гробница.

— Там хоронят мертвых?

— Да. Точнее, их пепел.

— В маленьких баночках? — я попыталась выудить из памяти все, что знаю о крематории.

— Нет, зачем же? — Удивился Амиант. — Пепел смешивают с землей. Там растут такие удивительные цветы... нигде больше не найдешь таких.

Еще бы, на таком удобрении, — подумала я, но вслух сказала другое.

— Зачем я Вам понадобилась, Ваше величество?

Амиант немного поморщился и отошел от стены, возвращаясь обратно на удобную тропу.

— Вопреки сложившемуся мнению, я тоже не хочу войны.

— Так в чем же дело? Давайте заключим мир! В войне нет ничего хорошего. Захватнический, бессмысленный ритуал.

Он обернулся и напряженно всматривался в меня несколько минут.

— Не все так просто.

Как будто когда-нибудь было легко, — с тоской подумалось мне.

— Как ты, наверное, догадалась, Акаж не хочет мира.

Упоминание о принце было мне неприятно.

— Но Вы — король. Прикажите! Издайте указ!

— Да, я король, — Амиант махнул рукой раздраженно и несколько отрешенно, — а Акаж всего лишь принц, да к тому же не старший, наследующий трон, но... существует еще... его невеста.

— Невеста?.. — я так явственно слышала хрустальный звон в голове, словно рядом разбилась большая ваза. — Как же так? Кто она?

— Она... не совсем человек... в привычном понимании этого слова. Да что там, — король, как мне показалось, с отвращением передернул плечами. — Этого не расскажешь. Сама все увидишь.

— Проводите Королеву к себе! — из-за плеча Амианта появились стражники. Поклонившись королю, я покинула сад-гробницу.

— Амиль?.. Как себя чувствуешь? — я неловко повернулась в пол оборота к вошедшему капитану.

— Неплохо... твоими молитвами. Ведь это ты орошала мою постель слезами все эти дни... А если серьезно, — Амиль прищурился, — где ты пропадала последнее время?

— Не смотри на меня так! Я обсуждала с его королевским величеством мирный договор, — не в силах удержаться от шпильки, продолжила, — разве не этого ты хотел?

— И к какому мнению вы пришли?

— Он не собирается подписывать мир из-за Акажа, а, вернее, из-за его невесты.

— Кто она? — насторожился капитан.

— Хотела бы и я знать: КТО ОНА?

Впервые я увидела ее хрупкой, светловолосой и трогательно невинной, как ребенок. Она прошла по убранной цветами главной площади Оланоз мимо толпы. И не понятно было — ненавидят обитатели гор невесту принца или почитают.

Неожиданно возле прелестного создания в воздушных одеждах возник Акаж.

— Что празднуем? — Я повернулась к Амилю.

— Очередной ритуал, состязание в меткости и силе. Победителю достанется Благословление короля.

— Благословление? На кой кому-то сдалась пара занудных слов?

— Получивший Благословление вправе просить у короля любую вещь.

— Слушай, — я дернула капитана за рукав мундира, окрыленная зародившейся надеждой, — почему бы тебе не победить и не получить от короля мирный договор?

— Я уже записался, но не думаю, что это так просто.

— Амиль, — его глаза не отрываясь смотрели на невесту Акажа, — Амиль, — повторила я чуть громче, — ты хотел бы вернуться домой?

— Домой, — прочитала я по губам, — домой... — он пробовал слово на вкус, — Пожалуй, нет. Я так и вижу их перекошенные в усмешке лица: мол, сдался, герой?..

— Влада, — он наклонился ко мне, щекоча дыханием ухо, — а ты хотела бы вернуться домой? И где он — твой дом?

— Я не знаю, — и это была правда, — не знаю, хотела бы я вернуться и не знаю, где он теперь, мой дом...

— Сегодня мы празднуем нашу победу! Очередной разгром поднебесного народа в бою

на пустынных землях, граничащих с землями Ушедших, — голос короля эхом раскатился по площади, отскакивая от каменных стен и потолка. — То был трудный бой, — он посмотрел на Акажа, обнимавшего свою невесту, — но, благодаря нашим союзникам, мы победили!

Я обернулась к Амилю. Лицо капитана застыло маской холодного бешенства.

— Прими мои поздравления, Король, — внешне безразлично прокричал он, громким голосом перекрывая воодушевленный шум толпы. Внутри во мне все сжалось от скрытой угрозы.

Король величественно кивнул с балкона замка. Амиль бросил взгляд на принца. Ублюдок с неизменной улыбкой-насмешкой вызывал ненависть.

Амиль помнил яркие, добрые глаза Влады, обращенные к принцу. А когда смотрел на принца — видел ржавые глаза-монетки, пустые и холодные, как камень, поросший мхом.

Принц в его мыслях сросся с представлениями о войне, Акаж сам стал олицетворением войны.

Акаж вскинул руки с арбалетом и прицелился — металлическая стрела вонзилась в далекую мишень. Восемь в цель и два промаха. Позади — целая вереница арбалетчиков, но пока его результат лучший. Амиль стиснул зубы, от всей души пожелав принцу провалиться в преисподнюю.

— Следующим выступает капитан первого ранга из Поднебесной и мой племянник, Амиль, — король величественно опустил на трон, выставленный на балкон.

— Твоя очередь, капитан, — я легонько хлопнула его по плечу и выдавила улыбку.

Амиль вышел из толпы. Услужливый паж поспешил поднести оружие.

— Прежде, чем выстрелить, — Амиль подкинул на руке трехкилограммовый арбалет, — я прошу дать мне слово.

Мальчик, держащий в протянутой руке тонкие стрелы, отпрянул. Народ на площади взорвался шумом, но один взмах королевской руки вернул безмолвие. Стало так тихо, что можно было услышать плач ребенка на окраине и журчание водопада, сбегавшего по ступеням вниз.

— Я капитан. И знаком с войной не понаслышке. Участвовал в битве Багровых Закатов и бомбил селение у Горного перевала. — Толпа злобно зашипела, но он продолжил, глядя вверх голов. — Война. Что я знаю о ней? Куча трупов, испуганные крестьяне и совсем юные бойцы, обученные мастерству войны, но не видевшие смерть в лицо. Страшная ошибка наших прадедов, за которую мы до сих пор платим кровью. Я желал заключить мир с Горным народом, и верил, что вы хотите того же, но оказался в тылу врага, втянутый в бессмысленные интриги. Мой вопрос всем: зачем нужна эта война?

Пока длилась пламенная речь Амиля, я нашла глазами Акажа. Он замер, красивый, как античная статуя с белой мраморной кожей и серебристыми волосами, словно присыпанными звездной пылью. Прекрасное лицо исказила некрасивая гримаса.

И тут вперед выступила его невеста.

— Хватит болтать, — она недовольно топнула изящной ножкой, — стреляй или проваливай!

Теперь, она не казалась мне хрупким цветком. Неожиданно, я увидела ее другими глазами. Медные волосы и хищный разрез миндалевидных глаз. Под тонкой, как пергамент кожей, бугрятся стальные мышцы. Алчный алый рот презрительно усмехается.

Пальцы у него оказались вдруг очень холодными. Наверное, почти такими же холодными, как стальная дуга арбалета. Стрелы четко ложились одна за другой, быстро и

точно. Прямо в цель. Девять из десяти в яблочко. Амиль перевел дух. Он победил.

Амиант подался вперед, объявить победителя.

— Пойдите, — точеные пальчики, заканчивающиеся розовыми детскими ноготками, с неожиданной силой выдернули арбалет из рук капитана, — настала моя очередь!

Волосы неожиданно ярко-рыжего оттенка качнулись, скрывая лицо. Вся площадь видела, чувствовала, что должно произойти что-то непредвиденное, ошеломляющее — оставалось только ждать.

И — дождались.

Вскинулся арбалет. Пригнувшись к орудию, вся подавшись вперед в предвкушении, она выпустила стрелу, со свистом прорезавшую воздух и необычайно жадно вонзившуюся в цель. Сердцевина мишени, оцетинившись пучком подрагивающих стрел, треснула. Десять из десяти. То, как Акаж смотрел на нее, откровенно любясь хищным телом, вызывало во мне беспокойство.

Невеста принца обвела притихших людей огромными круглыми глазами цвета разгорающегося пламени. Усмехнулась. С тихим шорохом, неторопливо, вынула короткий меч из ножен на бедре, взвесила на детской ладони... и вонзила в свое прекрасное тело, с мерзким звуком лопнувшей кожи разрывая сухожилия и мышцы, обнажая ярко-красные куски мяса.

Стены огромной пещеры отразили вскрипы и вздохи толпы. Но на ее лице не дернулся ни мускул, оно осталось по-прежнему холодно-безразличным. Кровь текла по светлому платью, а девушка смеялась. От грудного звонкого смеха на голове у горожан зашевелились волосы.

Тогда Амиль все понял.

— Она не человек, — он, обвиняюще, ткнул палец в заливающуюся смехом красавицу, перетерпевшую за пару минут метаморфозу. Кровь высохла, вишневые уже волосы свились кольцами, а глаза напротив — посветлели до желтизны.

— Навь... «собирающая смерть»... Это она помогла вам выиграть битву!

— Победа за мной, — нежно пропела Навь, улыбаясь Амианту, — и я требую свой приз.

— Что... тебе угодно... — прохрипел задыхающийся король, посеревший лицом до цвета каменных плит под ногами.

— Ее, — Тонкий холеный палец указал в мою сторону, — мне нужна она...

Король, казалось, окаменел. Одна рука, действуя, словно в разрез с телом, подала едва заметный знак страже. Они двинулись было ко мне, но тут вперед выступил Амиль, резким движением вырвав меч у ближайшего стражника.

— А вот это мы посмотрим... — прохрипел капитан.

Девица-призрак ласково улыбнулась в ответ.

...Первое, что я увидела, когда вернулось сознание — небо над головой. Белесое выцветшее небо сероватого оттенка. Бледный свет восходившего солнца. И прозрачный дворец, наполненный такими же прозрачными тенями людей. Тени, тени, тени... Всюду. Песком, грязью, камнями. Копошением муравьев. Великое множество, серое волнующееся море. Призраки.

В ногах и спине пульсировала слабая боль, тупая, ноющая. Я попробовала пошевелиться, но смогла повернуть голову — и все. Горло сдавил ужас. В этот момент я вспомнила, что было перед тем, как отключилось сознание.

Амиль... надеюсь, его не убили стражники...

Навь приблизилась незаметно, выросла из крошечной сизой тени до высокой женской фигуры с непослушными пепельными, как у меня волосами. Она казалась разгневанной.

— Я хочу твою душу... себе... — Навь топнула ногой от возмущения, как обиженный ребенок, лишенный понравившейся игрушки. — Хочу! Забрать! Себе!

Она протянула обе руки ко мне, но тут ее лицо исказилось ужасом.

— Не-е-е-ет... — она закрыла лицо руками, словно заслоняясь от кого-то, — Слишком сильное заклятье... уходи... — Навь зыркнула напоследок большими черными, как битум, глазами и исчезла.

Влада... — тихо, где-то очень далеко и едва различимо, — Влада...

Я шла на звуки своего имени. Или мне казалось, что шла. Может — летела? Или даже скользила сквозь время?

— Влада, — голос казался таким знакомым, — ты пришла в себя, — лицо мужчины родное и неузнаваемое одновременно. С большими глазами цвета переспелой вишни и длинными, загнутыми на концах, ресницами.

— У тебя очень красивые глаза, — попробовала произнести вслух. Неужели это я прохрипела так сипло?

— Ты только очнулась, а уже шутишь. — Амиль улыбнулся. — Это добрый знак!

— Где я? — Каждое слово, как стометровка... давалось с трудом.

— В Оланоз. Надеюсь, ты не утратила память снова? — В первый раз я прочитала в глазах капитана отчетливый страх.

— Турнир, площадь, невеста Акажа — Навь...

— Она растворилась в воздухе, а ты потеряла сознание. С тобой все в порядке?

Меня тронула его забота, и я успокаивающе улыбнулась одним кончиком губ.

— Все... хорошо... наверно...

Что-то в наших дружественных отношениях изменилось. Едва заметно.

Мы сидели плечо к плечу и смотрели на площадь, по которой гуляли прохожие.

— Ты когда-нибудь наблюдал вот так за незнакомыми людьми?

— Нет, как-то не хватает времени. Я все же капитан: война, парады, Совет Неба, — Амиль пожал плечами.

— Так стараешься ради них и ничегошеньки о них не знаешь.

— Выходит, не знаю.

— Разве так бывает?

— Сплошь и рядом.

— Вон там, по улице идет мамаша с детьми, — на минуту мне показалось, что я сижу у окна в своей комнате и смотрю на улицу.

— Это не мамаша — это воспитатель, — перебил Амиль.

— Откуда ты знаешь?

— Гулять обязанность воспитателей. А функция матерей — рождение новых людей.

Я удивленно покосилась на Амилея.

— Что-то не видно молодых парочек...

— Кого?

— Ну, влюбленных. У нас они повсюду в это время суток.

— У вас? — приподнял брови Амиль.

— У нас... в Поднебесном...

— Что-то не замечал. — В его голосе появились металлические нотки. — Влада, каждому малышу известно: любовь — болезнь. Ее следует лечить. Мои родители... заразились и ничего хорошего из этого не вышло. Они были, как прокаженные. Невидимый колокольчик звенел на их шеях: любовь... любовь. Все шарахались, пока они не погибли. От чужих рук... неважно. Любовь — она даже хуже болезни.

«И я почти болен, — добавил про себя капитан, — потому что безнадежный болван».

— Значит, вот оно как... — я медленно выдохнула. А это проклятущее отродье отправило меня сюда, бороться за сердце Акажа.

Ах, что за черт... дело чистое говно...

Несколько сот лет назад...

...наступило утро. Светило поднялось над песчаными холмами, освещая безжизненное плато. Яв вышел из палатки, позолоченной лучами в рыжий цвет, солнце отразилось и в его глазах. Шел пятнадцатый день экспедиции. Небольшая кучка искателей вела раскопки в белых песках Предгорья, но пока — лишь песок, каменные породы и редкие скалы, окруженные чахлыми кустиками колючек.

Яв обошел лагерь стороной, направившись к высохшему руслу реки, вокруг которого надеялся откопать что-нибудь интересное. Жи, помощник и друг, был уже там. Осторожно орудуя лопаткой, он копался возле крупного валуна, разгребая песок и камни. Работа требовала большой кропотливости и физической силы.

— *Как продвигается работа? Есть что новое?*

Жи остановился. Навалившись всем телом на лопату, немолодой мужчина переводил дыхание, вытирая пот с морщинистого лба.

— *Есть только жара, но и это не ново. Невыносимое утро! Просто не верится, что ночи здесь холодные. Знаешь Яв, почему мы здесь копаемся? — Кивком головы Жи указал на песчаное плато у каменных ног скалы и иссохшее русло реки.*

— *Ри и его команда несколькими километрами южнее обнаружили столб, искусственного происхождения, украшенный неизвестными письменами. По всему похоже на магический алтарь. Они всю округу прочесали, однако большего найти им так и не удалось.*

— *Ты веришь об океане, что простирался здесь когда-то?*

— *Жи, я знаю, что ты имеешь в виду, — одержимость друга наукой не было секретом, она и привела его в пустыню. Стоило ему услышать о неизвестных символах на столбах, он тут же решил, что это — останки великой цивилизации, морская теория лишь подтвердила его гипотезы.*

— Но два столба еще не доказательство, это могло быть что угодно. Молитвенник в десяти километрах от города, неизвестный постамент, останки поселений...

— Я все это знаю. Но это может быть и городом. Просто нам не повезло так как Ри, — Жи поднял с земли булыжник, намереваясь запустить им в скалу, — мы можем перерыть весь этот песок, так и не найдя... — он внезапно осекся, лицо вытянулось. Мужчина уставился на камень в своей руке так, словно это была змея, — ты только посмотри сюда...

На гладкой поверхности камня Яв увидел девичье лицо. Очень красивое лицо. Чья-то рука давным-давно высекла его с большим старанием. Два скрещенных клинка над головой рассеивали последние сомнения.

— Навь... — испуганно прошептал Жи.

— Она самая, будь они все неладны... — вторил ему Яв.

Круглая постройка, окруженная столбами, обнажалась постепенно, нехотя, как смущенная невеста. Центральная арка — с круглой крышей и шестью полуразрушенными столбами по кругу, тонула в песке. Ее опоясывали каменные ступени громадных размеров, уходящие вглубь земли.

Яв передал кружку с ароматным отваром трав Жи, беседующему с Ямом — искателем со стажем в двадцать лет. Проводник пустыни Ной развалившись в спальном мешке, предаваясь сну. Риард, основная сила искателей: землекоп, врач и повар в одном лице, ушел расчищать колонны.

Полог палатки распахнулся и вошел Ви. Королевский отпрыск нехотя кивнул в ответ на приветствия искателей.

— Яв, надо поговорить, — и, не дожидаясь ответа, вышел.

Сумерки принесли с собой прохладу. Яв вышел из палатки, с удовольствием вдыхая свежий воздух. Затекившие плечи хрустнули и распрямились. Руки, натруженные лопатой, не желали подниматься. Ви застыл на пригорке, откуда под лунным светом открывалась часть колонн.

Яв подошел и встал рядом.

— Кто обнаружил первый столб? Как это было?

— Ну, вначале, Жи нашел камень. Вернее осколок с уцелевшим фрагментом рисунка...

— Навь?

— Навь, — тихо подтвердил Яв, страшись, произнося проклятое слово вслух. Та, что не умеет радоваться жизни. Окаянному отродью непременно надо присосаться к чужой теплой еще душе и выпить ее солнце до дна.

Ви повернулся и несколько минут, молча, разглядывал искателя.

— Я доверяю твоей интуиции. Не Жи и не Ям указали на это место. Никто из них не это не способен, они лишь горазды махать лопатой. Так оставим им это дело. А тебе я хочу рассказать... о цели нашего поиска.

Яв внутренне напрягся. Любопытство, осторожность и страх смешались воедино в диком коктейле.

— Я знаю, что мы должны найти, жажду этого и одновременно несколько опасуюсь.

— Что это? — любопытство победило рассудок.

— Нерожденная Навь.

— Но это легенды... сказки на ночь! — Яв ошарашено помотал головой, — Не может быть!

— Она существует. И я найду ее. — Ви заглянул ему прямо в глаза, — Ты же знаешь, что это значит?

— Могущество... — прочувственно прошептал Яв, мгновенно потеряв голос, — Она исполняет желания, мечты, сны...

Ви кивнул и, не оборачиваясь, ушел.

Прошло несколько дней. Работа шла полным ходом, и вечером вся команда искателей просто валялась от усталости и сразу засыпала.

Однажды среди ночи Яв проснулся. То было не мягкое пробуждение от естественной потребности. Его словно выдернули из сна, как пойманную рыбу из реки. Резко распахнув глаза, он поднялся. Спать больше не хотелось. Ночь обдала холодом, Яв потоптался на пороге и вернулся за плащом. Серой тенью преградил путь Ви. Луна бледным светом осветила плато и человека. Фигура, возникшая передо мной, казалась разгневанной.

— Яв, — рявкнул принц, — по моему приказу все ночные прогулки отменены. Возвращайся в свою палатку.

— Я не хотел, меня что-то разбудило...

— Ты тоже Это почувствовал, — голос Ви смягчился. — Ну что ж, давай вместе осмотрим эти развалины, раз ты все равно не спишь.

Яв перевел дыхание, несколько удивленный резкой сменой королевского настроения. Взойдя на пригорок, Ви остановился. В темноте белели раскопанные сооружения, и Яв уже собрался спускаться, когда заметил что что-то не так. Центральное здание поднималось над землей гораздо выше, чем утром. Луна спряталась за облаками и постройки скрылись из виду.

— Ты видел что-нибудь необычное в руинах? — Ви оглянулся к искателю, окаменевшему от удивления, — значит, мне не показалось.

— Это просто камни и ничего больше. Огромные куски неотесанных камней. Конечно, они представляют большую ценность для меня, но бояться не имеет смысла.

Освещая путь светящимся окаменевшим грибом, Ви начал спускаться. Узкая тропинка вела к огромным каменным ступеням, спускающимся к зданиям. Выглянула луна, освещающая строения. Гладкий желтый камень мягко светился в темноте. Символы, чудом сохранившиеся на некоторых ступенях, отчетливо виднелись при лунном свете. Все символы. И даже те, которых вчера еще не было. Яв опустил на колени, не веря глазам. Гигантские плиты были совершенно новыми. Только что обработанный камень блестел гладкой, без трещин и сколов, поверхностью. Ви коснулся ладонью прохладной стены квадратного здания, она было совершенно целой. Стало жутко.

— Этого не может быть. Они же совершенно новые, словно их только что выложили, но ведь им больше трех сотен лет. — Яв склонился к колонне. Белые столбы, увитые плющом и украшенные резьбой, явно не производили впечатление тысячелетних. — Мне кажется, или их стало больше?

Обойдя башню по кругу, они насчитал восемь колонн. Из узких окошек центральной башни лился свет, он ложился отблесками на ступени. У входа в башню Ви остановился. Огромная дверь, возникшая перед ними, уже никого не удивила.

Принц толкнул дверь. Та со скрипом отварилась.

Длинный узкий коридор шел под наклоном вниз. Светящиеся грибы на потолке освещали дорогу, выхватывая из темноты гирлянды паутины и едва различимые символы на камнях. В тишине шаги искателей гулко гремели, эхом отдаваясь от стен. Ви молчал. Было

неуютно и Яву несколько раз хотелось повернуть назад. Внезапно коридор расширился, образуя большое овальное помещение. Дальше проход разбивался на туннели. Одновременно ступив на стеклянный пол, исследователи остановились, словно налетев на невидимую преграду.

В центре комнаты на алтаре разместился круглый шар, размером с глаз подводной змеи.

— Что это? — Яв впервые так испугался. Этого шара, неожиданных превращений руин в цветущие здания. Магия пугала его, заставляя терять незыблемые ориентиры. Уверенность в увиденном собственными глазами.

Полуночь весь лагерь собрался вокруг находки.

Вырезанный из белой кости и отполированный до блеска, тяжелый шар покоился на песке.

— Вы только посмотрите, что нашел наш принц! Эй, скорее сюда!

— Должно быть там сокровища, — взгляд Яма алчно заблестел.

— В мои обязанности входит сообщить всем, что содержимое шара принадлежит мне, наследному принцу. — Ви обвел тяжелым взглядом собравшихся и неожиданно подмигнул Яву.

— Мы еще не открыли его, а Ям уже делит воображаемые драгоценности. — Принц положил руки на гладкий бок, намереваясь сказать что-то еще, но неожиданно шар раскололся на две половинки. Шесть голов одновременно склонились над ним и замерли в удивлении.

— Нашел! — Ви первый пришел в себя. Протянув узкую ладонь, коснулся крошечной мумифицированной фигурки ребенка.

В ответ на его прикосновение, она задымила. Тонкие спиральки серого цвета свивались и распрямлялись, завораживая зрителей.

— Что это?

— Оно светится...

— Смотрите, оно растет...

Из серого дым превратился в черный. Туман окутал людей, постепенно расползаясь вокруг. Все расступились, освобождая черному облаку дорогу. Свет померк. И появилась она.

Лицо Нави было совершенно, его хотелось навечно запечатлеть в памяти.

Глаза — большие, светлые. Необычайно гладкие и нежные, словно наряд народившихся бабочек. Они состояли из разноцветных пятен, как крылья из чешуек. Губы, приоткрытые в белозубой улыбке, горячей, пылкой, как у блудницы, одновременно обманчиво розовые, словно у невинной девушки. Волосы, выбеленным золотом, речным песком струились, падая на высокую грудь. И даже тонкая, прозрачная худоба льдинки шла ей, как никому.

— Что... — голос звучал нежно, как далекий звон колокольчиков, — прикажешь, господин, раскрывший мою колыбель и выпустивший на свободу...

Принц, залюбовавшийся чудесным видением обнаженной девушки, неожиданно посуровел.

— Убей их всех! — он раздраженно махнул рукой в сторону искателей, замерших от его слов с раскрытыми от ужаса ртами, — Они больше не нужны!

— Как скажет мой господин... — Навь плотоядно улыбнулась.

Люди, упавшие на песок мучительно умирать от удушья, больше не занимали мыслей

Ви. В них отныне царила Навь. Его Навь. Яв, из последних сил царапая ногтями сдавленно горло, силится заглянуть в глаза принцу. «За что?», — застыло во взгляде искателя.

Королевский сапог, наступивший ему на руку и тут же брезгливо отдернутый, был ему ответом.

Ви еще не догадывался, что желания, исполняемые Навью, имели мощное противодействие. И где-то там, в королевском дворце так же мучительно умирали его близкие. Сестра, мать, две бывших возлюбленных и даже ручной эмун, темно синий зверек с мягкой шерстью. Все, кто когда-то был дорог принцу. Такое не отразилось в истлевших рукописях и старинных свитках. Получился сюрприз.

— Что-нибудь еще угодно моему господину? — сладко пропела Навь и кокетливо поманила пальчиком.

— Да, — голос Ви охрип от страсти, — тебя! Хочу, чтоб ты стала моей невестой!

— Как будет угодно, — засмеялась Навь. Звонкий колокольчик перерос в залиvistый лающий хохот.

На свадьбу, отложенную по уважительной причине — внезапной гибели членов королевской семьи, предположительно от яда, были приглашены самодержцы великих держав. Горный король явился под руку с любящей женой и королевскими отпрысками. Королева Поднебесья прилетела на личном вертолете с тремя дочерьми и принцем.

Вот тут-то и ударило противодействие второго желания. Страшное в своей необузданной магической силе.

Первым неладное заметил старый король, восседающий во главе праздничного стола. Очень уж пристально, если не сказать настырно глазел на молодую нареченную младший отпрыск соседнего горного государства. Следующим оказался сам Ви. Ему чрезвычайно не понравился раздевающий взгляд Поднебесного принца, его друга. Одурманенные внезапно свалившейся на них любовью, сразу несколько принцев и один король заявили свои права на прекрасную Навь, стыдливо опустившую взгляд в чашу с вином. Дело чуть не дошло до массового убийства высокопоставленных гостей, но закончилось все еще страшней.

Началась война. За любовь прекрасной девицы.

Лодка смерти вплыла в притихший город, покачиваясь на улицах и площадях. Собирая дань. Люди сражались, умирая один за другим, и подобно дыханию зловонной чумы, в воздухе повис ужас.

В шестой день военных действий Ви пришел к своей жене, сломленный, утомленный утренним осмотром немногочисленных спасшихся войск.

— Нам не справиться... нужна твоя помощь!

— Так в чем же дело? — сладко пропела податливая Навь, щекоча мужа за ушком, — Приказывай!

— Действительно! Все очень просто! — принц с облегчением перевел дух. — Желая, чтобы жители равнин одержали...

Слова готовы были сорваться с королевских губ, но принц внезапно замолчал, обдумывая. На лице его появилась ледяная усмешка.

— Нет, — он покачал головой, — это было бы слишком просто. Я должен отомстить за твою честь. Хочу, чтобы мы вышли из битвы непобежденными, а горные ящерицы и жалкие поднебесные крысы продолжили сражаться между собой до полного обоюдного истребления.

Навь радостно захлопала в ладоши.

— Как это славно придумано, как славно, — пропела она, кружась по комнате, но внезапно остановилась.

— Это слишком мощное проклятье. Нужно условие.

— Условие, — тупо повторил принц.

— Ну, что-то вроде: и будут они сражаться до полного изничтожения, если только не... что-то случится.

— Если только... нужно что-то невероятное. Ну, допустим, венценосные враги не... залюбят друг друга до смерти... и при этом, — принц надолго задумался, соображая, как можно сделать условие позаковыристей, чтоб оно наверняка не случилось, — они будут из разных миров...

Он хотел добавить: «и оба необычайно уродливы...», но тут Навь обняла принца, прижимаясь к нему губами.

Еще одно заклинание... еще одно противодействие...

На следующий день целый народ равнин, прозванный потом «Ушедшими» исчез с лица планеты.

Но бойню было уже не остановить.

А любовь впала в немилость.

Я замерла, недоговорив, с выпученными глазами и приоткрытым ртом.

— Что стряслось, — осторожно спросил Амиль, — тебе нехорошо?

— Послушай... вы что — не влюбляетесь? То есть совсем-совсем? Никогда?

Как можно так запросто отказаться от самого прекрасного, что есть в истории человечества? От любви? Мне вспомнился курс «П137».

— А зачем она? — искренне удивился капитан.

— Знаешь, может оно и к лучшему. Ну, ее, эту любовь, от нее одни неприятности... — на мгновение я забыла о принце, договоре, капающем времени и даже Кэм.

А вместо этого заглянула в спокойное лицо Амиля, чрезмерно спокойное, как у человека, наглухо закрывшегося от враждебного мира. И вдруг почувствовала смутное родство.

— Расскажи... о своих родителях... как они посмели полюбить друг друга в мире-без-любви?

Амиль нахмурился и провел рукой по сизой щеке, привычным жестом отгоняя прошлое.

— Он был капитаном первого ранга в Поднебесной. Она — принцесса, племянница горного Короля. Однажды принцесса покинула дворец, а точнее сбежала из Оланоз, но неподалеку от городов Ушедших попала в плен...

... Она подняла голову. Яркие зеленые листья, щедро подсвеченные солнцем и белые солнечные зайчики в глазах. Необыкновенно светлый, выбеленный до выцветшей голубизны, небесный свод со вспененными облаками. Полет птицы, оборвавшийся в вышине. Ветер, обнимающий одной рукой, чтобы нашептать в уши: свобода... свобода... мир твой...

Она одновременно чувствовала враждебность мира и объединение с ним. Горячее солнц обжигало нежную белую кожу. Глаза горели, словно натертые солью. Теперь ей стало понятно, зачем солдаты проходят курс акклиматизации. Но все вокруг было так прекрасно!

Она не знала, куда идет... что хочет от жизни... знала лишь одно: это самое волнующее и необыкновенное приключение, что случилось с ней.

Наивность принцессы объяснялась жизнью во дворце, подготовившей ко всем тонкостям этикета, но совершенно не научившей выживать вне высоких стен и угодливых слуг.

Патрулирующий отряд нашел беглянку у границы Города, за которой простиралась занесенная песком дома Ушедших. Ничего необычного, если бы...

...если бы это были Горные солдаты, но по иронии судьбы, у самого дома она попала к врагам.

Принцесса уставилась в лицо воину. Он был главным в небольшом отряде. Капитан.

«Не молод, но и не стар, — отметила она про себя, — Суховат и взъерошен, как озерный шипастый краб».

«Почти ребенок», — подметил капитан, досадливо разглядывая, черт знает откуда свалившуюся на него девчонку. Совершенно юные черты лица. Припухлости у губ, мягкая ямочка на подбородке. Необычайно прозрачная глубина бледных глаз, в радужке которых при желании можно увидеть розоватый оттенок, как у раковины моллюска.

— Насмотрелся? — задиристо бросила ему в лицо пленница, все-таки она была

королевских кровей.

— Будет время, — спокойно произнес капитан, сдерживая нарастающее раздражение, — пока ты будешь сидеть в темнице, ожидая допросов и пыток...

С удовольствием отметив, как побледнела пленница, он махнул рукой к вертолетам: «Возвращаемся!».

Заскрежетали железными крыльями двухместные самолетики, резво отрываясь от земли. Он уже почти жалел, что посадил ее к себе. Капитан ежесекундно ощущал затылком взгляд девчонки. Эти глаза, большие и наполненные слезами, странно смущали его.

... Темница, как водится, занимала самые нижние, подвальные этажи сферы. Не гонясь за внешними эффектами, гигантский город построил ее прочной и отталкивающей мрачной, как большой серый колодец без воды, но зато с затхлым запахом. Капитан не любил здесь появляться, а сегодня у него и вовсе не было повода...

...или все-таки был один: девчонка.

Пленницу должны были пытать и извлечь из случайной находки максимум сведений. Он не испытывал к ней ни жалости, ни злости...

...лишь необычное зудящее беспокойство. Оно то и привело его сегодня в темницу. Ему хотелось еще разок взглянуть на нее и ничего не ощутить, дабы сбросить с себя это свербящее мигренью чувство.

Привычно кивнув стражникам, капитан собственным ключом отварил тяжелую дверь. Войдя в пыточную, сразу увидел девчонку. Она стояла неестественно прямая у длинного отполированного телами столба, с заведенными назад связанными руками.

Он сразу отметил несколько синяков по телу и кровоподтек у виска, окрасивший несколько белых прядей в бледно-розовый цвет. Как ее глаза. Допрашивающие действовали привычно и без эмоций. По схеме: вопрос — болезненный, но не опасный удар — вопрос.

Капитан было хотел незаметно покинуть помещение, когда пленница подняла голову, встретившись с ним взглядом.

Розовые зрачки — рассвет и туман... болотная алая ягода... липкий розовый сок на губах двенадцатилетнего мальчишки.

Целованные губы партнерши, навязанной Комитетом по социальным делам, первое беспокойство: я не из этих? Нет! Равнодушие и скука. Вздых облегчения, потому что так надо. Он и так замечал многое из того, что не видели другие: как мелодично звучит вода, как плывут облака, какого цвета глаза у той, с которой встречался по указу. Невидимый окружающим изъян был подобен крошечному червячку под кожей, назойливому и опасному. Тех, кто не умел управлять своими чувствами, принято было лечить. Безумцы. «Прожигатели», тратящие свой запал не там, где надо. Он, конечно, не один из них.

Она смотрела с вызовом и отвращением. Хотелось сбежать, спрятаться, заслониться от ее пронзающего взгляда руками.

Капитан разозлился. Что это с ним? Она всего лишь девчонка. Пленница со слабым, измученным взглядом.

— Я пришел забрать ее для препровождения в камеру. На сегодня хватит.

Хриплый голос. Неужели это его? Допрашивающие недоуменно уставились на него.

— Какого черта! Мы только начали, и она не сказала ничего нового, она вообще ничего не сказала.

— Да хватит вам, девчонка — всего лишь случайно оказавшаяся не в то время и не в

том месте крестьянка.

Присутствующие разом повернули головы к пленнице, необычайно белая кожа которой, казалось, сияла, освещая пыточную.

— Хорошо, — выступил вперед главный из них, примиряюще сложив губы в улыбке. Двое других переглянулись, но промолчали. Желаящих пререкаться с капитаном первого ранга, входящего в Совет Неба, не отыскалось.

...В коридоре она первым делом потеряла сознание.

Все ее попытки сосредоточиться проваливались в яму под названием «боль». Страх давно грозил перерасти в истерику, но она держалась из последних сил. Образы мучителей расплывались в слезах. Вот один из них приблизился, повторяя одни и те же вопросы: кто? что делала? что знаешь о системе безопасности Горных и их планах? Ей было известно, что скажи она правду — и боль закончилась бы. С пленницей ее уровня обращались подчеркнуто вежливо, пока не предстала возможность обменять ее на кого-то из своих. Но что-то внутри нее противилось, и язык немел.

Она попробовала было тихонько захныкать, но колючие взгляды стражников заставили умолкнуть.

Вот тут то и вошел капитан. Бросив в ее сторону непонятный взгляд. Бросив, как бросают спасательный круг или подачку. Одновременно рассерженный и растревоженный. Она не слышала, что он говорил, следя за губами. Тонкими и жесткими, как все эти люди, как весь мир вокруг. Внезапно она осознала, что главный мучитель развязывает ей руки и тащит, нетвердо стоящую на ногах, к капитану. Он крепко ухватил ее за запястье, а она не смогла даже вздохнуть. И тут свет угас.

Капитан легко поднял ношу, перекинув через плечо. Смущающее чувство потери преследовавшее его с того самого момента, как она покинула его вертолет, начало оставлять душу. Может в тот момент, а может чуть позже в мире, где чувства назвали болезнью, и случилось чудо по имени Любовь.

— Кто ты такая?

— А тебе это действительно важно? То есть, я хочу сказать: важно как капитану или...

— Как человеку.

— Допустим, обычная девушка, сбегавшая от не устраивавшей ее участи.

Прядь, выбившуюся из прически, убрать за ухо. Отряхнуть запылившийся башмачок. Аккуратно расправить складки на платье. Правила короля требуют опрятности во всем, что касается принцесс.

Она неторопливо прошла по главному коридору, выйдя заблаговременно, и рассматривая на ходу вереницу царских портретов. Все эти предки с их сухими гордыми профилями, казалось, недоверчиво провожали взглядом ее пламенеющее лицо. Она давно привыкла запрячивать свои истинные чувства глубоко, там, где никто не сможет их найти. На самом дне души. Набросав сверху охапки равнодушия и холодности. Правила просты: меньше живости на лице и блеска в глазах. Глаза вообще — ее слабое место. Удивление, любопытство, любование... Смертные грехи.

Войдя в зал, принцесса привычной дорогой прошла к своему трону — одному из пяти, окружавших главный царский престол. С него открывался превосходный вид на все уголки зала, покрытого зеленью, светящимися грибами и нежно-лиловыми цветами. Надеясь, что ее присутствие требуется чисто условно, принцесса незамедлительно погрузилась в мир

грез, открывшийся ей несколькими месяцами назад.

Библиотека. Крутящийся шкаф с потайной задней стенкой. Полуистлевшие столетние рукописи. Экономические, правовые, юридические бумаги и развлекательные истории. Истории о запретном. О Любви... Она читала все подряд, проглатывая те книги, в которых можно было разобрать шрифт.

Старинные предания: подземелья, густые леса и заснеженные горы, старинные замки и канувшие в небытие города. Время, где чувства еще не стерли с лица земли. Время, когда любили до конца дней своих или мимолетно, обжигаяще горячо или заворачивающе холодно, преданно или изменчиво, радостно или трагично, но любили.

— Алия... — резко, как удар меча. Она повернулась к дяде, заменившему ей родителей. *Нехотя возвращаясь в обыденный мир.*

— Сегодня важный день для тебя, а ты витаешь где-то далеко.

— Я слушаю, мой король.

— Познакомься с будущим супругом. Магом Эстэром из Горного Кряжа.

Мир осыпался осколками равнодушия и традиций. Некрасивый кривой колдун немигающе уставился на принцессу. Казалось, ему тоже не по душе приказ Горного короля.

А это стоит проверить — мимоходом отметила принцесса, собирая осколки рухнувшего в одно мгновение мира. Этим же вечером после пира Алия, трясась от страха, приблизилась к нареченному колдуну.

А ранним утром, спустя три дня, покинула родной город. Скрылась под магическим прикрытием несостоявшегося супруга, предпочетшего наполненный магией мир, неумному желанию короля завести наделенных чудотворной силой королевских отпрысков. Ведь, как известно, чары, передаваясь по наследству, стремительно гаснут у «молодого» отца.

— Интересно узнать: что за участь грозила беглянке?

— А мне кажется, совсем не интересно. Вам всем от меня надо планы городов и стратегические ходы военачальников.

— Мне от тебя надо совсем другое, — слово «совсем» он произнес особенно хрипло.

Капитан смотрел тепло и немного насмешливо. А затем шагнул к ней, прикоснувшись мундиром к обнаженному плечу. Принцесса запрокинула голову. Закрыла глаза, чувствуя, как по телу бежит жидкий огонь. Вот тогда-то он понял, что она совсем не ребенок. Это было наваждением и лихорадкой. Это было болезнью. Это было любовью...

— А что было дальше?

— Он организовал побег, спрятав ее в одном из своих убежищ.

Я был ребенком, когда она умерла. Внезапно, без всяких на то причин. После смерти матери отец словно сошел с ума или выгорел изнутри. Он никогда не представлял меня официально, как своего сына, но сделал все возможное, чтобы я утвердился в Совете, действуя исподтишка шантажами и угрозами. Меня приняли в Совет Неба, хотя за спиной не раз шептались о «породивших генетическое отродье прожигателях». Я стал самым молодым Капитаном первого ранга за всю историю. Отец не узнал об этом, разбившись на вертолете. В тот день он облетал Горный Кряж.

Так или иначе, слухи о моем вероятном родстве с Горным королем регулярно ходили в Совете. Они держали меня при себе, чтобы использовать в подходящий момент. Что я мог сделать один?

— Они ошиблись на твой счет.

— Возможно и нет.

— Нас приглашают во дворец. На верховное собрание.

— Какая честь!

— Ты не понимаешь! Они готовы подписать мирный договор. То, ради чего мы шли сюда. Я шел сюда, — поправился Амиль.

— Чего мы ждем? — каменный стул был совершенно неудобен. Стол не ломился от лакомств, как полагалось, а окружающие недобро посматривали в нашу сторону, возмущенно перешептываясь.

— Принцессу Эль. Сегодня она почтит собрание своим присутствием. А так она командует взводом где-то в степи.

Я не выдержала, и рассмеялась. Сказалось напряжение последних дней. Королевские особи побагровели, зашептавшись еще громче и возмущенней.

— Ты хочешь сказать, что принцесса командует взводом, а принцы отсиживаются здесь? — Я покачала головой и взглянула на Акажа. Принц сидел вместе с королем во главе стола, уставившись равнодушным взглядом в бокал с вином.

— Ты ее просто не видела.

Амиль казался вполне спокойным, но в тот миг, когда я увидела принцессу, ощущение было такое, что весь каменный свод дворца рухнул мне на голову. Не в силах отвести глаз, я залепетала:

— Что это?! У нее ... это нормально?

— Ее мать была помещена на колдовстве и родила ребенка от самого известного на то время колдуна.

Прежде чем во второй раз взглянуть на принцессу, я недоверчиво протерла глаза.

Она была необыкновенно высокая и худая. Почти прозрачная белоснежная кожа просвечивала тонкими косточками. То, что она красива было понятно сразу. Безоговорочно прекрасна. Эти огромные красные глаза с изогнутыми чуть нахмуренными бровями вразлет и капризные пухлые губы на классически пропорциональном лице с высокими скулами, тонким вздернутым носиком и нежной линией подбородка. Красота была дьявольская, слишком совершенная и законченная, но поражало не это.

Вся ее длинная фигура, несмотря на чрезмерную худобу, так же сложенная без единого изъяна, горела в пламени. Алые язычки огня лизали серебристый костюм и белоснежную кожу, как ласковая дворняжка руки хозяина — не причиняя ни малейшего беспокойства, отбрасывая слабые розовые отблески на запястья, линию плеч и высокий лоб. Она горела, но не сгорала.

— Как я посмотрю, все в сборе, — произнесла принцесса Эль низким хриловатым голосом, пододвигая себе стул. Слуги суетились поодаль, опасаясь коснуться важной гостьи.

— Ну что ж. В таком случае, приступим.

Я вся подалась вперед, гадая: загорится под ней стул или нет? Мебель и не думала возгораться, так же как и скатерть и сосед справа, неосторожно коснувшийся ее рукава и отдернувший руку.

— Все мы хотим мира, — король поднял руку с кубком.

— Кто мы — жалкие псы, питающиеся падалью, чтобы сложить оружие и склонить головы в поклоне врагам! — Гневно возразил Акаж, вскочив со стула и опрокинув бордовый

напиток. Алый ручеек вина капля за каплей стекал на каменный пол, невольно ассоциируясь с кровью.

— Тихо Акаж. Мы и так погрязли в этой бессмысленной бойне. Некоторые вещи должны закончиться, чтобы остаться в летописях навечно. Как напоминание. Как жестокий урок потомкам.

Я физически ощутила, как напрягся Амиль.

— С вашего общего позволения, — король повернулся к капитану, и вслед за ним повернулись все остальные головы, — мы готовы заключить с вами мир. Но есть одно условие...

— Какое же? — нетерпеливо выкрикнул Амиль.

— Навь. Ты найдешь ее, преподнесешь откуп и разорвешь наше с ней соглашение. Нас надурили. Мы слишком дорого заплатили за оказанную помощь. Слишком...

— То есть, вы договорились с кровожадным колдовским отродьем, — Амиль обвел короля и принцев брезгливым взглядом, — а когда пришла пора платить, умываете руки?

— Не совсем так. Тебе понадобится помощь. Мы готовы ее предоставить: Акаж и Эл пойдут с тобой.

Мне не хотелось встречаться с Навью. Черт возьми, мне очень не хотелось еще раз встречаться с Навью. Но я твердо решила идти вместе с Амилем. Это мой шанс заполучить Акажа. И свою душу.

По загону сновали гигантские крысы, стуча по полу когтистыми лапами. Их черные блестящие носы разом принюхались, шевеля усами, и шесть голов повернулись к нам.

— Мы поедem на огромной крысе?

— Смотри, какие милашки! — Амиль злорадно улыбнулся, игнорируя мой вопрос. С тех пор, как я вызвалась ехать с ними, мы постоянно ссорились. — А с этим малышом я уже знаком. Это Дип. И по строению они ближе к ящерице.

— К огромной и мохнатой ящерице с длинным крысиным хвостом и мордой.

— Думаю, не стоит так обижать Дипа, — Амиль подмигнул мне, — Тебе на нем еще ехать. Если ты, конечно, не передумала.

Плато больше всего напоминало обычную пустыню с глинистым грязно-рыжим песком и опасными тварями. По вытертой, потрескавшейся земле бегали огромные звери величиной с большую собаку, но необычайно похожие на муравьеда. Издалека их морды с длинными носами-хоботками казались беспрестанно шевелились, выскивая добычу. Всей стаей они могли напасть и на человека. Я поежилась и укрылась за камнем, опустившись на сухой песок.

Неподалеку от меня прополз черный длинный червяк с блестящей шерстью и розовыми бусинками глаз. Я с внутренним содроганием отметила острые шипы на хвостовом наросте. Планета колючих тварей и таких же колючих жителей.

— Хочешь, я постерегу лагерь за тебя? — Амиль опустился на корточки возле большого валуна, служащего мне убежищем и кивнул в сторону палатки, — иди туда. Не представляю, зачем ты вообще отправилась с нами в поход.

— Полагаешь, что единственное предназначение женщины — стирать кольчугу и ждать с ратными подвигами у окна? — Страх, недоверие и усталость выплеснулись в диком коктейле раздражения.

— О чем ты? Тебя же ни на минуту нельзя оставить одну — обязательно во что-нибудь вляпаешься...

Изящные брови капитана изогнулись. Отчего-то это стало последней каплей. Злость медленно и тяжело поднялась со дна души, отравляя все удушливым смрадом. Под ее влиянием я незамедлительно выпалила:

— Волнуешься за свой мирный договор? Что не с кем будет его подписывать? Знаешь что? — глаза Амиля опасно сузились, но я продолжила, — Ты не нянька! И мне не нужна твоя помощь!

— Хочешь сказать, чтоб я проваливал?

— Какой ты понятливый мальчик...

Амиль в бешенстве вскочил на ноги и смерил меня тяжелым взглядом.

— Ты все еще жива, только благодаря мне.

— Прости, капитан. Я забываю о стольких важных вещах, когда ты рядом. Мне надо держаться от тебя подальше. — Я обращалась в пустоту. По склону уходил человек. Необычайно дорогой мне человек, а я так и не смогла его остановить.

Четвертый день в пути. Сутки идет дождь. Одежда стала колом, мокрая, тяжелая. С каждым шагом ноги все глубже проваливаются в жидкую рыжую грязь, застревая в ней и выдергиваясь с чавкающим звуком. Крысopodobные ящерицы, понуро плетутся следом, увязая все в той же грязи. Ехать на них по такому размытому склону кажется смерти подобно. Акаж идет впереди, он единственный знает дорогу. Спина Эль, обьятая едва видимым в серой дождевой завесе пламенем, маячит перед глазами. «Странно, — думаю отрешенно, — пламя не гаснет». Я поскользнулась в очередной грязной луже, но сильные руки ловят меня. Амиль. Придержал, помогая встать, и разжал объятая, не сказав ни слова.

Шорох дождевых капель.

Четвертый день в пути.

Эль оттолкнула меня с дороги, выставляя вперед изящные белые руки, тонкие как березовые веточки. С кончиков ее пальцев яркой вспышкой сорвалось пламя. Стрелой взметнувшись в воздух, вонзилось в серые тени.

— Вот они — обреченные души, рабы Нави. Значит мы почти у цели. — Акаж выхватил кривой клинок, опустившись рядом. Искоса взглянув на меня, он тут же оглянулся в поисках Амиля, но тот ушел собирать хворост для костра.

Это было не лучшее время для разговора, но во все остальные дни Акаж, казалось, избегал меня.

— Разве Навь не твоя невеста?

— Нет, конечно! Разве я похож на сумасшедшего? Она была представлена во дворце в качестве невесты, чтобы избежать лишних вопросов.

Акаж поспешил к сестре. Эль удалось справиться с серыми прихвостнями Нави. Тонкая белая фигурка замерла в изящной позе, обхватив пальчиками хрупкие плечи жестом усталости. Этот вечер с заходящим солнцем и розовыми облаками как нельзя лучше оттенял ее красоту. Я невольно загляделась, очарованная. Эль заметила мой взгляд и усмехнулась.

Из реденького лесочка, неся в руках охапку сушняка, вышел Амиль. Узнав о нападении, он первым делом бросил в мою сторону тревожный взгляд.

— Еще не поздно — поверни назад. Я уговорю Эль отправиться с тобой в Оланоз.

Я покачала головой.

— Поздно. Я опоздала и давно.

— Упрямая девчонка! — в сердцах бросил мне капитан, роняя хворост на размытую дождем землю.

Привал. Крысы улеглись на землю, свернув хвосты под брюхо. Покрытые грязно-сизой шерстью крысиные хвостики. Я завернулась в потертый спальный мешок и отвернулась от огня. Оранжевые всполохи освещали вытертое ветрами плато. Здесь даже песок другой. Прозрачно-желтый, отливающий синевой, как спекшееся стекло.

И вообще, это не планета, а кулек с песком. Или песочные часы. И время в них почти вышло.

Я следила за принцем вот уже несколько дней, отмечая каждое движение. Как он встал, откинул волосы со лба, изящными пальцами коснулся рукояти меча. Акаж и Эль неизменно находились рядом, игнорируя временную Королеву и принца полукровку. Мои шансы стремительно таяли. Думая об этом, я задремала, и во сне мне снился Амиль, одетый в

рыцарские доспехи и огнедышащий ящер с лицом Акажа...

— Королева...

Я вздрогнула и открыла глаза. Над холмами восходило солнце. А прямо надо мной возвышался принц. И никого больше. Мы были одни на склоне, если не считать прикорнувших ящериц, оказавшихся на редкость уравновешенными и неприхотливыми лошадками, умеющими обходиться малыми островками чахлой растительности.

— А где Амиль и Эль?

— Я отправил их вперед, на разведку. Мы входим во владения Нави и надо проявлять осторожность.

— Акаж, может это покажется странным и даже неуместным... — я сглотнула ставшую вдруг горькой слюну, — Ты нужен мне... моя душа...

— Душа? А что такое душа? — холодно оборвал меня Акаж, хищно оскалившись и став похожим на волка. — Смогу ли я увидеть её, выломав тебе ребра?... Смогу ли я лицезреть её, разбив твою прелестную головку?...

Его лицо и слова вызывали дрожь отвращения и страха. Захотелось отползти по песку подальше, а еще лучше зарыться в него с головой. Но в тот же миг черты смягчились, и принц стал прежним, даже чуточку мягче.

— Прости, очаровательная королева, я напугал тебя, — он протянул мне руку, и я коснулась горячих пальцев, позволяя поднять себя с песка, — давай немного пройдемся. Хочу показать тебе что-то необыкновенное.

Тропинка сделала крутой поворот и вывела к морю. Большому и черному, в серых брызгах как мои сапоги. Одной стороной расположившись на земле, а другой на воде, над морем и песком высился смутно знакомый замок с острыми башнями, уходящими в небеса. Та часть замка, что зависла над водой, чуть-чуть не касаясь гладкой поверхности, отсвечивала синевой, вся оцетинившись пиками, как хищная рыба костяными иглами. Дымчатые очертания другой половины, казалось, вторили песку, на котором стояли. Смягченные линии башенок и овальные окошки делали композицию плавне и мягче.

— Что это?.. — я с трудом разлепила непослушные губы, поворачиваясь к принцу.

Тот смотрел на меня с затаенным безумным огнем в зрачках.

— Знаешь, Влада, ты мне даже нравишься. Необычная, обманчиво хрупкая. Но я не могу подарить ей свою столицу... не могу.

— Что... что ты хочешь этим сказать?

— Ты так ничего и не поняла? — он хмыкнул и покачал головой. — Мы для того и пригласили этого недоумка в поход, зная что ты пойдешь вослед. Неужели капитан думает, что король собрался откупаться камнями? Зачем ей камни, если она собирает души? Откуп — это ты. Я должен был привести ей тебя, а взамен она пощадит Оланоз. Она потребовала за несколько удачных боев целый город... или тебя. Разве я могу позволить ей разрушить мой город?

На липкой глине остались следы. Он ушел. Бросил меня одну. Я отвернулась от сказочного дворца и вздохнула. Меня тошнило от одного его вида.

Сплюнув от переполнявшего отвращения, пошла прочь, увязая в песке.

Из-под земли, прямо у моих ног, повалил дым, срастаясь в знакомую фигуру. Навь. Я хотела было обойти ее, но она потянула навстречу руки, облизав кончиком языка коралловые губы.

— Проклятье, опять ты...

— Он все-таки привел тебя. Человек, которого ты не любишь, сам привел тебя ко мне. Твоя душа станет украшением моей коллекции.

Навь повернулась ко мне, протягивая, выросшие вдруг до размеров деревьев, руки. Солнце погасло. Последний, о ком я подумала — Амиль. Даже имя его начинается как окрик, с неожиданной мягкостью в конце.

Я медленно повернулась, обмирая от ужаса. По высохшей низине, бывшей когда-то морем, бродили прозрачно-серые тени. Души умерших плыли у самой земли. По одному им известному маршруту.

Горячий зловонный ветер коснулся кожи. Я с трудом поднялась и пошла за ближайшим призраком. Он развернулся и направился в мою сторону. Приблизившись, тень преспокойно прошла сквозь и направилась дальше.

Перед глазами встали картины сражения. Совсем юный паренек упал, сраженный огненной стрелой. Через мгновение он навсегда закрыл глаза, умирая в компании покореженных тел.

Не успела прийти в себя, как мимо прошествовал очередной призрак. И еще один... и еще... Утонувшая юная дева с разбухшим телом и пучком водорослей в волосах. Не родившийся младенец, погибший в утробе.

Я вновь и вновь окуналась в чью-то смерть.

Вот этот умирал долго, мучительно царапая горло, сдавленное веревкой. Мои пальцы невольно потянулись к шее.

А тот — уснул и не проснулся.

Я отшатнулась от мутных серых теней, не желая ничего о них знать. Знать об их боли. Знать о том, как они умерли. Я билась в агонии со стонущими душами, становясь такой же, как они. Медленно умирая.

Позади, разрывая пространство тонкой бумагой, возникла Навь. Прошипела тихо и зловеще, как ядовитая змея:

— Сердце горячее, прожигает ладонь. Ты слишком живая. — И тут произошло нечто совершенно поразительное. Навь задумалась и нежно погладила меня по волосам белой холодной рукой.

— Сильная... в тебе скрыто что-то большее. Пожалуй, мне нужно новое тело. Ты прекрасно подойдешь. Это нечто большее, чем забрать душу. Это полное слияние с твоей душой и силой, заключенной в ней.

Он бежал по песку, увязая.

Найти ее, во что бы то ни стало найти прежде, чем...

Словно в ответ на молчаливый крик, вдали появилась зыбкая фигура девушки в порванном платье, держащей над головой вытянутые руки.

— Влада... — он в отчаянии опустился на песок.

Образ девушки дрогнул и растаял.

На плато стояла Навь.

Он ее потерял...

Ее сознание высилось, обгоняя звезды. Небосвод, планеты, космос стали ближе. Самым дальним уголком сознания, она отметила мелкое копошение под ногами. Крошечные, невзрачные существа жили где-то у самой земли, как черви.

В ней не осталось тех чувств, что были когда-то раньше. Все казалось мелким в сравнении с огромной властью. И этой властью обладала она — та, что минуту назад была Владой, глупой девчонкой, готовой пожертвовать всем ради жалкого человечка.

Перестав обзирать свои возможности, она принялась к земле, мгновенно почуяв

опасность.

— Надо принять решение прямо сейчас! — Эль схватила его за плечи, бешено тряся. — Да приди же в себя, в конце концов!

— Влада не должна пострадать...

— Мы не можем оставить все как есть! Ты же видишь — Навь становится все сильнее! А для Влады все решено.

— Когда я найду Акажа... когда это случится... я убью его! — Амиль поднял голову и посмотрел в широко раскрытые глаза принцессы.

Эль медленно приподнялась, подобравшись. Прекрасные глаза закрылись, изящная линия губ сложилась в тонкую ниточку, а на снежной коже выступили капельки пота, отблескивающего алым. Сложив губы трубочкой, как для поцелуя, Эль чуть-чуть дунула, выпуская изо рта облачко оранжевого пламени. Огненный шарик медленно поплыл по воздуху, переливая всеми оттенками красного, как мыльный пузырь и так же лопнул, достигнув цели.

И вдруг Эль дико закричала, сгорая в собственном пламени. Белая кожа съежилась, как старый пергамент и потемнела. Волосы и ресницы вспыхнули и осыпались пеплом. Колдовство обернулось против своей носительницы. Она сгорала. Кожа покрывалась волдырями. Кости плавилась. Эль умирала.

— Эль... — Амиль кинулся к почерневшей фигуре, скрюченной в позе зародыша. Капитан впервые пожалел, что не обладает магическим даром. И все, что он может противопоставить разрушительной силе — взгляд полный горечи.

Черный обрубок, как старческий палец, указывающий в небо. Сожженное ударом ее злобы дерево рассыпалось пеплом по песку. Другой удар пришелся на нежную человеческую плоть, защищенную слабеньким колдовством. С одним червяком покончено. Осталось убить второго.

Она подняла руку, собираясь вытянуть очередную душу. Встретившись взглядом с жертвой, Навь приготовилась ощутить знакомый прилив радостного возбуждения, но картинка погасла.

Я увидела демона.

— Вернулась? — оскалился он, — Давно пора!

— Ты пришел за мной... — утвердительно прошептала я, пробуя пошевелиться.

— В твоём теле две души... я обещал взять одну и возьму, — плотоядно улыбнулся демон.

Я представляла себе бездонную пропасть по-другому, но теперь знала, как она выглядит. Как те глаза напротив, что смотрели, не моргая. Зрачки, которые вытягивали за уголок душу.

И вдруг из воздуха появился мертвец. Скрюченная мумия в облезлом и рваном мешке, бывшем когда-то кожей. Демон почти нежно склонился над телом и жадно приник к помертвевшей плоти.

— Почему не ты? Просто магическое существо, жившее многие сотни лет — лучшая добыча! — Демон кивнул на распростершуюся у ног Навь, принявшую свой первоначальный облик. — Я разрываю договор, но забираю одну единицу души в твоём теле. Знаешь, что девочка, не играй больше с тьмой — второго раза ты можешь не пережить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тьма не любит, когда с ней заигрывают. А впустив единожды внутрь себя зло,

становится трудно ему противостоять.

— Влада... Влада...

Я ожидала снова увидеть демона, а вместо этого очнулась на руках у Амиля.

Замка больше нет. Гладкая проплешина там, где раньше высились башни. И песок. Море ласкалось к прибрежным камням, как верный пес. Рассвет. В розовеющее небо взлетели крошечные огоньки. Хотелось думать, что это освобожденные души обрели покой на небесах.

На расцарапанные ноги садились пушинки. Неужели и в этом мире есть что-то мягкое и нежное?

Я закрыла глаза. Можно и отдохнуть. Теперь все будет хорошо.

Поле полыхало желтым огнем. Желтые цветы, как звезды с острыми лучами. Желтое утреннее солнце, лениво просвечивающее в прорехи облаков. И бледно-желтое песчаное плато.

Лежать на согнутой руке капитана было удобно, я немного повернулась вправо, чтобы видеть его лицо.

— Это было пугающе.

— Я жалею, что втравил тебя в это.

— Почему? — Было так важно — услышать ответ.

Амиль посерьезнел, уходя от прямого ответа.

— Незаконные связи караются строго. Королевские — приговариваются к смерти.

— Но твои родители...

— Они скрывались до самой смерти. Их преследовал общий страх, один на двоих — страх за мою жизнь. Такой жизни ты хочешь? — В его изможденном лице я увидела какую-то черту. Грань, за которую невозможно зайти.

Он свыкнется с этим. Со временем. Собственные чувства прижали капитана к стенке. Пришлось делать выбор.

Капитан хотел сказать ей об этом, но она прислонила тонкий палец к его губам. На короткий миг, исполнив свою мечту, капитан поцеловал ее ладонь. Рука отдернулась.

Я встала на мокрый песок, готовая замурлыкать от удовольствия, когда на берег набежала первая волна, холодя пальцы ног. Ветер больше не пах горячим песком и сухой травой, его перебивал терпкий соленый запах рыбы и водорослей.

Отбежав от пенящегося прибоя, я столкнулась спиной с Амилом. Его пальцы легонько коснулись плеча, пробежав по руке вниз. В то же мгновение волны обрушились сильнее, словно негодуя.

Еще одна минута блаженства и он уйдет в сторону... еще одна... — капитан, отравленный неведомым ранее блаженством, медлил, когда песок под ним зашевелился. Холмик, вроде лесного муравейника, вспух и рассыпался, превратившись в нечто, похожее на переплетенье корней.

Из-под мелких камешков и листьев показалась рука — спеленатая толстыми цепями так, что кости едва различимо хрустели, не выдерживая под этим гнетом. Потрескавшаяся, как старая хлебная корка. Вроде и человеческая, а вроде...

Капитан не смог определить.

Корявые обрубки тел продолжали бесшумно лезть отовсюду, перемежаясь бесформенными слизнями, с расплескивающимся жидким нутром. А я после встречи с демоном, наивно полагала, что страх мне отныне неведом.

Ошибалась...

Порождение кошмаров и кошмариков напоздали со всех сторон.

Клубок корней заговорил первым:

— Навь просто появилась однажды, появилась и все. Пришло колдовское отродье от людей, вылезло из-под земли или обрушилось с небес — неведомо. Просто оно пришло и оказалось достаточно сильным, чтобы поработить нас. Существо из плоти, но не человек.

— Ее больше нет, — прошептал Амиль.

Искореженное нечеловеческое лицо в клубке дернулось и повернулось в мою сторону пустыми глазницами.

— Навь сдерживала наши силы. О, победительница! Теперь мы свободны! И рады сложить к твоим ногам корону, провозгласив тебя Королевой Проклятых!

Ладонь Амиля с силой сжала мои пальцы. Мы переглянулись. Сильнейший спазм смеха скрутил обоих. Смеха, наполненного до краев неподдельным ужасом.

— А если я откажусь?

— Мы негодуем! Посети хотя бы наш город. А дальше — ты вольна в своих поступках. Можешь получить могущество, о котором и не мечтала среди людей или уйти. Все по-честному.

На словах не так плохо. Отчего погано на душе?

— Зачем я вам? Для чего? Я не великий воин или маг.

— Ты справилась с Навью. — Ближайший алый рот искривился в страдающей усмешке. Губы, шепчущие слова набухли, подобно нарыву.

— Она оставила в тебе свои силы. Они дремлют. Мы разбудим их. Ты станешь великой... непобедимой... единственной...

— Ты станешь новой Навью. Нашей, собственной Навью. Королевой.

И мы погрузились в болото, уходя все глубже с каждым шагом. Не в силах избавиться от

чувства, что чья-то рука сжимает горло.

Город был пуст. И стар. Очень стар. На потрескавшейся площади, припорошенной то ли уличной пылью, то ли лунным светом, стояла могильная тишина.

— Столица нечисти... — я услышала тихий шепот Амиля.

Я вздрогнула и коснулась руки капитана, стремясь ощутить живую плоть.

Мы прошли мимо алых гроздьев цветков, горящих таким ярким цветом, что кажется, он выдавлен весь, до последней капли, как кровь. Цветы оплетали высокий черный помост, он удивительно походил на плаху.

Легкое прикосновение к волосам заставило меня поднять голову вверх. С неба- грязного полотна без единого светлого пятнышка — падали черные перья. Я поймала одно и поднесла к глазам.

— Птичка, которой они принадлежат, размером со страуса...

— Они летят к нам...

Отсюда виднелись их очертания, и картинка складывалась безрадостная: они были необычайно большими и уродливыми.

— Это просто стая птиц! — Капитан обнял меня за плечи, прижимая к себе. Сквозь плотную ткань мундира я различила громкие удары сердца.

Площадь наполнилась удлинёнными черными телами, покрытыми шипами и перьями. Больше всего они походили на пернатых дохлых рыб с характерным запахом.

— Приветствуем... приветствуем... — донеслось со всех сторон. Змеиным шипением. Шуршанием длинных крыльев.

Мгновенно вспыхнувший огонь так же быстро погас, осыпавшись комьями угольков, стекающих к нашим ногам.

— Королева... королева... — едва слышно бормотали черные угольки на мохнатых лапках.

С плахи посыпались головы, как яблоки в урожайный год. Они одновременно открывали рты и вращали круглыми глазами навсегда застывшими в ужасе.

— Ты обретешь... могущество...

А из-под земли вылезли ржавые цепи.

— Наша... наша... наша...

Едва заметная тень оторвалась от ближайшей стены и скользнула ко мне. Острые маленькие зубки призрачного существа оскалились. Он с необычайной ловкостью вскарабкался на мое плечо. Я попыталась сбросить седока, но рука прошла сквозь дымчатую тень.

— Бесполезно. Просто выслушай меня.

— Кто ты? — Я обернулась к Амилю, но тот шагнул к отталкивающим на вид существам, на всякий случай обнажив меч.

— Мы четвертая раса этой планеты или Люди Подземелья. А ты станешь одной из нас, ты будешь сильнейшей из нас. Возрадуйся — тебе выпал необыкновенный шанс изменить судьбу.

На ум мне пришел демон с его контрактом, и я решительно дернула лацканы мундира, сиюсь страхнуть болтливый призрак.

— Я меняла свою судьбу. И поняла, что лучше этого не делать.

— Ты сможешь обрести свою любовь... любой принц будет у твоих ног.

Передо мной всплыло лицо Акажа, оставившего меня на что-то более мучительное, чем

смерть, и я невольно передернулась.

— Богатства... несметные... дворцы...

Поняв, что так просто от назойливого собеседника не избавиться, я обратила все свое внимание на Амиля, пытавшегося объяснить с ближайшим чудовищем — огромной глыбой с несметным количеством когтистых лап на бесформенном туловище.

— Скажи мне, Коронованная, чего ты хочешь? — гнул свою линию серый фантом.

— Вернуться обратно вместе с Амилем. — Было ясно, что так просто нас не отпустят. А уйти самим из места, о котором я ничего не знаю, кроме того, что оно где-то существует, не возможно. Если только... приказав себе собраться и перестать дрожать, я попыталась сосредоточиться на отчаянной идее.

Если не попытаться использовать непонятную и неподвластную силу, скрытую внутри меня.

Запретив себе думать о кружащих вокруг чудовищах, я представила себе мир бескрайним зеркалом, по одну сторону которого находится этот проклятый город, а в отражении — две человеческие фигуры посреди пустынного поля.

Я — этот мир... и внутри его.

Ток прошел по плечам, спине, ногам. Мелькали видения, сменяя друг друга. Необычайно красочные и реальные.

Может я умерла?

И тут видение обрело четкие грани и перестало ежесекундно меняться. Слабый ветер шелестел багряной травой. Эти звуки стали музыкой, песней. Я полагала, что неплохо узнала этот мир, но сейчас происходило что-то совсем новое, необычное. И это вызвала я сама.

Мы стояли, утопая по колени в багряной траве. Я знала, почему выбрала этот цвет — он удивительно подходил его глазам.

— Где мы? — Амиль оглянулся.

— Это не важно... — не хотелось признаваться, что я попросту сбежала. Это бы испортило замечательный момент.

Мы одни, сокрытые от всего мира высокой багряной травой. Его глаза блестели. Волосы, взлохмаченные ветром, торчали еще сильнее, мне хотелось положить его голову к себе на колени и гладить, гладить по ней ладонью...

Мир снова ушел из-под ног. Амиль пошатнулся и упал навзничь, прижимая руки к кровавому пятну на груди.

Кровь пропитала ткань, тонкая струйка потекла по земле, собираясь в лужицу. Слишком большую лужицу крови для одного человека.

Я покачнулась, словно это из меня вытекла кровь. Захотелось повалиться лицом в траву и заорать, запричитывать во весь голос. Так по-бабски, с диким, почти звериным воем. Но что-то остановило...

— Так надо было. — Прошипело выросшее из темноты прозрачное существо, очищая влажный от крови клинок собственным серым крылом. — Он тянул тебя к людям, предначертанную стать Королевой Проклятых. Но тебе не скрыться от своего предназначения.

Я неохотно открыла глаза и уставилась в темноту. Тут всегда ночь. В любое время суток. Бесконечная тьма, в которой земля сливается с бездонным небом.

Сильнее запахнувшись в алые покровы, плотной дымкой укрывавшие тело, я поднялась с каменного ложа. На противоположенной стене, висело серебристое зеркало, мягко светящееся в темноте, но смотреть в него не хотелось. Я и так знала, что увижу. Бескровные губы и пустые глаза, не зеленые как прежде, а просто никакие, как незаконченный набросок, как выжженная земля...

Как остановившееся сердце.

Изрешеченную стену на площади обвили шипастые стволы лиан. Забавы ради, я провела рукой по острому шипу, наблюдая, как рвется кожа, оставляя красный след. Но развлечение длилось не долго. Миг и все зажило.

Я махнула рукой, и большая черная птица плюхнулась у моих ног, угодливо выгибая горбатую спину.

— Хочу облететь землю!

— Как прикажете, Королева.

Птица распласталась ниже, чтобы было удобнее забраться на спину. Бледные губы искривились в полуулыбке. Дикие черные ветви над головой сплелись в тесные объятия, как влюбленные. Небо не становится ближе в полете, оно такое же недостижимое.

Я летала, пока от ветра не начинали слезиться глаза. Мерзкий запах черных перьев, казалось, сросся с моей душой, проник в кровь. И мне хотелось ползти, цепляться в огрубевшую землю, а лучше в плоть, отросшими когтями и раздирать в клочья все, что попадется на пути.

И я обрушивала свою боль и гнев на землю.

Черная птица, мой постоянный спутник, сравнивала меня с бурей, говоря, что я буйная и не постоянная, прекрасная и опасная, но стоит меня приручить, как начинаешь бояться удара молнии.

На плато выпал белый снег. И горный край погрузился в ледяной мир зимы. Лед и снег делали горные кряжи какими-то хрупкими и чистыми. Я остановила птицу на краю обрыва, и дальше пошла одна, ступая босыми ногами и не чувствуя холода. Когда проходишь через ад, не останавливайся, сказал Черчилль в том далеком, покинутом мною мире. И я шла.

Злоба, вспыхнувшая внутри, вырвалась наружу огненным вихрем, плавящим снег. Я закричала, и эхо далеко разнеслось над вершинами гор.

Я умерла, а то, что осталось, перестало быть мною.

Горный король праздновал очередную победу, когда неожиданно-негаданно среди шумного веселья из сгустившегося воздуха возник белесый призрак. По мере приближения к трону, фигура прорисовывалась все четче, обрастая анатомией человека и пустыми глазами оборотня. В полной тишине она дошла до трона.

— *Завтра же вы объявите о мире и подпишите с Поднебесным народом договор.*

Стража, сгрудившаяся возле короля, не могла сдвинуться с места, чтобы защитить своего правителя. Король попытался было рассмеяться в ответ на дикое предложение, но не смог произнести ни звука.

Все прочие приглашенные гости, в числе которых были и сильные колдуны,

благоразумно предпочли не вмешиваться, распознав силу, значительно превышающую их.

Когда густую тишину зала, можно было почувствовать на ощупь, слова принца прозвучали особенно громко и вызывающе.

— Кто ты такая, чтобы лезть в наши дела?

Я повернулась к Акажу, и, немигающее, уставилась на него. Почувствовав опасность, он медленно залился смертельной бледностью, так и не узнав того, кто принес ему дурную весть. Слишком глубокая пропасть пролегла между той, кем я была и кем стала.

Я медленно вытянула вперед руку, сжав пальцы в кулак.

Средний из трех принцев опустился на колени и побежал на четвереньках, обрастая шерстью по мере приближения к моим ногам. Я опустила ладонь на мохнатую голову пса и потрепала его за висячим ухом. Ставшие ясно-голубыми глаза собаки настороженно следили за высокой бледной дамой, к запаху теплой кожи которой примешивался, почти заглушая, аромат сырой земли и соли.

— Потому что так будет с каждым, кто нарушит мое указание! — пес испуганно заскулил в подтверждение моих слов.

Я не почувствовала ничего. Ни сожаления, ни раскаяния. Ни даже злорадства от свершившейся мести. Немного раздражения и шепотку усталости. Вот и все. Это последнее, что я могла выполнить для Амиля.

Последнее, что я сделала, прежде чем окончательно погрузиться во мрак.

Первые языки пламени лизнули каменную черноту городских стен. До меня донеслись крики бессильной ярости. Глухо зазвучал сигнал тревоги.

Я уходила прочь и с каждым шагом продолжала твердить: Когда любят двое, они становятся в силах изменить историю.

Когда любят

до смерти.

На следующий день два народа подписали мирный договор. И война прекратилась.

Темница давила. Со всех сторон. Ни солнечного света, ни мерцания звезд — мрак и темень. Свернувшись клубком и подтянув согнутые колени к подбородку, я лежала, не зная сколько прошло времени, и задыхалась.

Одно время она особенно любила своих воинов и обожала то, для чего они предназначались — устрашение. Ее воины. Духи, поедаящие человеческую душу. Черные птицы с человеческими глазами. Необычайно уродливые создания со зловонным запахом. Те, что были некогда людьми.

И сама Королева когда-то была человеком.

Из легенды о появлении Нави:

... советники и лучшие воины племени Равнин отобрали самую крепкую, смышленную малышку. Эту девочку они отнесли на «Проклятое плато», где давно обитало зло, и оставили одну. Без еды и питья. Риск был огромен. Ведь духи могли не принять ее.

Когда на землю опустилась мгла, плато обволокло густым, липким туманом. Малышка перестала плакать и позволила ласковым нежным рукам марева убаюкать себя. Эти же ласковые руки поднесли к детским устам чашу с алой жидкостью. Сытая, она прикрыла красные воспаленные глаза, не видя ни тёмного силуэта в небе, не слыша ужасающего вопля в горах.

У нее стало два племени. Одно — родное, где она родилась. Второе — принявшее ее.

Так появилась первая Навь.

— По теням стреляли колдовскими молниями, скидывали снаряды с неба, — сказал сержант. — Там никого не могло остаться, и все-таки они там.

— Что бы там не было, оно прекратило войну.

— Да.

— Скажи, это точно была Навь? Как она выглядела? — При последних словах его сердце ухнуло вниз, разбиваясь о ребра.

— Похоже на нее, — ответил сержант. — Она и сейчас там, внизу.

— Вам пора пройти коронацию... — змей услужливо заглянул ей в лицо, предусмотрительно не задерживая взгляда на подернутых туманной дымкой глазах. Последнее время Королева стала совсем несносна, вымещая злость на своих приближенных. Это вступило в борьбу ее внутреннее, не совсем еще растоптанное сознание и сила Нави, стремящаяся править безраздельно.

— С какой стати... — Королева лениво щелкнула пальцами и высекла крохотную белую молнию, наученный собственным опытом змей быстро отполз назад.

— Ш-ш-ш-шалите... не к лицу, а коронация необходимо — это превратит в полностью сформированную Навь, не зря она выбрала тебя своей преемницей.

— Вот скажи, — женская фигура стремительно выбросила вперед руку, поймав извивающуюся змею и поднеся близко к лицу, так что змею пришлось невольно заглянуть в эти глаза. Он многое повидал, но тут невольно задрожал. — Скажи... я зло?

— Идти против разума, отталкивать свое предназначение, и мельчить великие цели — вот оно, настоящее зло...

Королева нехотя разжала пальцы, давая змею утечь.

— Пусть будет коронация. Что от меня требуется?

— Мы все подготовим. Небольшое жертвоприношение и пир, во время которого ты впервые отведаешь вкус человеческой души...

— Королева уже знает об этом?

— Нет... — змеиное туловище плотными кольцами обвил шею громадной черной птицы, но та продолжала лететь, не обращая на скользкие объятья ни малейшего внимания.

— Кто-то должен сказать ей.

— Она узнает... когда будет готова.

На обледенелом дереве головою вниз висела черная птица. Она ловко расправила и вновь сложила огромные крылья, царапнув маховыми перьями по снегу. Кругом валялись тела и сломанное оружие. По занесенной земле тянулся кровавый след.

— Вы долго... — вынырнувший из темнеющего кустарника змей неодобрительно высунул раздвоенное жало.

— Вот если бы не живым, то тогда... вот если бы мертвым, а так, — появившись со стороны высоких, тянущихся на многие километры скал, бесформенные силуэты, шагающие по неглубокому насту, как сломанные куклы, остановились. Множество длинных, согнутых под невероятными углами рук, разжались, кидая в снег свою добычу.

— Как договаривались... — пронеслось нестройными выкриками над сбившейся стаей сломанных кукол. — Отдавай... облик!

Птица, до той поры висевшая совершенно безмолвно, переспелым яблоком упала с дерева, встав на крыло у самой земли. Облетев скрюченные тела, она на миг накрыла их ставшими вдруг бескрайним ночным небом крылами. Когда черная птица покинула плато, унося в когтях человеческую фигуру, а на шее змеиное кольцо, стало совсем тихо. Лишь снег, да мертвецы, да скрюченные деревья с голыми ветвями, росшие так близко друг к другу, что, казалось, они сбились в стаю.

Она сидела поперек трона и отчаянно скучала. Белый шар в ее руках, состоящий из сотни сплетенных потрескивающих молний, то рос до размеров головы, то съеживался маленькой горошиной. Она устала от резни и от страха в чужих глазах. Мерзкие твари вызывали в ней зевоту, а внутри росла сосущая темнота.

Ранее она неожиданно вспоминала отголоски чужой жизни, какие-то расплывчатые картинки бытия, обрывки странных ощущений и боли. И тогда она подолгу летала, пока не капала кровь из пальцев или сердце не начинало слетать с орбиты.

Затем и это прошло.

А пустота осталась.

Фигура стояла привязанная к столбу. Высокому бесцветному стержню, уходящему далеко в черное небо. Она нехотя поднялась с трона и пошла по облитой жертвенной кровью дороге, как по ярко-красному ковру. Отвратительные твари, ее воины, замерли по краям ледяными глыбами льда. Коротенькая такая дорожка — каких-то десять, двенадцать метров — все не заканчивалась, словно конец ее искривился в пространстве, загнувшись в восьмерку, знак бесконечности, а она проклята ходить по ней века.

Это не она, — подумал он, приходя в себя, — или она. Видимо, сама земля выступила против.

Дорога резко оборвалась у ног жертвы.

— Пора обедать, — улыбнулась Королева Проклятых и посмотрела ему в глаза.

Себя не обмануть... это Она... Он неотступно следил глазами, куда бесшумно ступали ее маленькие ножки, обутые в кожаные сапоги, страшась поднять взгляд. Страшась увидеть Нечто в ее глазах. Ему больше не хотелось крикнуть — пощади.

Это злобное шипение подданных со всех сторон начало ее утомлять. Его душа ничем не отличалась от многих тысяч других, что пополнят позже войско проклятых. Пора начинать пир.

Она облизнула губы и прижалась к жертве, будто для жаркого поцелуя, окунаясь в чужую сущность, как в озеро.

Я очнулась от тяжкого сна, сотканного из неясных теней и бесконечного бега по кругу.

Я просыпалась не раз и не два, но впервые увидела дверь. Приоткрытая, она манила, раскачиваясь от сквозняка, словно маша крылом: иди ко мне...

Я встала и пошла.

Месяц назад...

— ...никто точно не знает, как протекает ритуал полного становления Нави...

— Из древних легенд и прочего мусора, — собеседник с гримаской усталости махнул рукой на тяжелые книги в железном переплете, — придворные маги выловили крупицы слов, похожих на истину.

— Как это касается меня?

— Я вижу твое нежелание познать и принять истину, но действительность такова: она есть и незримо связана с тобой.

— Если это она...

— Это она, поверь мне, — Амиант скрыл лицо ладонями, помолчав минуту. Амиль не торопил короля, хоть разделить его горе о потере сына не мог. Если бы тот не погиб, он убил бы его сам. Как обещал.

— Проклятье... если тебя не предали смерти, значит, были причины. И не важно, в чем они крылись — в тебе, в ней, в ком-то, кто предал или в чём-то ещё. Жизнь... сама разлучает и связывает. Ты остался жив, значит, нужен им. Для ритуала. Для ее обращения в их собственную Навь.

— Одной королевы им показалось мало...

— Ты нужен им, — упрямо повторил король. Далеким приглушенным шепотом ему вторило эхо. — Мы должны подготовиться и убрать ее, прежде чем она станет сильнее.

«Если я не расшибся любя, завтра чье-нибудь слово прикончит...» — бесшумно повторил он чьи-то стихи. Вот так просто: убрать ее. Словно не было солнца и лиловой травы.

— Если это и вправду она... я не могу, — во рту пересохло и стало как-то мерзко. Как вступил в гниющее болото.

— Пойми, телом этого человека распоряжается Тьма, ее душа давно умерла.

От разговора воротило. Даже воздух стал зловонным и тяжким. Память мучительно подтасовывала воспоминания, заставляя вновь и вновь переживать освежеванную боль. Вот и сейчас тоже. Особенно сейчас.

Я шла по каменному колодцу, неизменно возвращаясь в начало. Когда силы в очередной раз оставили, опустилась на колени, пребольно стукнувшись об пол.

Я с трудом вспоминала: кто и откуда? Зная твердо одно — что должна выбраться или очень пожалею об этом.

Держа его на прицеле глаз, Королева медленно отодвинулась. Ее изумило не полнейшее равнодушие к своей участи и даже не крошечные токи, наэлектризованными жгальщими ударами проскальзывающие между ними.

Ее поразило то, как он смотрел на нее. С болезненной жалостью на лице.

Севшим голосом он прошептал, но она услышала. Каждое слово.

— Руку, подай мне руку, Влада. И я попробую спасти тебя.

Он был связан. Но вместе с тем ей навстречу из темноты тянулась его рука. Королева вновь приникла, стремясь добраться до его души. К своей жертве, в какой-то момент переставшей быть жертвой, и тогда он ударил вдвое сильнее. Всей силой, отданной ему на время магами.

В ее висках — стук барабанов. В его зрачках — и власть и боль. Это война и война насмерть.

Коридор походил на спиралевидную нить, разматывающуюся все шире и отвесней с каждым шагом. На ум одновременно пришли сети паука, спиральный лабиринт и маятник. Колебания от жизни к смерти. Очередной поворот привел к величественной пещере, чьи стены терялись в белой мгле. Повсюду лежал чистенький, нарядный снежок, как с рождественской открытки. Воздух выжигал легкие нереальной стужей. Казалось, даже кровь внутри меня застыла.

— Холодно? — в первый момент показалось, что заговорил осколок льда. Говорившая сидела на снегу, поджав две босых розоватых пятки. Она сидела, подперев щеку ладонью, а над головой у нее летали снежинки. Или в моем сознании летали снежинки, выдавая фантазмагорные картинки — я не сразу постигла открывшуюся безмятежность видения.

— Хожу по камням старых плит... — пропел меж тем тоненький голос.

— Кто ты?

— Не родившаяся душа...

— Где я? И как отсюда выйти?

Она приподнялась и сразу оказалась рядом. Ростом по ребра, тоненькая и хрупкая девочка. Белая как снегурка. Нежно улыбнулась мне. И исчезла.

Существо в бешеной злости билось о невидимые прутья колдовской решетки, которыми ее опутал Амиль, на глазах изумленных свидетелей теряя первоначальный облик. За спиной, изогнувшейся под совершенно диким углом Королевы, с треском развернулись большие крылья, отливающие темно-синим чернильным цветом.

— Нет, погодите, вы поплатитесь! Я не пойду — полечу над вашими безобразными трупами!

Горные колдуны отступили на пару шагов назад, в душе желая оказаться как можно дальше. Возле клетки остался стоять один Амиль.

— Ах... и моя намеченная жертва тут! — Королева улыбнулась, поманив его рукой. Длинные крылья обмахивали стан, как веером, — теперь-то я понимаю, отчего мои слуги

выбрали тебя. Человек, тесно связанный с личностью, которой я когда-то была, распахнет врата к безграничной власти.

Амиль побледнел.

— Ее не вернуть, дурачок, — ласково пропела Навь, — а я могу поделиться с тобой силой. Надо лишь завершить начатое! Твоя душа станет моей правой рукой.

Серая пустошь простиралась до горизонта. В сумрачной пелене были волки, оплакивая что-то бесконечно близкое и дорогое. В странном забытьи мысли о том, что я нахожусь в замке и хочу найти выход, испарились все до одной. Сначала неторопливо, а затем все ускоряя шаг, я пошла на волчий вой.

Скрежет, такой как бывает от распахнутой калитки в саду, хлопающей на ветру, привел меня в чувство. Повернувшись на звук, я увидела за спиной двери. Узкие, совсем крошечные, словно для тараканов, и широкие, как для танков, совсем крохотные и исполинские громадины, теряющиеся в вышине. Мир из дверей, и двери — летящие над миром.

А возле них — вчерашняя снегурка.

— Я хочу выйти, но не знаю где выход. Помогите мне... пожалуйста, — я с мольбой обратилась к юному созданию, готовая упасть на колени, лишь бы она вывела меня отсюда.

— Ты знаешь, с кем борешься? Победишь и вернешься, — отчетливо произнесла девчонка, растягивая слова, как для умалишенной.

— Мне надо победить Навь? Колдовское порождение безнаказанно воцарившееся во мне?

— Воцарившееся? — девочка засмеялась, блеснув ровными бусинами зубов, но глаза остались безрадостными. — Она не пришла извне, а часть тебя! Ты сама ее вырастила, позволив злу, обиде и разочарованию пустить корни в своей душе.

— Не-е-ет... — я зажмурилась и завизжала, что было мочи, силясь стереть услышанное, — я не могла!

— Тяжелее всего победить зло в себе самой, — нежно прошептала Снегурочка и исчезла.

— Убей ее, — колдун, вышедший вперед, представлял интерес всей толпы, — мы наделили тебя огромной силой, исчерпав запасы до дна, чтобы опутать и перенести сюда — так убей!

Клетка под давящим взглядом колдуна приоткрылась. Амиль вошел в нее и остался один на один с Королевой проклятых.

— У тебя нет выбора, — фыркнул другой. В мятой одежде и со вспотевшим лицом.

Выбор, выбор — вся его жизнь непосильный выбор. Но свой он сделал.

Амиль поднял над головой меч и, размахнувшись, метко обрушил блестящее в свете фосфоресцирующих грибов лезвие на невидимые оковы, едва сдерживавшие крылатую бестию.

Он сражался много раз. Бился до последней капли крови, до последнего вдоха, защищая свой дом, свой город. А теперь приготовился защищать свою женщину. Кем бы она ни была.

— А это, капитан, уже измена. И что прикажете с вами двумя делать? — Придворный маг Горного Короля скрестил руки на груди, игнорируя кончик меча, ткнувшийся ему в грудь, как последнее предупреждение.

— Уничтожим, уничтожим... — и девять сильнейших магов двух королевств окружили кольцом побелевшего капитана с мечом, ставшим вдруг игрушкой в руках

младенца, и его чернокрылую спутницу.

От нечего делать, я выбрала самую загадочную мерцающую дверь, и теперь вынуждена была идти вперед. В полной темноте по едва различимой линии под ногами. Стены, потолок — все укрыто от глаз, а возможно, их и вовсе нет. И я — в пустоте...

Бесплотное скольжение окончилось у высоких ворот. Тьма нехотя рассеялась и я с удивлением обнаружила спящий за ними город. На тротуаре лежала светлая пыль, но я не оставляла на ней следов. Тихий и темный, город не то спал, но то умирал, испуская дух в беззвездное небо.

Я шла мимо странно пустых домов, заглядывая в окна. Один дом показался смутно знакомым: так и есть. Я с трепетом вошла на деревянное крыльцо. Дом, в котором мы жили, когда я была маленькой девочкой.

Капитан, прошипев потрескавшимися губами все проклятья, что смог вспомнить, швырнул крохотные потрескивающие как электричество волны. Бросок пришелся прямо в сужающееся над ними кольцо. Маги отступили, но всего на короткий миг, чтобы снова придвинуться ближе.

— Мы в западне, — некстати пришло ему в голову.

Амиль обернулся. Чернокрылой не было. Он остался один. Больше капитан не сопротивлялся, даже когда, опутав заклинаниями, маги выдернули назад все колдовские силы, вытряхнув из него магию, как пыль из ковра.

— Ты хоть представляешь, что ты наделал — колдун пнул сухонькой ногой связанного капитана, — Знаешь, что тебя за это ждет?!

Амиль равнодушно пожал плечами, насколько ему позволяли невидимые оковы.

— Смерть... тебя казнят, болван.

Сколько себя помнил, он всегда был солдатом. Разменной монеткой в чужой игре. Спасал, убирал, защищал и обезвреживал. В однообразной чередой вспыхивающих и гаснущих лиц, отпечатывающихся в памяти, к концу срока, отпущенного ему судьбой, осталось всего одно. Ее лицо.

Амиль потер ноющие виски и отвернулся от решетчатого окна.

Завтра его казнят за предательство. Капитан усмехнулся — а предательства то он как раз не совершил. Но заплатится за это жизнью.

Я встала на цыпочки и заглянула в знакомое окно с бежевыми занавесками.

Они были там — постаревшие, но счастливые. Мама и папа. Кэм, качающая на руках своего первенца.

Я опустила на корточки и заплакала. Навзрыд. Оплакивая родителей. Сестру.

— Вспомни себя, — она совсем растаяла, снегурка, оставшись бледным силуэтом в свете фонаря.

Отмахиваясь от надоедливых мыслей, Амиль придвинулся к узкому оконцу, стремясь увидеть хоть что-нибудь кроме каменной стены. Но она разрослась вокруг, вобрав в себя весь окружающий пейзаж.

— Я так и пойду на казнь... с каменной стеной в голове, — он вздохнул, потом еще раз глуше, а в ответ расслышал тихий шелест. Словно где-то хлопали большие мягкие крылья.

Проснулась, выдернув себя из сна о моей семье. Находясь тут, я ничем не могла помочь ни им, ни капитану. Погладила холодный каменный пол ладонью.

Странно, все это время не чувствовала холода.

— Снова ты, — я нисколечко не удивилась при виде знакомой бледнолицей девочки.

Я умолкла. Несколько долгих минут прошли в тишине.

— Кто ты? — горло саднило, будто ела песок.

— Важно, что ты вспомнила кто ты. Скоро увидимся. Выбирай багряную дверь.

И исчезла.

Камера наполнилась четырьмя конвоирами. Трое держались взволнованно, но четвертого отличал холодный туман в глазах, выдавая колдуна. Удобно расположив рукоять в ладони, он покачивал туда-сюда широкий меч.

— Должно быть таким удобно рубить головы, — обронил Амиль, развалившись в вальяжной позе на лежаке и не думая с него вставать. — Ну, там всякий исчерпавший себя человеческий материал.

— Предатель... — выступил вперед один из обеспокоенных конвоиров, — ты сам себя погубил! А теперь смеешь...

— Хватит высоких слов. Ведите меня к месту казни... — капитан оглядел посуровевшие лица, — как? — в притворном изумлении воскликнул Амиль, — Вы собираетесь казнить меня прямо здесь? К чему такие предосторожности?

— Распоряжение от самого короля.

Капитан пожал плечами.

— Ну, раз от самого короля... тогда, конечно...

Безупречная синева расползлась, докуда хватало глаз. Стало больно от такой бескомпромиссной сини. Я в ловушке одного цвета. Я в пузырьке с синими чернилами.

И ни одной двери. Даже самой крохотной.

— Хватит! — Голос дрогнул и потонул в гнетущей тишине. — Снегурочка, где ты?

Я закрыла глаза и представила дверь. Простенький прямоугольник темно-красного цвета подсохшей кровяной корочки. И шагнула в нее...

— *Бесстрастность, бесстрастность, бесстрастность...* — вертелось у него в голове, — *я чертов бесчувственный механизм...*

Щупальца отчаянного, безумного страха тянулись к сердцу и разуму, чтобы, обвив всего, сжимать в ледяных тисках тело, старательно ввинчиваясь в каждую клеточку.

Внутри росло сожаление... от неосуществленных желаний? От неправильного выбора?

В четыре руки его грубо сдернули с лежака. От сильного толчка в спину он упал на четвереньки, именно в такой позе, чтобы умелому палачу стало сподручнее рубить очередную голову. Амиль уставился в темный угол камеры, силясь забыться. Какой он увидел Владу впервые? Пустая площадь, стук ритуальных шестов и растерянная девушка. До конца не осознав всю глупость поступка — вмешался в чужую церемонию, спас ее. А потом вернул в темницу, испугавшись собственной импульсивности. Она ушла, оставив видение поджатых губ и рассерженных глаз. Прекрасная девушка, разбудившая что-то внутри него и прекратившая войну. Та, к чьим губам хочется прикоснуться. Знал ли он тогда, чем все обернется. А знай — совершил ли череду поступков, приведших к гибели?

Он рад, что в его мире была она — девчонка, кукла, юная королева.

Мрачный детина взмахнул мечом, и Амиль закрыл глаза.

Напрасно вспоминать, где и когда впервые дрогнуло его сердце.

Тишина. Поле. Каменное изваяние невыносимо прекрасной женщины с огромными черными крыльями за спиной. На холодном лице пустые зрачки. Смотрит холодно и безразлично, словно дает нищим подаяние, проклиная их за немощь и недуги.

— Ты можешь повернуть назад, — я узнала голос.

— Почему я?

— Все мы чем-то жертвуем, — девочка пожала тонкими плечиками, — пойми, нельзя продать душу демону и ничем за это не поплатиться.

Тьма накроет его с головой, и он уйдет туда, где звезды. Где Вечность.

Амиль зажмурился, насколько это было возможным. Ожидание удара, казалось даже более страшным, чем сам удар. Думать о чем угодно, но не о смерти.

Шелест багряной травы и мягкие губы Влады...

Шелест. Хлопанье крыльев.

Темный вихрь, ворвавшийся в темницу, возымел небывалый эффект, отбросив палача далеко в сторону. Он закричал от боли, врезавшись в стену уязвимой, как и у его жертв, плотью. Амиль не заставил себя упрашивать. Увернувшись от ударов менее массивного противника, он подхватил упавший меч и плашмя обрушил его на ближайшего конвоира. Оставшихся разметал черный смерч.

Амиль вытер пот со лба и повернулся назад.

Она была прекрасна, просто ослепительно хороша. Уставший, раздавленный ожиданием собственной смерти, он похромал в ее сторону. Скрывшись в тени обжигающе черных крыльев, она сделала шаг вперед. Нехотя, исподлобья встретилась с ним взглядом.

Выбравшись из лабиринта снов, я стояла перед двумя дорогами. Одна вела за пределы высокой ограды, стеной опоясывающей замок. Здесь камень — там талый снег и нежный пушок молодой травы, пробившейся сквозь все преграды. Блеклая серость над головой перетекала в редко синий оттенок с перламутровой поволокой, какой бывает у неба, раздобревшего от весны. За горизонтом угадывались очертания родного города детства. Те же заводские трубы и прямоугольники высоток.

Другая дорога заканчивалась на краю пропасти.

— Ты вернулась?

— Я не закончила ритуал...

— Что тебе еще от меня надо? Убить? Забрать душу? Тогда зачем было спасать...

— Я давно так не забавлялась. Ты сумел меня заинтересовать.

Амиль пошатнулся и ветхим мешком повалился на корточки. Прислонившись к стене и спиной ощущая могильный холод камня.

— Скажи, она живая, там... в тебе?

Внезапно пошел снег. Вот так сразу, без предупреждения. Белеющий пух летел над миром, опускаясь на волосы и ресницы. Мешая смотреть. Я моргнула.

— Пора решать.

— Как мне тебя называть?..

Девочка пожала плечами.

— Разве это имеет хоть какое-нибудь значение.

— Тебе не холодно? — сказала и сама удивилась собственной глупости. «Холодно»...

разве может замерзнуть нерожденная душа. Но слишком уж хрупкая на вид эта снегурочка.

— Линия — дорога домой, она разомкнет ваши руки.

— Что будет, если я пойду домой?

— Кровать. Спящая девушка. Серые сумерки, переполнившие комнату. И захлебывающийся в утренней тишине телефонный звонок матери.

— Так просто? Снова в родном мире? Как будто не было Амиля?

— Со временем все забудется. Останется легкий осадок, как после тревожаще-приятного сна. И все. Будешь жить дальше.

— А если в пропасть... — я нервно сглотнула, ощутив слабый озноб.

— Ты загляни в нее, — она печально покачала головой, — и увидишь. Иногда одного беглого взгляда хватает, чтобы мир перевернулся.

— Но я умру?

Снегурочка немного помедлила и кивнула.

— Родишься, начав все заново. С чистого листа.

— *Подойди ближе, — она облизнулась, как кошка, — и узнаешь.*

Он, зачарованный, уставился на эти мягкие губы и мелькнувший розовый язычок.

— *Думаешь, я стала жалкой ничтожной тварью?*

— *А разве не так?*

— *Подойди ко мне и я расскажу, как все было на самом деле... иди же...*

Как заколдованный, Амиль шагнул к женскому силуэту. Ее зеленые глаза опасно сузились. В них — темные всполохи ночи. Она легонько коснулась его щеки, проведя холодными кончиками пальцев.

— *Пойми же, глупый, Влада не могла быть с тобой, а ты — с ней. Ваши жизни разведены свыше. Я лишь окончательно разорвала эту тонкую связь.*

Я просто пойду по той дороге и приду домой. Я не стану заглядывать в пропасть. Это непременно плохо кончится. Так всегда бывает, когда заглядываешь в пропасти. И все равно, какие: земные бездны или пропасти собственной души.

Медленно и чуть ломано, как первоклассник, рисующий первые линии в тетради, я сделала несколько шагов, ведущих к дому. Еле-еле переставляя ноги.

Пропасть...

Его лицо постепенно растает. Я забуду Амиля, как сон.

Пропасть...

Знать, что душа не умрет и все равно бояться смерти.

Разве забвенье — не есть смерть? Разве я — не мое прошлое, настоящее, не мои мечты и воспоминания? И все это будет стерто... ластиком вселенского равнодушия к одной ничтожной жизни.

Пропасть...

А что если заглянуть немного, одним глазком?

Пропасть, пропасть, пропасть!

— Какая я все-таки дура!

И повернула назад.

На правой руке наливается синевой большой кровоподтек. По лбу, кажется, тоже стекает кровь. И на стенах камеры кровь — того колдуна с широким мечом.

Амиль мгновенно замер, почувствовав у шеи острый кинжал с зазубренным лезвием.

Я приблизилась совсем близко. И заглянула.

Каменный свод темницы и человек. Это чувство обретения и потери, словно полет по крутому склону на бешеной скорости.

Сквозь туманную пелену реальности, за границами времени и пространства видеть лицо Амиля. Совсем близко. Сейчас он разобьется о ритуальный кинжал.

Капитан совсем не сопротивляется, не в силах отвести взгляд. Он не видит лезвие — только ее глаза. Ее и мои одновременно — я смотрю на мир раздвоенным зрением.

Кажется, сейчас нас хватится стража Горного королевства и станет поздно. Поздно? Для чего?

Амиль вдруг понял, что ему больше не убежать от смерти. Вот здесь и сейчас. Ну и пусть. Пускай это будет от рук той, что была когда-то Владой. Все лучше, чем от рук колдуна с мерзким колючим взглядом.

— Мне не жаль, Навь, — он попробовал улыбнуться. С трудом, но получилось. — Я не жалею, что встретил ее.

— Твоя ничтожная душонка немедля станет моей, а ты говоришь о какой-то девчонке!

На лице Королевы глаза, как две зеленые лягушки. Она стремительно теряла сходство с Владой, становясь жалкой пародией.

— Не тяни...

— Я окольцевала время, нам никто не помешает.

— И не спасет.

— И не спасет... — ее хохот потонул высоко в горах.

Я больше не оглядывалась назад. Лишившись на это права, когда заглянула за край.

Он там. И в любую минуту может умереть.

— Пусть, — я сглотнула горечь, — в следующий раз я появлюсь на свет букашкой, камнем, песчаной дорогой, ведущей на пляж, лишь бы никогда больше не любить. Упаси вариться в этом бреде.

Вздох. Шаг над пропастью.

Глаза Нави закатились. Острый кинжал выпал из ослабших рук. Амиль успел поймать ее у самой земли. Навалившись на него всем весом, потянула вниз за собой. Капитан упал на колени, прижимая к груди помертвевшую девушку.

Впервые за долгое время, она выглядела такой умиротворенной. Такой... прежней.

Он коснулся губами закрытых глаз. А плотина времени прорвалась, вновь побежав минутами. Их окружил горный народ. Еще недавно желавшие их смерти они молчали, устремив на них разношерстные взгляды. Осуждающие, колючие, недоверчивые, полные надежды.

Амиль прижался лбом к ее холодному лбу и закрыл глаза.

Мне в который раз снится один и тот же сон. Он неизбежен и мучителен. И оставляет послевкусие чего-то до боли желанного.

Серая стена падает на меня, стремительно становясь ближе. Или это я лечу ей на встречу? Потеря. Неизбежное прощание с любимым. Он прижимает меня к себе и зовет, а я не вижу его лица, не слышу.

Мне страшно ложиться спать.

Волосы подхвачены тонкой лентой. Локоны падают на лопатки и высокий лоб. Надменная осанка, выработанная годами тренировок, позволяет казаться выше. Я знаю целое множество маленьких церемоний, но мне ли не знать, как мало от них пользы.

Большая занавеска, сотканная из веток, все скрипит и скрипит. Протяжно, звучно — как музыкальный инструмент. Мне ведомо многое из того, что не зримо моему племени. Что придет война... что птицы другого племени снимут крылья за горсть зерна. Мне видимы десятки строк из книги мира.

И я боюсь спать — там меня подстерегает тот самый сон.

— Влада, — от мягкого вопрошающего голоса я очнулась. Оказывается, мне удалось немного забыться — сказалось постоянное недосыпание.

— Как... как ты меня позвала?

— Верди, — повторил уже совсем другой, знакомый голос сестры, — К тебе пришли, стучатся в двери, но ты еще можешь не открывать...

— Нет, Айль, и ты знаешь об этом, — я слышала хлопанье крыльев и возгласы женщин.

— Не хотела бы я быть на твоём месте.

Я подчеркнуто равнодушно взглянула на сестру.

— И не будешь. Это я тебе обещаю.

Цепкий взгляд служит ответом.

Один последний шаг отделяет от представителя небесного легиона. И вот я стою, сжимая засов в руке, а видение, заполнившее до отказа голову, все показывает сломанные крылья и багряные капли крови на земле.

Как надвигается чье-то лицо. Как небо становится ближе, обрушиваясь стеной...

— Верди, Вы должны понимать, что так не может продолжаться.

Я сорвала какой-то листок, выросший на проткнувшей мягкой древесный полог ветке.

— Пришли воплощать свое видение чужого мира в реальность, не смущаясь, любимыми путями?

Сквозь блики на шлеме пришельца я разглядела осуждение.

— Ну, зачем Вы так, Верди. Вы же умница...

— Ценность жизни не в том, сколько вдохов ты успел сделать, а в том сколько раз у тебя перехватило дыхание. Я скорее умру, чем расстанусь с крыльями.

— Тогда Вы умрете очень скоро. — Он встал и покачал головой. Высокая фигура в склизком костюме производила отталкивающее впечатление из-за излишней угловатости. А глаза утягивали в бездну равнодушной уверенности в своей правоте.

После ухода пришельца, я еще долго размышляла, сидя на толстой широкой ветви за пределами жилища, и болтая ногами.

Иногда ради выживания рода надо похоронить мечту, резко и безжалостно. Новые

цели... новая жизнь....

А нужна ли она такая вот... новая?

— Мне снится, как я падаю в бездну, без крыльев...

— Она притягивает тебя или страшит?

— Страшит... но я знаю, что другого выхода нет.

— Это лишь сон.

Я знаю, что однажды Он придет наяву.

— Мне пора! — я обняла подругу и вскочила на ноги.

— Неугомонная ты, Верди! Ох, навлечешь на себя беду.

Я ощутила теплые крылья за спиной и шагнула.

Корабль-цилиндр опустился на плоский холм среди синевы. Пилот вышел из капсулы и огляделся кругом.

— Как они так живут? — его спутник неожиданно оказался совсем рядом, за плечом.

— Они летают, как птицы.

— Долбанные птицы, — пассажир зло топнул по сизой почве ботинком и обернулся в ту сторону, где непроходимой стеной на них надвигался лес.

— Зачем Вам их крылья?

— Нам здесь не выжить без них.

— А местные?

— Лучшие приспособлены к этому миру, хоть и были когда-то землянами. Неизвестно, сколько их отдало душу, пока они мутировали.

— Это стало их домом, а нам будет могилой...

После ночного дождя все сверкало в крупных каплях и переливалось. На синих небесах мелькали быстрые тени. Ее племя. Что их всех ждет? Чужаки все нетерпеливее. Они спасают свои жизни, не задумываясь о чужих.

— Они знают, почему мы здесь?

— Нет, это не разглашалось.

Командир отошел от иллюминатора. Ответственность за колонию тяжким грузом опустилась на его плечи. Он победит крошечную кучку туземцев. И начнет все с начала. Он родился победителем.

— Что собой представляют эти их крылья?

— Защитное поле, единственное, что позволяет им летать, а нам поможет выжить.

— Но мы не можем просто забрать его... это... противоречит законам физики.

— Нет, — собеседник довольно улыбнулся, — они отдадут его сами.

— Побудь со мной! Побудь за секунду до пробуждения!

Но Он улыбнулся и грустно покачал головой.

— Я буду стараться! Просто нужно немного времени, вспомнить твое лицо.

— Мне пора...

— Не уходи! Каждый раз, как ты уходишь, я чувствую, что умираю...

Сон исчезает.

Как она и предполагала, соседнее племя продало крылья за продукты чужеземцев. Вопрос о продовольствии всегда был главным на совете, но отдать за них крылья...

— Мы проживем и без них, а пришельцы погибнут, — таким был ответ вождя, но Верди читала за маской участливости на лице — жадность. Они стояли друг напротив друга. Глаза в глаза. Он казался довольным жизнью, но у него больше не было крыльев, дарованных племени когда-то.

Зато кладовые ломились от провианта, да и чужаки обещали дать еще. Научить своим премудростям.

Но в племени, ни у кого больше не было крыльев...

Ей стало нечем дышать, грудью рванувшись навстречу небу, она взлетела. А они остались там, внизу, провожая ее завистливыми взглядами. Ведь никто из них больше не мог летать.

— *Как прошли первые испытания?*

— *Не совсем удачно, командир.*

— *Да? — Одна бровь на его лице дрогнула и поднялась выше. — В чем дело? Разве вы не выкупили у них крылья?*

— *Понимаете... это оказалось сложнее, чем мы думали. Их с полем связывает что-то иррациональное, не познанное нами.*

— *Так узнайте и состряпайте, наконец, это поле... крылья или что там у них есть. Мы не можем вечно жить на корабле, да и запас воздуха на исходе.*

— Вы пришли просить? Последний раз это звучало, как приказ и даже угроза. — Я постаралась вложить в голос максимум сарказма, но беспокойство грызло изнутри. Почему при взгляде на их корабль я ощущаю тревогу?

— Я мог бы рассказать о том, как в тесных кабинах звездного корабля заперты полсотни людей, обреченных на медленную и болезненную гибель. Как хочется им увидеть небо и вдохнуть воздух...

— Мой народ не препятствует их свободе.

— Не лукавьте, — мужчина хмуро покачал головой в шлеме. Желая привычным жестом дернуть самого себя за бороду, он поднял было руку, но опустил, — мы не сможем здесь выжить без вашего волшебного поля. Мы уже пробовали. И это закончилось донельзя печально.

— Но Вы здесь, передо мной. И, насколько мне известно, Вы и ваши люди купили крылья у соседнего племени, — я очень долгим, немигающим взглядом уставилась на собеседника, желая вывести его из равновесия.

Он поморщился и отвел глаза.

— Скафандров на всех не хватит. Покажите, как действуют крылья. Почему у нас

ничего не выходит, ведь по анатомии мы с вами не различимы.

— Вот и объясните это крыльям за вашей спиной. Может тогда они затрепещут.

— Что это? Бактерии? Силовое поле? Или вы рождаетесь с ними? Тогда отчего не все вы крылаты?

Я отвернулась, сложа руки на груди. Как статуя. Холодная каменная глыба с поникшими крыльями.

— А вы все счастливы на своей планете? Это не объект купли продажи. Это на уровне чувств. Вам не понять...

— Но мы должны понять! Иначе погибнем здесь. А среди ваших сородичей так много бескрылых и ничего, живут.

— Откуда вы знаете, что вас спасут крылья?

Я не видела его глаз, но отчего-то была уверена, что они забегали.

— У нас есть лаборатория... Мы можем и силой отнять крылья, но они действуют лишь с десяток минут. Мы можем купить их у вас, они гаснут после нескольких часов...

— Изъять или подкупить. А до иного пути вы не додумались.

— Поговорите с нашим командиром. О большем я Вас не прошу!

— Они не смогут обрести крылья... вот смеху-то... — сестра прыснула и вдруг рассмеялась в полный голос, звеня как колокольчик, — они даже не представляют, как все просто и в то же время не возможно.

Я не разделяла веселость сестры, мне было жаль этих людей, обреченных на гибель в тесном пространстве жестянки. Я решилась. Шагнув с теплого ствола дерева, расправила крылья.

Штурман ворвался в лабораторию, где командир наблюдал за ходом эксперимента. Лабораторная крыса за стеклом медленно раздувалась под десятком пытливых глаз.

— Организм аборигенов адаптировался за долгий период пребывания на планете, оттого-то они и могут обходиться без крыльев, но у нас нет на это времени, — профессор ссутулился над стеклянным кубом с алыми потеками на стенах.

— Нет времени... — так же отрешенно повторил командир.

— Верди — вождь первого племени, хочет говорить с Вами, командир! — выпалил в дверях штурман, едва отдышавшись от быстрого бега.

Корабль. Огромная чернеющая глыба, развалившаяся на камнях. Как выброшенное на берег морское чудище, медленно умирающее без привычной среды. Я с опаской дотронулась до исполинского металлического брюха, ощутив под пальцами холод. Захотелось расправить крылья и покинуть космического монстра, вернувшись в родное племя. Понадобилось значительное усилие воли, чтобы остаться.

Неожиданно одна стена корабля стала бледней. Растворившись, как рисунок на песке, омытый прибоем. На плато, шагнув сквозь появившийся проем, появился человек. Блики, легшие на шлем, мешали рассмотреть черты его лица, но вот он направился ко мне. Я невольно сделала пару шагов навстречу.

И остановилась, словно налетев на невидимую преграду.

Тёмно-карие глаза с рубиновым блеском смотрели внимательно до неприличия. Я прикусила губу, от неожиданного, острого чувства обретения. Сколько мы так стояли, сказать трудно. Я с трудом оторвала от него взгляд, словно глаза приклеились к его лицу, и их пришлось отскрести силой...

Захотелось подойти к незнакомцу ближе и прислушаться сквозь скафандр к ударам его

сердца.

— Когда видишь их на ком-то, они не производят должного эффекта, — наконец вымолвил командир, нарушив общее оцепенение.

В ответ я расправила крылья, демонстрируя их мощь и красоту. Сдувшиеся серые мешочки за моей спиной превратились в нежно-бирюзовое пламя, разрастающееся с каждой минутой и отростками язычков бившееся на ветру.

— Так вот они какие, крылья! — Промолвил он, не отрывая, однако, взора от ее лица. — А покажешь в деле?

Так и не поняв, что сыграло свою роль: усмешка ли, мелькнувшая в его глазах, или застарелая боль, шевельнувшаяся глубоко внутри сердца и до сих пор не имеющая названия, но нарушив первое правило племени, я нехотя кивнула.

Он шагнул ближе. Замерев на расстоянии вытянутой руки и отзеркаливая ее позу. Дыша в унисон. Сон повторялся наяву.

Крылья распускались за спиной девушки, подобно гигантскому цветку. Казалось, они одни реальность, а хрупкая фигура рассыпалась на частицы, как что-то малозначительное и тленное. Внезапно почувствовав страшную силу, он дернулся ей навстречу, попав в теплые объятия.

Они стояли нос к носу. Сквозь прозрачный пластик шлема ему были хорошо видны умиротворенно прикрытые глаза на отрешенном лице.

Губы ее приоткрылись, как для поцелуя, но она лишь прошептала:

— Ты не спас меня тогда, капитан, а обещал...

— Что?.. — ему показалось, что он ослышался. Эти слова, ее волшебные крылья и эта синяя планета — все казалось каким-то нереальным.

Она распахнула глаза, внимательно и жадно взглядевшись в него.

— Тебе хотелось полета? Ты его получишь.

Он был уже не уверен, что ему по-прежнему этого хочется. Но сотня людей в тесном корабле с ограниченным запасом кислорода хотела выжить на проклятой планете. На его плечи ложилась ответственность за них. Их надежда.

В следующий момент ему показалось, что его душу грубо вытряхнули из тела и поволокли вверх, в далекую синеву. Страх сменился забытым ощущением детского восторга и веселящей радости. Вокруг бился ветер, и командир ощущал его живые прикосновения сквозь скафандр.

— Узнай меня! — Шепнул ему на ухо ветер. Он щекотал ему затылок, ласково дул в губы и кружил в невиданном танце. Совсем рядом командир увидел Верди, ту самую инопланетянку, что обещала ему полет. Полет... да разве этого он ожидал? Разве мог предположить, даже в самых безумных фантазиях, что такое возможно?

Верди потянулась ему навстречу. Поцелуй стал страстной точкой в их полете. Их губы сблизились за секунду до взрыва... до экстаза.

Он вернулся обратно. В свое тело. В тесный скафандр.

— Ты преступила единый закон! — старшая птица племени первая нарушила тишину. Верди коснулась подбородком острой ключицы, склонив голову набок и с равнодушным опустошением слушая обвинения.

— Он даже не один из нас... — прошипела Айль, раздосадованная отсутствием раскаяния на лице сестры.

— Ты была первой, а станешь последней...

Тут Верди словно очнулась ото сна и умиротворенно покачала головой. Все замерли, надеясь втайне, что это нелепая, но всё же игра. Не преступление.

— Я не изменяла закону и помню его не хуже любой из вас: «Передай крылья тому, кого любишь и никогда тому, чье присутствие тебе равнодушно...».

— Как ты могла полюбить пришельца с другого мира за пару минут?

Верди мечтательно улыбнулась и пожала плечами.

— Просто я и не забывала. Он снился мне с детства.

— *Ниче себе аборигеночка? Да? — Кок сально усмехнулся. Командиру с небывалой страстностью захотелось всласть помахать кулаками, разукрасив красное лицо с обвисшим подбородком, но он сдержался. Это кок. Ему одному на корабле дозволена определенная колкость в словах. А его скабрёзности вошли в устные альманахи корабельной истории. Еще он, впрочем, великолепно готовит.*

— *У нее крылья, — он прикрыл глаза, вспоминая их мощь и красоту, — И она знает, как поделиться ими с кучкой обреченных в этой жестянке людей.*

Но когда он открыл глаза, перед ним стояло ее лицо. И глаза. И губы. И ее голос:

— *Узнай меня...*

Я присела на каменное надгробье, по ту сторону которого уходили умершие соплеменники. Там всегда стояла тишина, так необходимая мне сейчас. Белые кости и истлевшие тела. И они когда-то любили, страдали.

— Что лучше: ощущать боль или спать вечным сном? — голос мой охрип и заглох, отнятый ветром.

— Что лучше: летать или лежать, пригнувшись к земле, убаюканной ее песнями... — я закашляла и сдалась. Кости молчали. Они лежали, потонув в земле и зарастая травой. Люди прошлого, не имеющие настоящего.

Они долго смотрели мне вслед. И всегда будут стоять за спиной. Я не одна в этой безумной игре, в которой нет выбора, а только судьба.

— Надо поговорить!

Пришелец — командир корабля, из-за которого я чуть было ни лишилась крыльев, скатился с изогнутого синего ствола, плюхнувшись передо мной на колени.

— Не стоило так рисковать свернуть себе шею, мог бы просто попросить аудиенции, — как приятно смотреть на него сверху вниз.

— А я и просил, — мешковатый скафандр мешал ему встать, — но твои стражники, эти крылатые Серафимы, недвусмысленно дали понять, что не желают меня видеть. А также весь экипаж корабля.

— Даже так? — Ну и новости. Племя объединилось против вожака.

— Прощу тебя! — Он с трудом поднялся. Жалкий и неуклюжий.

— Ах, да. Поговорить. — Я расправила крылья, удивляясь собственной всколыхнувшейся внутри радости.

— *Что привело тебя и людей твоих сюда?*

Он на миг отвел глаза, собираясь соврать, но передумав, впился в нее взглядом, вспоминая, как они вдвоем взмывали в это небо.

— *Наказание. Отложенная казнь. В своем мире мы преступники. Смутьяны. Опальная кучка политических изменников. Нас могли попросту уничтожить, но помиловали, отправив в космическую ссылку. Мы пришвартовывались не к одной планете, однако шансы выжить появились лишь здесь. В этом мире. Но нам нужны крылья...*

Он с досадой покосился на хрупкие девичьи плечики. Такие худенькие. С острыми выпирающими ключицами.

— *На этой земле, — она повела плечами под его взглядом, — крылья не растут на моих людях просто так. Их надо... заслужить, — в ее взгляде отразилась тоска. — Так заслужи их!*

— *Расскажи мне все-все! О себе, о людях твоего племени, об этой синей планете. Самой синей из всех, что я видел. Ты знаешь, — без перехода продолжил он, — Я должен думать о своих людях, но... безумие какое-то... ты...*

— *Пожалуйста, помолчи... — девушка с необыкновенными синими глазами обняла его, проникая сквозь скафандр, сквозь само тело теплыми крыльями, загоразживая ими весь мир, — и я подарю тебе крылья!*

— Он тебя заморочил! Оплел лживой паутиной! — Айль картинно заломила руки, вперив в меня жесткий взгляд. — Разве ты забыла пророчество?

— Человек из другого мира погубит стаю... как видишь, нет.

— Что ты в нем нашла? — спокойней продолжила сестра. — Неужели тебя не волнует, что скажут о твоих глупостях вожди других племен?

— Ты летала когда-нибудь вдвоем?

— Ты знаешь, что я подарила крылья Свару, воину племени Сизых Птиц.

— И что ты чувствовала, в тот момент, когда твое нутро, все, что и есть ты, вытряхнулось из тела, влетая с размаху в чужую душу? Сминаясь, как пластичная грязь в сезон дождей... сплетаясь... вминаясь в сознание другого человека?

Сестра отшатнулась, в ужасе уставившись на меня. Словно я упала, потеряв разум и крылья.

— Это было совсем не так!

— Да? — я усмехнулась в лицо растерянной сестре, — а как?

— Красиво, — она успела прийти в себя и говорила высокомерно, сложив руки на точеной груди, — возвышенно, сливаясь в гармонию!

— Нет. Все было куда низменной, телеснее. До боли в сердце и спазма страха, берущего за горло. Тебя выворачивало наизнанку чувствами и трепало чужими мыслями...

— Довольно! Наслаждайся своими крыльями в последний раз! Скоро твои полеты закончатся.

— С какой стати? — Смех задрожал в воздухе, вырвавшись наружу через все преграды. Через страх и неуверенность.

— А ты расскажи ему, — почти ласково произнесла Айль, особенно налегая на слово «расскажи», — кто ты такая. То есть я хочу сказать — кто ты есть на самом деле! Покажи истинный облик!

— Ты не посмеешь...

— Потому что если это будешь не ты, мне придется сделать все за тебя.

— *Производство кислорода остановится через две недели. Ты слышишь — нам осталось жить две недели!* — *Боцман, правая рука и старый друг сжал кулаки, яростно бормоча проклятья.*

— *Я стараюсь наладить контакт с аборигенкой, вождем племени. Обладательницей самых великолепных проклятых крыльев из всех, что я видел.*

— *Я вижу твои глаза. Это же глаза щенка! Жалкой псины, почуявшей скорый конец.* — *Боцман тяжело опустился в кресло пилота, сжав виски руками.* — *Прости... это все страх. Мы выбрали не ту планету. Не тот путь и не ту казнь. Да лучше бы нас посадили пожизненно.*

— *Ты забыл добавить — и не ту религию. Лучше подохнуть на свободе, чем по крупицам терять себя в клетке.*

— *Расскажи, какие они — крылья? Она показала, как ими пользоваться?*

Пользоваться? Командир усмехнулся про себя. Можно пользоваться кофеваркой или электронными картами созвездий, а это... иное. Это как заниматься любовью...

Любовью...

Так вот оно что такое.

При виде пришельца, ей хотелось исчезнуть. И каждый раз она не могла двинуться с места. Ну почему она все ходит и ходит к проклятому кораблю, ища случайной встречи.

— *Скажи мне, что происходит, когда раскрываешь эти крылья?*

— *Я становлюсь необычайно огромной, сопричастной всему миру и одновременно*

самой ничтожной песчинкой в нем. Противоречивые ощущения. Тебе знакомо это чувство?

— Словно меня вывернули и швырнули вверх неведомые силы? Да, знакомо. — Он пожал плечами.

— Что ты хочешь от меня? Крыльев для своего племени? Они не продаются и не покупаются. Они обретаются...

— В экстазе?

Тут она не выдержала и истерично всхлинула, давась рвущимся наружу смехом сквозь слезы.

— В истинном чувстве. Ты не можешь полюбить просто потому, что так нужно твоей команде. И они все... тоже. Да вы обречены! Обречены! — Верди не выдержала и разревелась в ладони.

Он неловко прижал ее к своему плечу. Скафандр мешал коснуться нежной линии шеи и впадинки под ключицей.

— Если я обречен, то желаю умереть как вольная птица. Подари мне еще один полет...

В этот раз они дошли до края и заглянули туда вдвоем. На какой-то отрезок времени он перестал существовать как отдельная личность и слился с хрупкой и желанной маленькой птичкой. Верди...

Отчаянная, жаждущая, она несла острое ощущение обретение чего-то самого важного, что случилось в его жизни. Самого себя.

А затем грубый и болезненный возврат в исходную точку. Синяя пыль под ногами. Синее небо над запрокинутой головой с напыленным глупым шлемом.

И очнувшееся ото сна сердце.

На земле их уже ждали. Молчаливые птицы из племени Верди выстроились осуждающим кругом.

— И что мы видим... — укоризненный наклон головы, свистящий шепот недовольства со всех сторон.

— Мне кажется, вы это видите довольно часто...

— Но тут особый случай, — Айль с гримаской недоумения оглядела пришельца, задержавшись на его шлеме, — ты исполняешь танец с человеком другого мира, который даже не испытывает к тебе чувств.

— А это ничего не значит, — Верди отчаянно улыбнулась, стремясь убедить всех в собственной правоте.

Птицы не особо поверили, хотя задумчиво покивали в ответ.

— О чем вы говорите? Там в корабле, — капитан кивнул в сторону «Космического дома», — умирают люди! Разве не это важно?

— Мы не можем им помочь. Жалкие птицы соседнего племени уже продали им свои крылья, — девица с льдистым взглядом и властным голосом даже не посмотрела в его сторону, обращаясь к Верди, — теперь продалась и ты. Но их хоть можно понять, — ее голос, неожиданно звонкий и сильный, вызвал в нем смятение, близкое к страху. Он привык доверять интуиции, и отступил на шаг.

— Их урожай погиб во время танца земли, их дети просили есть... А ты? Ради чего отдавалась ты? Ради одного полета с пришельцем, который даже не смог оценить всей жертвы? Крылья твои погаснут... все кончено, — птица с заостренным личиком и звонким голосом, неожиданно сорвавшись в хрипе, бросила полный злобы взгляд на командира. Молчаливо обвиняя его в неизвестных ему грехах.

— Крылья твои погаснут... о чем это она? — смутился последний.

Верди коснулась подбородком сложенных чашечкой рук, не смея поднять глаза.

— Ты так и не вышел из своего физического тела мне навстречу. Я протянула руку в пустоту... — ее губы дернулись в жалкой полуулыбке, скрытой ладонями, — сожгла свои крылья в тебе...

— Я думал, это просто красиво... танец в небе...

— Мы танцуем только с теми, кого любим...

— Ты меня любишь? — изумился капитан. В тот миг толпа равнодушных лиц из племени птиц перестала существовать.

— Да. Как бы ты не называл себя. И сколько бы мы не прожили жизнью — я всегда буду ощущать это внутри себя, связанная с тобой нитью. Нитью, что разорвала

собственной рукой...

— Меня зовут Эрель.

— Не важно. Мы все равно не перестанем чувствовать друг друга.

Птицы занервничали. Их равнодушие сменилось смутным беспокойством. Они кожей натянутых крыльев ощущали невидимые тонкие нити, связывающие двух созданий из разных миров все туже.

Почувствовав, что скоро благосклонность племени перетянется на сторону вождя, Айль прошептала крепкое проклятье. Она родилась, чтобы стать вождем. И большие никто ей не помешает.

— Эрель, ты хотел спасти свое племя...

Капитан повернулся к птице. Слова ее были способны заморозить листву на дереве.

— Что ты можешь мне предложить?

— Твоя жизнь в обмен на их.

— Нет! — Верди выступила вперед, распахивая с каждым шагом крылья все шире. — Что же вы стоите, равнодушные, как эти деревья? Пустые, как эти камни? Вы же мое племя!

— Стой, Верди! Я хочу знать, как спасти моих людей.

— Мы попробуем изменить их физическое тело. Сделать крылатой плоть. Однажды у нас уже получилось такое с людьми. С теми поселенцами, что прилетели столетие назад на нашу планету.

— На вашу планету? — Командиру захотелось вдохнуть глубже, но мешал проклятый шлем. Мысль, бродившая где-то на краю сознания, сформировалась. — Верди, она говорит правду? Вы не потомки землян?

Качание головы. Как маятник: вправо-влево. Проклятый скафандр налился вдруг тяжестью. А сам себе Эрель показался чужим и лишним среди этой толпы молчаливо взиравших пришельцев. Не людей. Какая ошибка... она может стоить многих жизней.

— Мы Сильфы обладаем способностью менять облик. Свой и других существ. Но это дается не просто. Кто-то платит немалую цену. Приняв, однажды, людей в свое общество, Сильфы позволили им слиться с собой. Очистили и возвысили их разум.

Для этого нужна боль. Много физической боли... Ее колебания в пространстве помогают менять чужую форму.

— Моя... боль? — колени совсем ослабли. По спине потекли липкие ручейки пота.

Я должна была солгать. Обмануть. Уговорить. Все, что угодно, но не участвовать в сговоре против Него.

Его команда: друзья и единомышленники умрут. Он ей этого не простит... никогда.

Я с трудом кивнула.

— Что если... мне заменить его, — я запнулась и умолкла. Все стало ясно без слов.

— Нет. Ты ведь не ЧЕЛОВЕК.

Птицы по-быстрому сложили костер. Обступили замершее в скафандре тело.

— Прости мое племя!.. Прости меня, — он видел ее глаза, и минуту назад проклинавший этот мир, сумел понять.

В шоковом болевом состоянии, он вспомнил все. За две минуты. Вспомнил и осознал ироничность казни.

— ... мы встретимся. Это не закончится. Уходи... прежде чем... — он облизнул запекшиеся губы и застонал. Птицы обступили теснее.

— Мы не будем вместе, обреченные ходить по кругу. Умирая и не спасая друг друга раз за разом, — она разрыдалась, вздохнув, размазывая слезы по щекам и шмыгая носом, — прости-прости-прости... это я во всем виновата — это я нас прокляла...

— ... не думай, — для нее он сдерживался из последних сил, — уведите ее... что ж вы... дьявол всех побори...

Верди давно увел, оглушенную и ослепленную в своей горе. А равнодушные птицы, стоя полукругом, смотрели, как сгорает человек. Они ткали сеть, окутывая ею пришельцев и меняя их облик.

Он пребольно упал на все четыре лапы. Мелкий щибень впился в подушечки, когти царапнули камни покрупнее. Голова мотнулась туда-сюда, норовя упасть на мохнатую грудь. Прыжок — он перепрыгнул через овраг и прибавил ходу. Как будто это могло помочь ему выжить. Не сойти с ума. Дойти до своей заветной...

Каждый встречный преспокойно мог воткнуть в него нож. Воткнуть и провернуть лишь за то, что он "не такой".

Подвернутая в азарте бега лапа, дала о себе знать. Большое тело перевернулось, распластавшись на траве. Он ткнулся в нежную поросль носом и глубоко втянул запах. Если ему суждено погибнуть, последнее, что он запомнит: мягкую траву и собственно прерывистое дыхание.

Услышать бы ее голос в голове, хоть одно словечко... это всегда помогало. Прежде.

Она вобрала в себя все краски, что встретила по дороге. Собрала, как осколки магического зеркала. Окутала себя ими прежде, чем превратиться в тень.

... вообразить себя туманной дымкой... легким облачком... невесомым маревом над водой...

— Вилия, Вилия... — кто-то настойчиво повторял имя. Сбивая ее с тончайших нитей.

— Вилия, да куда же запропастилась эта проклятая девчонка! Иди и ищи ее! Где только носит...

Вкус неба такой... холодный... щекочущий...

— Ви, лучше б тебе появиться передо мной!

Девочка возникла, словно из неоткуда. Отстукивая мелодию босыми пятками, она побежала к дому, пронырнув под ногами старой женщины.

Объект исследований — один из людей — возник прямо перед его лицом.

— А ты говорил, чтодохлый! Ан нет — жив пока.

Он, не поднимая век, чувствовал, что на него смотрят. Вскоре к одной паре глаз, присоединилась вторая.

— Чудной какой... серебристый.

Мир вокруг был как будто узнаваемый, но что-то пошло чуть-чуть не так. А потом пришло ощущение потери. Он вновь попал не туда... пора бы привыкнуть к поражению. И эти люди кругом... он должен был попасть к теням.

Стиль мира приближался к символизму. Грубые лица и домотканые одежды. Чистые и тонкие контуры цветов, изгибы ветвей, нежный оттенок желтоватого неба подчеркивали топорные фигуры людей. И этот невыразимо красивый цвет солнца, теплый, алый, возможно последнее, что он увидит.

Странные мужчины и женщины несли к нему камни. Ожесточенные под этой тяжестью, они обливались потом, но закидывали огромного серебристого монстра посмертными валунами. Во избежание его оживления... Серые люди под серой ношей. Трясущиеся в страхе души. Сущие тени. Может он не ошибся миром?

Когда огромное тело поглотила каменная волна, последний человек бросил некрупный камешек и поспешил убраться с поляны. Всем известно, что в этих местах и днем то опасно — чего уж там говорить про ночь.

Но, кажется, все эти камни только и ждали, когда стихнут в дали последние шаги.

Пирамида начала медленно рушиться. И вот из-под валуна показалась человеческая рука. Припорошенная каменной пылью. Сжалась в кулак.

Девочка сосредоточенно создавала бабочек. Синие крылья, такого же безмятежно-синего оттенка, как ее собственные глаза, маленькие подвижные усики. Крошечные черные бусины-зрачки.

— Хватит... — окрик резкий, как удар по лицу. Вилия медленно повернулась к вошедшему. Отец.

— Я не желаю, чтоб ты расходовала свою силу на всякую ерунду. Твоя наставница жалуется, что ты исчезаешь, не желая заниматься.

Отец говорил и говорил, но Ви смотрела на его ноги, не поднимая головы. Он держался на расстоянии. Тоже боится, как и все они.

— Вилия, ты выходишь из-под контроля. Мне не хотелось этого делать, а все же...

— Я не одна из них и не хочу уходить к ним.

— Здесь ты ничему не научишься... дочь, — она вздрогнула. Давно он не называл ее так. Ви прислушалась к себе. К неслышному шагу времени, когда она была чей то дочерью.

— Они не так страшны, как о НИХ говорят. Ты знаешь темную челядь. У тех все, что за гранью понимания — вызывает отвращение.

Он говорил еще и еще, пока не заметил, что глаза девочки пусты, обращенные вовнутрь. На следующий день она отпустила в небо любимого крылатого зверька и собрала вещи.

Его уже не первый раз за день посещала чудная мысль: словно душа ее не живая, и не мертвая.

— Если ты здесь, я найду тебя, — он сплюнул на землю и, пошатываясь, побрел прочь от каменного захоронения, — Все остальное — не важно.

Если ты только тут, живая...

— Ты живая...

Девочка замерла, собрав всю волю, чтобы не разреветься по-детски, навзрыд.

— Живые не могут ступить на нашу землю. Прежде мы должны убить тебя.

Личико ее побелело. Потерянная, она застыла под сумрачными взглядами, обнимая себя за худые плечи.

— Не бойся... — нежно прошелестела тень, — тебе не будет больно. А потом ты станешь одной из нас.

Тени влезли в ее голову, сердце, пробежали кровью изнутри от кончиков пальцев до короткостриженных волос на голове. Они убивали по крошечной части ее души. Ушли из предметов краски. Небо скукожилось над головой, погас свет вокруг. Вообще — весь свет. Даже самый тончайший полумрак и тот исчез.

Зато тени прорезались все явственнее. Чеканные кривые профили в пространстве без света и смысла.

— Они все боялись тебя?

— Да...

— Ты можешь убить одним прикосновением руки, им было чего бояться.

— Я бы никогда так не поступила!

— Они не могут противиться своему страху. Люди. Цепляются за жизнь, за жалкие крохи, что она им дает. И не ведают, что на самом деле они — созерцатели. Существа, заключенные в собственные стены ограничений. Не бойся терять плоть — ты ведь обретаешь нечто более важное. Саму себя.

Он начал привыкать к этому телу и этому миру. Зачерпнув сомкнутыми ладонями воды, всмотрелся в ручей, с детским любопытством осмысливая собственное лицо.

Молодой... не слишком юн, но, безусловно, в полном расцвете. Грубоватые черты, как и у тех, что закидывали его камнями. Лицо крестьянина.

Оказывается, быть тенью надо учиться. Жить без красок, запахов и звучаний в мире линий и беззвучных голосов. В мире, где нет движения и смысла. Она перестанет быть Вилией, девочкой с необыкновенным даром, и обратится в одну из теней. А пока она до сих пор думает о солнце... теплом желтом диске, что светил когда-то над головой.

— Ты не становишься тенью.

— Я тень.

— Ты никогда не была ей полностью. В тебе безмерно много от человека.

— Я тень... — упрямо повторила Ви.

— Наш мир — бесцветные остановленные мгновения... эхо Вселенной... мы могущественнее людей, но связаны с ними тончайшими нитями. Ты осталась на этой нити.

— Делайте, что хотите раз я не тень и не человек. Я всегда была кем-то еще... изгоем.

— Ты была оружием, которое должно было защитить людей, но они испугались его силы. Не твои ли люди приговорили тебя к сожжению?

— Что мне до людей... их бед и смертей. Я чужая им.

— Ты не стала тенью... и нас тянешь на свет.

Закрывшись воспоминаниями, Вилия представила себе голубой цвет неба, белые плывущие облака и теплый солнечный свет. Память не желала воскрешать цвета и норовила увести куда-то в сторону, но девочка упорно вспоминала. Голубой цвет... какой он... прохладный... с запахом мяты и криками чаек.

Белый... холодный, как камешек, выуженный из реки... струящийся и чистый.

Желтый... таящий сладостью на языке. Теплый и взлохмаченный, едва вылупившийся птенец.

Однажды картинка, нарисованная девочкой, ожила. Заискрилась небом, поплыла облаками и заблестала светом.

Ви шагнула туда, чтобы пропасть из мира теней навсегда. Не тень и не человек.

Вытерев выступивший солеными каплями пот и отряхнув рубаху, он с трудом повернул шею на звук.

— *Работничек... эй! Да ты... Нам твоя помощь больше не требуется.*

Шея болела, но в целом он чувствовал себя средне паршиво. По крайней мере, здесь неплохо кормили. Жаль, и отсюда придется уходить.

— *Мы там тебе в дорогу кой чего положили, — поймав на лету узелок, он уловил запах сыра и хлеба, — можешь остаться ночевать, но к обеду — чтоб не было. Извиняй, если что... работник ты хороший, но слухи нам не к чему. Деревня у нас маленькая, сам видишь, — крестьянин развел две руки чуть-чуть, что должно было означать двенадцать домов со скотом и еще с десяток полуразвалившихся хижин.*

— *Прощай, Эмир... не поминай, как говорится, что зря...*

В голове у него потемнело... чистый мелодичный звон перетек в скребецущий, подвывающий звук. Он ухватился за голову, успев заметить испуганное лицо крестьянина, прежде чем тот ушел, хлопнув ветхой дверью сеновала. Вой в голове стих так же резко, как и начался. И пришли слова:

«Они хотят принести меня в жертву. Что я сделала всем этим людям, что они так поступают со мной?».

Принести в жертву...

Что-то ему не нравилось во всей этой истории.

Он слушал. Везде, где собирались люди. Ему надо было узнать — устраивают ли где-то зрелищные жертвоприношения в честь своих кровожадных богов. Трактиры, ярмарки, даже дворовые драки — все шло в ход.

Сам Эмир направлялся в большой город — Санжан. Звучало, как музыка, но он не ждал ничего хорошего. Этот мир, слишком юный и варварски грубый, был ему не по нраву. Впрочем — как и его обитатели. Да еще по дороге в одной из глухих деревень к нему прибилось двое детей...

... они сидели на обозе, спеленатые пеньковой веревкой, больно врезавшейся в кожу, а взрослые длиннородые дядьки готовили самодельную виселицу. Мальчишка жалобно плакал, большие капли текли по чумазому лицу, падая на порванную рубаху серыми потеками. Девочка не могла даже пошевелиться, но даже отсюда Эмир разглядел, как недобро блестели ее глаза. Разве могли двое детей противостоять целой толпе и, вздохнув, он шагнул вперед.

— За что вешаете малолеток?

Крестьяне не совсем поняли вопрос, но уловили суть.

— Так, то ворюшки... мальчишка пойман на месте преступления, а вторая — сестра его, грозилась сжечь всю нашу деревню. Тьфу, — чернородый скривился и сплюнул, — дьявольское отродье. Подвесим, и мир станет чище.

— Погоди... — он вздохнул про себя, мысленно подсчитывая куцые сбережения, — а если я заплачу за них?

— Да на кой тебе эти дьяволята... хоть дело твое. Две монеты чеканки Светлого Повелителя с тебя.

Две монеты, когда у него всего четыре... Кровью и потом выигранных в жесткой кулачной драке — непозволительная трата. Эмир вспомнил тот чертовски грязный городишка, где останавливался с неделю назад. Невольно дотронулся ноющего до сих пор ребра.

— Лови... — два сиреневых кружочка блеснули на солнце и упали в дорожную пыль, прямо у ног чернородого.

Детей нехотя освободили. Уже уходя с незнакомцем, девочка обернулась, увидев то, что не заметил спаситель — как недобро смотрели им вслед крестьяне.

... и на кой мне эти дети. Ну, подвесили бы — так сами и виноваты. Эмир украдкой разглядывал новообретенных попутчиков. Мальчишка молчал всю дорогу, пока Эмир не предположил, что он немой. Девчонка отвечала односложно и неохотно, искоса поглядывая синими глазницами. В них одних, казалось, сконцентрировались все краски, поскольку в остальном облик ее был бесцветным. Сероватые волосы до плеч и прозрачная кожа. Фигурка худосочная и вся какая-то удлиненная, как у куклы.

— Как зовут то?

— Тонкой меня кличут, — насупилась девочка.

— А брата твоего?

— Да нету у него имени. Глухонемой он, все едино не откликается.

— А как ты с ним общаешься? — Эмир успел отметить, что мальчик находился в постоянной близости от сестры. Но стоило ей вскинуть на него сапфировые глаза, как кидался выполнять ее поручения.

— А картинками...

— Мысленно? — удивился Эмир.

— Я ему — отыщи покушать и образ хлеба, а он, балда, в чужой дом полез...

— Так, где ж он его возьмет то без монет. А вам куда надо... Сам я далеко иду.

— И куда путь держишь?

— В столицу.

— А... Санжан — город царицы Эдики, — распевно произнесла девочка и вдруг кривенько усмехнулась, как оскалившийся волчонок, не-е... нам туда не надо. Мы хотели к океану пробираться. На корабли поглазеть.

— Так это на юг, — Эмир с трудом подавил вздох облегчения, не придется идти с ними до самой столицы, — у заставы, стало быть, разойдемся.

— Ага, — согласилась девчонка и погладила брата по спутанным волосам, — неплохо бы помыться по пути. Тут река недалеко.

Рекой назывался узенький заболоченный ручеек, местами гложущий до мутноватых луж. Лишь раз он разлился в полную силушку, в низине у края леса. Там и остановились на привал.

Эмир ушел собирать хворост для костра.

— Я иду первой, — девочка кивнула брату, говоря вслух по привычке, хоть слов он все равно не понимал, — а ты пригляди за нашим барахлом... мало ли что.

Вода, теплая, хоть и затхлая, ласкала кожу. Девочка вспенила волосы куском заскорузлого обмылка и погрузилась целиком в воду. По заболоченной реке поплыли серые хлопья пены. Впервые за прошедшие дни, можно мечтать и жить мгновением, не омраченным тревогами. Она раскинула руки в сторону и откинулась спиной на воду.

Уютная тишь и умиротворение, ворвавшиеся в каждую клеточку ее тела, бесцеремонно прервались страшной картинкой. Взрывом ярких красок в мозгу.

Они наступали с вилами и оружием. Плохо дело. Пришлось выпрыгнуть из воды и, в чем была, нестись навстречу обозленной толпе. Где-то там ее спаситель. Единственный человек, пришедший ей на помощь в этом мире. Не испугавшийся.

И это стадо готово растерзать его.

Эмир не знал чему удивляться больше: молчаливой толпе крестьян, стоящей ему наперерез и оцетиненной острыми инструментами или прекрасному видению тонконогой, как олененок, девочки, по чьим розовым грудкам стекала вода.

Оценив обстановку, он начал неловкий разворот туловищем к злобно настроенной ватаге неприветливых лиц, когда прозвучали окрики:

— Стоять!

— Девку вздернем, а молодца просто поколотим, так чтоб полз отсюда подобру...

Гул одобрения пронесся в крестьянских рядах. Поодиночке, люди хоть и темные, но не жестокие, они были не опасны. Теперь же, вымотанные тяжелой работой в поле и лишённые последнего развлечения, рассерженные вмешательством странного незнакомца, чуждого их укладу, они представляли угрозу. Эмир прикинул, сколько сможет уложить, не нарушая естественного облика. А если придется... он готов стать и зверем.

Но этого не понадобилось.

На минуту ему показалось, что он ослеп, такая тьма воцарилась кругом. Он плыл в этой темноте, точно глубинная рыбка, никогда не видевшая света. Плыл сам не ведая куда и откуда. Забыв, кто он есть...

Пришел в себя от сильных шлепков по щекам. Кожу обожгло от осязаемых ударов. Глаза нехотя открылись. Первое, что увидел — ее лицо, склонившееся над ним. Он силился приподнять голову и оглядеться.

— Лежи, — отчего то шепотом произнесла Тонкая, — нету никого.

— Что случилось, — хотел выговорить Эмир, а получилось неразборчивое шипение, но девочка поняла и пожала плечами. Тонкое полотенце, наспех наброшенное на тело, не особенно что скрывало, и Эмир поспешно отвел глаза.

Девчонка... дьявол ее побери. Захотелось сплюнуть горечь, накопившуюся во рту.

— Они... передумали и ушли.

Он ясно видел, что она лжет, но на данном этапе выяснять правду не было ни сил ни желания.

— А мальчишка...

— У реки остался, пожитки сторожит.

Эмир пошевелился, силясь подняться. Тело нехотя становилось послушным, хоть ощущение одеревенения прошло не скоро.

Застава через два дня. И они разойдутся в разные стороны. Скорей бы. Эмир внезапно осознал, что опасается не за спутницу, а саму спутницу.

Неожиданно из голубого чистого неба хлынул холодный дождик. Струи дробью зашлепали по земле, заливаясь за шиворот путникам.

— Не-е ...второй раз за день купаться — это уж слишком, — девочка отряхнулась, как мокрый щенок и, наспех одевшись, побежала к широкому дереву с могучей кроной, загородившей полнеба. Следом поспешил и брат.

— Если гроза — под деревом нельзя стоять, — со знанием дела вымолвил Эмир первую банальность, пришедшую в голову, чтобы не смотреть, молча, в эти продрогшие глаза.

— А так грозы нету... — выдохнула Тонкая и отжала волосы. Вся она дрожала от холода, и Эмир протянул ей со вздохом свою коротайку. Ледяной ветер тут же забрался

под рубашку, холодя кожу.

— Вечереет...

— Да, — согласился Эмир, прикидывая про себя, где бы заночевать.

— Тут недалеко брошенная деревенька, ежели не побоишься...

— Чего?

— Да болезнь там была — всех выкосила.

— Давно была то?

— Лун пять скоро будет.

— Будем считать, что время карантина прошло.

— Чего-чего?

— Я говорю, здесь мы скорее заболеем. Показывай деревеньку свою.

Шли долго. Эмир успел совсем окоченеть. Делая следующий шаг, в очередной раз подумал: и зачем ему все это... девчонка с малолетним братом... тянет время, а Она быть может уже... в жертву Ее приносят...

Нет — силой воли отодвинул черные мысли — хорошо все будет, а как иначе? Столько раз терял...

Но не в этот раз. Так просто не отдаст!

И плевать, что бредет непонятно куда. Найдет, непременно найдет! И вот тогда разорвется замкнутый круг потерь.

Эмир поправил заплечный мешок — порядком полегчавший за несколько дней пути — и тут увидел крышу полуразвалившейся постройки.

Пришли, наконец.

Всю ночь он порывался согреться. Очаг не желал загораться, одеяла — становиться сухими, а ветер — перестать лезть из щелей и летать по дому, вороша пыль.

Когда Эмир совсем отчаялся, почувствовал под боком горячее тело. Девчонка...

Мальчика не было видно. Эмир осторожно толкнул ее. Синие глаза распахнулись.

— Ты чего? Рано еще.

— А брат где?

— Ушел до рассвета — ягод искать. Да ты за него не бойся — не замерзнет, привычный он к холоду.

— Что же ты, за него совсем не боишься?

— Брат хоть и глух от природы, но ею не обижен. Любит она его, бережет.

Синие глаза, самого холодного оттенка северного неба, смотрели сквозь. Так смотрят на солнце сквозь кубок из хрусталя. Ему захотелось сказать что-нибудь грубое, растормошить это бесцветное создание со взглядом старухи.

— Что будешь делать в порту? — Неожиданное смущение придало ему злости. — Сядешь на корабль в поисках лучшей доли?

Синие глаза остановились на нем.

— Лучшей доли... земля большая. Может, и для меня найдется.

Полдня они шли маленькой процессией и молчали. Непонятная тяжесть давила на сердце. Что-то зудело внутри, словно место укуса.

На ветках деревьев висели клочья тумана. Возможно, где-то в мире и светило солнце, но им достался сырой воздух и зловещая тишина. Тепло опаздывало, позволяя холоду отвоевать один из летних дней.

Туман и послужил всему причиной. Под его завесой их окружил отряд всадников

местного князька.

— И грамоты, стало быть, тоже не имеете?

Эмир в сердцах выругался.

— Мы пройдем себе мимо потихоньку куда шли...

Из потайного кармана была извлечена сиреневая монетка. Эмир ловко подбросил ее в воздух и поймал, зажав в кулаке. Стражник нехотя проследил полет.

— Вы трое — идете за мной. По собственной воле али на аркане.

Можно было принять облик зверя. Четверо всадников для него мелочи, но не хотелось вызывать слухов. Изувеченные тела — весть о жестоком звере быстро разойдется по округе. И в любой момент может подъехать другой отряд. Новые жертвы...

Как наяву он увидел искореженные тела. Эмир почувствовал кислый привкус во рту, так явственно, словно уже напился чужой крови. Душа зверя дала о себе знать. Тварь с чувством сострадания.

Он сдержался. Приободряюще кивнул девчонке. Тонкая держала за руку брата и настороженно разглядывала стражу. Словно тоже прикидывала что-то свое...

Постройка была ветхая, обстрелянная и местами даже обвалившаяся, что выдавало в князе захватчика из других земель.

И плевать на этих с мечами, надо было обращаться зверем, — запоздало решил Эмир. Захватчик — он любое злодеяние вытворит. Ни перед чем не остановится. Ему что — снялся и уехал с дружиной.

А девочку жалко. И братца малолетнего.

Посреди разрушенного двора прачка стирала белье. Толстая баба гнала стайку оципаных, чтоб не улетали, птиц. Но они все равно поглядывали в небо и жалко курлыкали. Эмир ощутил свое сходство с этими плененными на жаркое недоптицами.

Князь встретил неласково.

— Бродяжничество в наших местах запрещено законом.

— А мы не бродяги — мы добропорядочные путники. — Тонкая презрительно сощурила глаза, встав в любимой позе со сложенными на груди руками.

— Держим путь к океану, — вовремя ввернул Эмир.

— Все так говорят, — пожевал губами князек. Длинный и тощий, он совсем не походил на своих ширококостных воинов с плоскими лицами.

— А оглянуться не успеешь — то животину упрут, то пришибут кого-то.

— Да мы сегодня покинули ваши владения, если б нас не задержали, — рассердилась девочка.

Князь перевел мутный взгляд на нее и улыбнулся. Что-то похолодело у Эмира внутри от этой улыбки.

— Девку, пацана и этого — в каменный мешок.

Мальчик сел на каменный пол, обхватив себя руками, и почти сразу тихонько засопел.

— Уснул, — удивился Эмир, — Не замерзнет?

— Да оставь его — прошипела Тонкая, — пусть отдохнет уже...

Она вскочила с маленькой скамеечки и провела рукой по стене.

— Где то тут камень, — задумчиво куснув себя за кончик пальца, она повернулась к окну, — крепень, да?

Эмир закрыл глаза, решив последовать за мальчиком. Уже засыпая, он слышал, бормотание девочки.

— Крепень... да... чертов камень.

Их вывели в дворик за замком. Высокие стены. Кусочек блеклого неба. Каменные ступени и вытопанная, почти до каменного состояния, земля. Сколько ног прошло по ней. Эмир обреченно вздохнул. Придется превращаться в зверя.

Прямо посереде двора высилась деревянная колода, вся иссеченная лезвием топора.

Крестьяне. Довольные, как на ярмарке. Ишь, выстроились. Сияют.

— Чбанорезка... — протянул сопливый мальчонка в первом ряду. И оцетинился щербатым ртом.

Пора — сам себе сказал Эмир и приготовился оборотиться в звериную сущность. Пропасть, как человек и вынырнуть алчной до крови тварью.

Он до боли напряг связанные ремнем руки. Жара. Выцветшее небо. Крестьяне, жадные до зрелища. Ничего не изменилось.

— Да уймись ты... — шепнула стоящая рядом девчонка. — Поздно уж. Кто знал, что под ихним дворцом крепень заложен. Хитрые гаденыши.

— О чем ты?

— А то не знаешь, — синие глаза смотрели грустно. Усталость клонила закрыться дрогнувшие ресницы.

— Крепень блокирует обратную силу. Впрочем, как и ведьмовство. Только дорогуций он — камень этот. Его пылинками продают... А камешек то немаленький... отсель достали стока...

Говор девчонки вновь стал несвязным, перемеженным просторечными словечками. А Эмиль застыл, сраженный ее речью.

— Значит мне не стать...

— Дичарой? Да.

— Волком, — поправил изумленный Эмиль, — мне не стать волком.

— Тише там. Языками трепать не положено. После наговоритесь всласть. Коль будет чем — довольно захохотал стражник. Остальные подхватили шутку.

Эмир кило улыбнулся. И прошептал совсем тихо.

— Прости...

Тонкая вскинула удивленные глазищи и так же тихо ответила:

— И ты прости. Я не знала, что так получится... камень этот...

— Братца жаль, умрет ни за что.

Девчонка неопределенно махнула головой.

Эмир огляделся, но мальчика нигде не было.

— А где он?

— Ты, — толстый сучковатый палец уперся ей в грудь. Пойдешь первой.

Все думы отпустили голову. Неведомый ранее первородный страх охватили все его существо. Близкая смерть Тонкой и своя собственная. Собственное бессилие перед судьбой. Снова.

Сквозь все мысли, страхи и усталость в голове Ви возникла крошечная даже не мыслишка — так, тень. Она ухватила ее за кончик и в одно мгновение думка разрослась, заполонив собой все. Что если не они заложили когда-то в основание камень. Допустим, захватили дворец в осаде или обманом. Что если они не ведают о тайном свойстве проклятушего крепня...

— Постойте... — она махнула рукой, — можно последнее желание перед смертью?

Стража загоготала еще громче.

— Ишь чего выдумала — желание ей посмертное подавай.

Но в толпе нашлись и те, кто задумал продлить представление.

— А ты говори, девица, не стесняйся, — дружелюбно улыбнулся ей дородный мастер с клещами у пояса.

Пользуясь слабой поддержкой, она мысленно представила самое жалостное событие в своей жизни. Бросилась на колени и воздела стянутые полоской сыромятной кожи руки.

— Умоляю, позвольте мне в последний раз увидеть небо за стенами дворца, — по лицу эффектно скатилась одинокая слеза. Еле заметная мокрая дорожка на бледной щеке. Губы в последний раз дрогнули и закрылись. Она сделала все, что могла, оставалось надеяться на чудо.

— Да руби ты ей голову и делов то... — хмыкнул ближайший стражник и, подняв ее за

руки, толкнул к сучающему палачу, — а то всем сразу желанья понадобятся. Им только дай волю.

Внезапно тонкий детский голосок прорвался сквозь гул толпы.

— Стой. Повелеваю, вывести ее за стены, дать малую толику времени и вернуть обратно.

— Княжич... — пронесся тихий шепот.

Взгляд Тонкой остановился на худом и высоком мальчике с тонким голосом. Она несмело улыбнулась ребенку, постаравшись вложить всю свою благодарность, прежде чем перехитрит выродка.

Тот надменно вскинул кудрявую голову на тонкой шейке и откровенно зевнул.

Стараясь не выказывать радость, она низко опустила голову. Ржавый механизм неохотно заскрипел и мост опустился.

Шаг. Еще шаг. Вернулись ли силы? Соседство камня так близко, но и силища ее велика. Куда больше — чем была раньше. А камень то в аккурат меж окнами темницы и бревном для отрубания голов находится. Кто-то его туда бережно положил. Отлавливал, видать, нечисть всякую да рубил ее буйны головы.

Вот ее руки — впереди, связанные. Веревка — тонкий кожаный ремешок. Хватит сил или нет? Подождать немного — еще не время.

Старый мост под ее ногами пел ей одной слышную победную песню. Стража вела под руки — глупцы, не долго им осталось.

Ее ноги, обутые в поистрепавшиеся башмачки, ступили на землю.

А вот теперь самое время.

Эмир смотрел в другую сторону и оттого пропустил начало бойни. Когда в ворота ввалились первые раненные конвоиры, исторгая стоны и крики, он повернулся вместе со всеми.

Двор мигом опустел, стражники кинулись на подмогу. Княжича увели в замок. Стражник, что стоял в непосредственной близости, от удивления раскрыл рот. Эмир счел нужным этим воспользоваться. С силой толкнув стражника связанными руками, пронесся по мосту.

Увиденное, заставило и его остолбенеть.

Все стражники были мертвы. Их вывернутые и даже выпотрошенные тела не оставляли в этом сомнений. Над ними одиноко высилась пепельно-бледная Тонкая.

— Это... ты с ними? — шевеля ссохшимися губами прошептал Эмир.

— Я ... не хотела так. Я просто не рассчитала силы. Они начинают выходить из-под контроля. Как те и говорили... — глаза девчонки наполнились слезами. Он нервно сглотнул и приблизился, стараясь не смотреть под ноги. Тонкая протянула к нему ладонь, словно хотела, чтоб он ее пожал.

Эмир невольно отшатнулся, но взял себя в руки и коснулся кончиков ее пальцев.

Кто ты? Ты, подающая руку мне. Маленькую ладошку с острыми коготками. Кто ты, синеглазая девочка... а человек ли ты?

Они уходили от погони краем леса.

Эмир заикнулся было, что неплохо укрыться в самом лесу, но получил в ответ столь выразительный взгляд, что надолго умолк. Он испытывал к ней смесь жалости и скребущего душу страха. Невнятного и зыбкого, как туман. В животе заурчало, но не стал заикаться о привале. Мальчишка бежал немного позади, все такой же тихий и незаметный. В какой момент он снова вошел в их крошечный отряд — Эмир даже не мог сказать. Но был несказанно рад его присутствию.

Все не наедине с Ней...

Кто она? Кто? Хотелось бы ему знать.

Когда Эмир осознал, что их взяли в кольцо, было поздно. Со всех сторон к ним стекались всадники. А сзади шелестел темный лес.

— Может?.. — он несмело мотнул головой в сторону дремучей чащи.

Тонкая на мгновение закрыла глаза.

— Я не хочу убивать их, я боюсь той силы, что живет во мне. Да! — она распахнула глаза, — Мы войдем в лес. Иного пути нет.

— Что так пугает тебя? Это же просто лес...

— Это лес-убийца...

Мальчик, бежавший позади, упал, держась за горло. Из худой, вздрагивающей спины торчали три стрелы. Эмир метнулся к ребенку, но Тонкая удержала его на удивление сильной рукой.

— Мальчик... — прохрипел он.

— В лес, скорее! Не могу удерживать стрелы так долго...

— Брат твой... — он посмотрел в ее лицо ошалелыми от гнева глазами, — мы должны защитить его!

— Нет у меня брата — это картинка... я создала ее для отвода глаз. Но меня хватило только на образ, сделать его говорящим оказалось не под силу... — она бормотала и тащила упирающегося Эмира к лесу.

Она прислонилась к стволу и закрыла глаза.

Может, ну их всех. Лечь на землю, сложить руки и ждать смерти?

Будь одна — так бы и сделала.

— Привал окончен, — многоголосица шорохов, шелестов и шлепков, раздавшаяся над ухом, вывела из недолгого равновесия. Настоящее надвинулось плетением веток над головой и близящимися сумерками.

Ночь в лесу — однозначная гибель.

Она повернула голову и всмотрелась в лицо такого же обреченного.

— Пошли. Может, прорвемся, а?

Лес не отпускал их из своих объятий, сдавливая офитовые ладони все сильнее. Цепляясь крючьями веток. Заманивая в жадную топь.

А внутри нее рвались последние тонкие ниточки, сдерживающие бьющее наружу безумие.

Она оказалась бессильна. Упала, цепляясь за топкую, теплую землю. Тело отказалось слушаться и подниматься. Подошел Эмир, такой же истерзанный, замученный лесом.

— Играет с нами. Водит по кругу, не выпускает. Ночь скоро...

— И что... — с трудом выдохнул Эмир, — Что ночью то?

— Конец нам.

Они снова идут по лесу. Ноги слушаются с трудом, каждый шаг — преодоление. Каждая ветка — норовит выколоть глаз или расцарапать лицо. Каждая кочка неожиданно появляется из земли.

— Лес живой? — шепотом спросил Эмир.

— Да... — так же тихо ответила Ви.

— А чего злой такой?

— Когда то давно рос здесь обычный лес. Жил в нем колдун, — она с трудом перевела дух и совсем тихо продолжила, — не то чтоб чернокнижник, но и черной магии не гнушался. И тут в замке пропала княжна. Последний раз жители деревни видели ее на опушке леса. Жених ее перевешал уйму народа, пока один придворный на дыбе не сознался — мол, заплатил колдуну за смерть княжны. Убили чернокнижника стражники, хижину разломали, а лес подожгли.

— И что? Дальше-то что было?

Минуту девчонка молчала, смотря перед собой.

— Лес вырос за одну ночь на месте сгоревшего. Новый, страшный. Ни зверья в нем, ни птиц. Поначалу в него еще пробовали ходить, но мало кто возвратился обратно. А кто провел в лесу ночь — навсегда сгинул.

Эмир резко остановился.

— Что ж ты раньше молчала. Да лучшие двадцать таких отрядов.

Тонкая тоже остановилась.

— А ты знаешь, каково это — убивать людей? Знаешь? — вдохнула холодный воздух и закашлялась девчонка.

— Знаю, — в тон ей ответил он, — и мне хочется этого не больше твоего.

Это наш последний вечер — он прочел это в ее глазах. В неглубоком овражке, где старые крючковатые деревья закрывали небо, подобно крыше, они сидели, прижавшись друг к другу.

Тонкая снова накрылась Эмировой коротайкой. Ее лицо было на удивление спокойным.

— Кто ты? — тихо спросил Эмир, наклонившись к девчонке совсем близко. Так что стали видны серые пятнышки в ее зрачках.

— Не ведаю, — совершенно искренне ответила она, — В детстве я рисовала на стекле бабочек, а они оживали и улетали.

— Как у тебя получалось?

— Да это просто — я давала им имена. И вся магия.

— И давно ты обладаешь способностью оживлять бабочек и убивать людей по собственному желанию?

— Магией? Да почти с рождения и это постоянно растет во мне, — она склонилась так близко, что ее дыхание ложилось ему на щеку, — но я пыталась бороться, подавить и даже раздавить магические ростки.

— Зачем? Я хочу сказать — обычно все лелеют в себе даже крохи волшебной силы.

— Но не я, — голос Тонкой зазвенел жесткими нотками.

— Но не ты, — согласился Эмир и неожиданно для самого себя — коснулся губами ее губ. Легкий, едва ощутимый поцелуй, призванный скорее успокоить и приободрить.

Зраки ее расширились, а затем тяжелые ресницы дрогнули и глаза закрылись. Девчонка с волосами, как мертвая трава, и губами, как осенняя ягода.

Чужая собственному племени.

Выбранная жертвой на праздник нового солнца.

До сегодняшнего дня у нее не было друзей — она боялась их уничтожить.

Высоко над их головами — сгибали макушки высокие деревья. Лес рвался с насиженного места, одичалый, обезумевший. Скрипели стволы, корни неохотно вылезали из-под земли, ветки болтались, как трупы повешенных, высекая тихий, но леденящий свист из воздуха.

Вилия положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Впервые ей было так свободно и хорошо. Она не боялась смерти, она боялась проснуться.

Кажется, она дремала.

И ей снился сон.

Когда то давно здесь жил колдун. Не то чтоб чернокнижник, но при желании мог навести порчу или обречь деревню на неурожай, приворожить или наслать хворь. Но не звон монет решал: свершится черному делу или нет. У колдуна были волшебные часы. Вместо песка внутри них пересыпался прах. Он и сам не знал чей, впервые взяв их в руку и навсегда повязав свою жизнь с магией.

Колдун сидел у очага, когда кто-то тихо поскребся в приоткрытую дверь хижины.

— По делу или так, любопытствуешь? — колдун сидел у печи, лаская пальцами стеклянную поверхность часов.

— По делу, магическое превосходительство. А как же! Стал бы я беспокоить понапрасну.

— Так входи.

Дверь открылась и на пороге появился дерганый человечиска в ливрее слуги.

— Что за дело? Знаешь о моей славе, — колдун не повернулся, но его глаза с прищуром смотрели в самую глубь сероватого праха. — Иль дурное что задумал?

— А это с какой стороны изволите смотреть.

— А зло, оно и есть — зло. Как ты на него ни смотри, — колдун бережно погладил часы.

— Э... не говорите, — человечиска злобно прищурился и стал похож на подземного нюхача — отвратительного на вид зверька с длинным, беспрестанно шевелящимся носом, — А вот ежели кто смерть и несчастье кругом сеет, а без него и свет чище будет.

— Что позволяешь себе? — колдун впервые за время разговора повернулся к вошедшему, — Я, что ж по твоему, тоже зло вокруг сею?

— Никак нет, — запнулся слуга и быстро затараторил, — наш старый садовник. Как его звали то... Друвезень — тот безжалостно выпалывает сорняки, а вы — выпалываете зло.

Рука колдуна снова потянулась к часам.

— А на что тебе она?

Человечиска вздрогнул и ярко покраснел. До самых кончиков квадратных ушей.

— Зло она в себе несет! Самое страшное зло — то, что прикинулось нежным цветком, но поит отравленным ароматом.

— А тебе ли судить об этом? — Колдун взглянул на съежившуюся фигуру с хищным блеском песчаного зверя.

— Я у себя важная персона, — слуга подбоченился, — все вижу, все примечаю: с врагом она нашим сговорилась — полюбиться с лиходеем задумала.

— А ну и пускай, — тонкие пальцы сильнее сжали ненавистные часы, с которыми его связывало старинное соглашение, но прах внутри уже пришел в движение, — Будь по-твоему. Замани княжну в лес.

Дорога сделала поворот, огибая болото, пошла на подъем, а затем и вовсе остановилась у старой хижинки. Княжна боязливо огляделась и несмело постучала в дверь одинокого жилища:

— Лесничий, отвори, гостья на пороге.

Дверь предупреждающе заскрипела и отворилась вовнутрь.

В полутьме сидел колдун.

— Входи.

Княжна выпрямила спину и произнесла едва слышно:

— Заблудилась я. Проводи меня до дому — дорогую награду получишь.

— Я уже, — колдун оскалился, — получил свою награду.

Девушка сделала шаг назад. Дверь протяжно скрипнула и закрылась.

— Мой жених убьет тебя, разбойник! Он должен проезжать по этому лесу и скоро будет здесь.

— Вас обманули, княжна, — колдун почти ласково улыбнулся ей, — и, похоже, что меня тоже.

Вскоре весть о том, что колдун похитил и умертвил княжескую дочь, разнеслась по округе. Убили чернокнижника стражники, хижину разломали, а лес подожгли.

Поговаривают, что проклятый черт сам вышел к растерзавшей его толпе и даже не сделал попытки защититься.

Эмир легонько потряс ее:

— Надо выбираться отсюда. Я обернусь зверем, а ты сядешь мне на спину и как можно сильнее обхватишь шею. Что бы ни случилось — держись за меня крепче.

Вилия серьезно кивнула. Что может их спасти? Они обречены, но Эмир хочет побороться — его право.

И тогда его сердце захлестнула беспросветная тьма и душа онемела, оплакивая саму себя.

Колдун не боялся умирать перед толпой, он уже умер вместе с княжной. Труп закопал в лесу под самым красивым и старым деревом — столетним ладором. В ее нежном теле покоилась стрела. Изящная тонкая стрела с костяным наконечником и вырезанным на нем гербом, такие носил в своем колчане жених прекрасной княжны и враг ее королевства.

А когда к скромному жилищу колдуна пришли озлобленные и решительные люди, он вышел к ним без страха и был убит.

Колдун вспомнил, как впервые увидел княжну, собирающую спелую ягоду, но принял за девушку из свиты.

Он почти полюбил ее. Она могла полюбить его.

Но песочные часы решили иначе.

Сквозь сиплый вой ветра она с трудом расслышала его урчание и склонилась ближе.

Он слегка наклонил к ней голову, и Вилия прочитала в больших зрачках зверя:

— Ты вспомнила меня?

— Да, — прошептала она, — Да-а-аа... крикнула она, схлестнувшись с проклятым гулом земли и хрипами ветра.

Где то в лесу, возле истлевшего скелета покоились песочные часы. Засыпанные землей и спеленатые корнями громадного дерева. Тонкая струйка песка пришла было в движение и замерла. Крошечная песчинка упала вниз.

Ураганный ветер трепал деревья. Сверху сорвалась большая ветка и ударила Вилию по голове. Свет померк.

Эмир смочил в ледяном ручье обрывок рубахи и приложил к багровой отметине на лбу. Он нашел ту, ради которой прошел свой длинный путь.

Вилия с трудом открыла глаза.

— Ты меня узнала?

Ей послышалось или он спросил. Так холодно и необычайно пусто в голове.

— Что, — губы с трудом раскрылись, — что ты сказал?

— Там в лесу — ты узнала меня.

— Сущность оборотня, — как трудно говорить. Зубы сводит от холода и страха, — с первой минуты.

— Тихо! — он нахмурился. Рука замерла возле ее лба.

— Воины, — Вилия видела многочисленный отряд, как наяву. Вплоть до округлых камешков крепеня, покоящихся на груди каждого из них, — и они идут за мной.

— В лес! Укроемся в чаще.

— Только не в этот раз.

— Ты боишься? — он недоверчиво посмотрел на нее, пряча собственную тревогу на дне

глаз. Там, где она не могла ее видеть.

— Нет. Но я умру и не в твоих силах предотвратить это.

Когда ее заталкивали в клетку с прутьями из крепеня — Вилия искала Эмира глазами. Но даже оборотень не мог совершить чуда и прорваться сквозь плотное кольцо королевской стражи.

Она знала одно — без него умереть было бы намного легче.

— Глупая девчонка! Ты пошла против своей судьбы, как будто тебе известно больше, чем творцу!

— Я просто боролась за жизнь. Это преступление?

Умные глаза смотрели с осуждением и потаенным жадным блеском. В этом блеске Вилия видела блики собственной боли, что ждала впереди. И чужое удовольствие от ее созерцания.

— Каждый человек должен стремиться приносить пользу этому миру, чтобы система была цельной и существование гармоничным. А твоя гармония в агонии. Отдай нам свои силы.

— Вы все сказали? Я хочу остаться одна.

Придворный колдун помедлил, но склонил голову и направился к выходу.

Кто-то должен открыть праздник нового солнца. День, когда на небосводе всходит еще одно — большое рубиновое солнце, и планета на долгий сезон превращается в тлеющий уголь.

Жар опалял лицо, по коже тек липкий пот. Вилия старалась не смотреть на длинное острое копьё с крепневым наконечником.

Не смотри на копьё — говорила себе она, но взгляд неизменно останавливался на орудии убийства.

По слипшимся прядям ползли первые лучи алого солнца. Люди в толпе шептались и жаловались друг другу. Мол, снова этот сезон невыносимой жары и жженой пыли в легких.

Как будто ей было легче. Она пробовала рассмеяться, но собственное хриплое дыхание поразило ее. Глаза закрылись.

Кажется, она была в недолгом обмороке. Кто-то окатил ее водой. Вилия готова была расцеловать незнакомца, потратившего на нее драгоценную воду. От одежды повалил пар. Горячие капли моментально высохли на коже, и стало еще хуже. Теперь она от всего сердца ненавидела того, кто сделал ее муки еще сильнее.

Стоял полдень самого жаркого дня в году. На возвышенности, ничем не загороженная от безжалостного солнца, Вилия то впадала в забытие, то приходила в себя. Кожа покраснела, губы спеклись. К вечеру она готова была принять собственную смерть, как избавление от мучений.

Последний глоток воды, соленый от стекающего в кружку пота.

— Дайте мне всего один шанс! — Ви не знала — слышит ли кто-нибудь или нет. — Я все исправлю. Обещаю.

Только не новые круги ада.

— Я исправлю...

Нарастающая боль в голове. И темнота.

— Его отравили! Позовите врача! Да позовите же вы кого-нибудь... — хрупкие ладони неожиданно сильно вцепились в остывающее тело.

Негодующий ропот гостей и отдельные смешки из толпы слуг послужили ей ответом.

— Он умер. Оставьте его, Виктория, — епископ смиренно вознес молитву за упокой души отравленного офицера, но ни на мгновение не обманул. Уж ей ли не знать, как люто ненавидел ее священнослужитель.

— От церкви мне помощи и не ожидать... — Обведя сухими глазами тронный зал, она остановила взгляд на графе. Ее муж. Он любил изысканное общество на балах и не любил скандалы, связанные с его именем. Ну что ж, придется привыкать, — решила графиня и потеряла сознание.

Виктория очнулась в собственной кровати. Граф с минуту постоял над ней, неизменно спокойный и собранный, и вышел позвать врача.

Графиня резко села в кровати, так, что закружилась голова. Ее любовника отравили. Но кто мог совершить такое. И как ей жить дальше без него. Граф сошлет ее в дальнее поместье и забудет. Скандалы с ее именем постепенно стихнут, но как быть ей?

Странно, что смерть Фредерика, не вызвала в ней такого непробудного горя, как вчера.

— Почему я не страдаю? — графиня приподнялась на руках. Зеркало на трюмо отразило ее лицо. Бледное и сосредоточенное. С тонкими невыразительными чертами и спокойным взглядом.

Сердце ее, так неистово метавшееся вчера, билось ровно. Пальцы безмятежно лежали поверх одеяла, словно не тискали день назад подол платья, грозясь оторвать клоч.

Виктория и ее супруг вернулись в деревню. Сад был превосходен и довольно уютен, но по сравнению с городом — тих, а деревенская жизнь — пресна. Поместье, хоть и небольшое, производило благоприятное впечатление, но осведомленные о скандале слуги, хотя делали каменные лица, слишком много шептались за их спинами. И графине было превосходно известно о ком.

Обед прошел в тягостном молчании. Постукивание туфельки Виктории, да звон столовых приборов — все, что нарушало тишину.

— Нет, это невыносимо, — Графиня вышла из-за стола, намереваясь укрыться в своей комнате. Любопытные взгляды слуг ползали по лицу, подобно отвратительным насекомым. Хотелось стряхнуть их руками.

Тяжелая рука сдавила ее плечо и развернула назад. Перед ней стоял разгневанный граф.

— Вы изволите сесть за стол и завершить трапезу вместе со мной. Я и так выставил себя дураком перед всем светом, но уж теперь Вы будете вести себя, как примерная жена.

— Но я не обязана... — начала было Виктория, но оборвала фразу. Впервые за многие месяцы, он находился так близко. Она ясно видела блестящие зрачки графа и, казалось, даже темную душу в глубине.

Виктория послушно села и взяла вилку.

— Как Вам будет угодно, — прошипела графиня, стараясь выглядеть спокойной. Кусок говядины не лез в глотку, но она старательно жевала, не отрывая взор от резных подсвечников на столе.

— И так, как прошел день? — учтиво спросил граф, но было видно, что разговор также

тягостен ему, как и ей.

Виктория бросила на мужа долгий взгляд. «Слишком мрачен и нахмурен, но далеко не урод. И отчего графиня не любила его?» — подумала она отрешенно и тут же замерла, пораженная удивительным открытием. Виктория только что думала о себе в третьем лице, как о другом человеке.

В ответ на ее молчание, граф еще больше нахмурился и тоже смолк.

Освежающая роса ласкала ступни. Виктория давно сняла туфли и шла по траве босиком. Всю ночь ей снились тревожные сны, и утро принесло облегчение разгоряченной душе.

С опозданием она отметила, что ни разу за прошедший день не вспоминала Фредерика. А ведь он погиб совсем недавно и след от его потери должен был ощущаться острее.

Память о нем тревожила неясностью и пустотой в сердце.

«И это тот человек, ради которого я собиралась пожертвовать всем, даже своей жизнью» — размышляла Виктория, поднесла к лицу ароматный синенький цветок. Теплый запах приятно щекотал нос.

Графиня обошла дом и шла теперь по узкой тропинке, гадая, куда она ее приведет. Стояло необычайно свежее умытое утро и не хотелось ни о чем думать, но назойливые мысли не отступали.

«Я не знаю, куда иду, — осознала она, — не ведаю, что там, за изгибом тропы, за стволами садовых деревьев. Как я могу не знать этого, если совершенно четко помню, что бывала тут раньше. Мы провели за городом два месяца в прошлом лете. Я еще не познакомилась с Фредериком, но уже тогда не выносила графа за его сдержанность и надменность».

Граф вышел в сад и даже сделал пару шагов к конюшне, когда на тропинке появилась Виктория.

Привычный ко всему за второй год супружеской жизни, он удивился, увидев графиню простоволосую и босоногую. Она шла, держа атласные туфельки в руках, подол платья вымок от росы. На ее лице виднелось какое-то беспокойство, но не было ни горести, ни сломленности. Казалось, она и думать забыла о недавней смерти любовника.

— Я вижу, деревенский воздух сделал вас ранней пташкой.

Темные глаза графа вызывали в ней смутное беспокойство. Она приблизилась.

— Мы были здесь прошлым летом?

— Почему ты спрашиваешь? Надеешься, что я поверю в потерю памяти или в еще какой-нибудь бред, нашептанный этими нежными губками? — лицо графа приняло отрешенное выражение. А ведь мгновением раньше, Виктории казалось, что он любит ее.

— Я не помню этого сада, реки, что протекает за помещьем...

— Я не удивлен. Балы и танцы занимали вас больше, нежели прогулки по саду, — он на глазах мрачнел, и Виктория с удивлением уловила в его голосе ревность.

— Я собираюсь проведать соседей и вернусь к обеду, — попрощался граф и стремительно пересек лужайку, скрывшись в конюшне.

Виктории снилась птица. Она пролетала над ее головой. Чьи-то руки сжимали ружье. Выстрел. Это были ее руки. Птица вздрогнула в полете, но не упала.

Белое перо, плавно кружась, приземлилось на землю возле ног графини, как большая снежинка.

Виктория перевернулась во сне и стиснула руками шелковую наволочку.

Взгляды слуг больше не занимали Викторию, куда больше ее пугала собственная

забывчивость.

Даже отражение в зеркале странно волновало ее, она касалась его рукой, словно гладила собственные черты и не могла наглядеться. Эти уложенные волосы и завитки у лба страшно раздражали графиню, мешая разглядеть лицо.

Вошел граф, замерев за ее спиной.

— Любуется, словно девочка, впервые осознавшая собственную привлекательность.

— Прощу тебя...

— Знаете, о чем я подумал, впервые увидев Вас, графиня? Какое нежное лицо, сияющее изнутри. В следующий раз я решил, что Вы необычайно похожи на тех куколок с фарфоровыми личиками и тряпичными телами, которых так любили прижимать к себе мои сестры. Но познакомившись с Вами ближе, я вдруг вспомнил, как отрывал в детстве фарфоровым куклам их прелестные головки.

Граф повернулся и вышел, притворив за собой дверь.

Она касалась кончиками пальцев корешков книг, читая названия и не сознавая о чем они. Мысли Виктории унеслись прочь из библиотеки, витая далеко от этих мест.

Что-то смутное тревожило ее, не давая покоя ни днем, ни ночью. Скользило по краю сознания, вызывая приступы головной боли. На одном из фолиантов ее рука неожиданно дрогнула. Графиня взяла в руки книгу и пролистнула быстрым движением. На пол упал сложенный листок. Виктория развернула лист.

Виктория, дорогая моя и горячо уважаемая Виктория! Вы были недовольны, что от меня перестали поступать письма. И вот я, не в силах молчать, вновь сажусь за письменный стол. Как знать, быть может, уже завтра мой полк призовут, и я покину эти места. И вас.

Я не могу предложить вам ничего, из того, что вы принимаете как данность в силу своего положения в обществе. Ваш муж неплохой человек и я даже рад, что он присутствует в вашей жизни. А мне остается лишь погибнуть за вас где-нибудь вдали от родного дома и всего, что мне дорого в этой жизни.

Минуты, проведенные с вами — самые драгоценные в моей жизни. Надеюсь, что и вы пронесете их с той же светлой печалью в сердце. Оставляю эту записку вложенной в вашу самую любимую книгу. Как видите, я не забыл ваши вкусы и пристрастие к хорошей литературе.

Прощайте. Ваш покорный слуга, Фредерик.

Почувствовав головокружение, Виктория села в кресло у окна и справившись с мельтешением разбегающихся строчек, еще раз перечитала короткую записку. Он спокойно оставлял ее здесь, даже не пытаясь бороться за счастье.

— А ты пожертвовала ради него всем ...

Головная боль подкралась на мягких лапах и неторопливо вонзила когти.

— И отдала за него душу. За легкомысленного человека, галантно оставившего ей на память записку, чтоб прижимать ее к сердцу холодными и одинокими ночами.

Виктория упала на пол и сжала виски, дикий зверь терзал голову. Хотелось закусить персидский ковер зубами, заглушая стон, рвущийся изнутри. Что с ней происходит? Чужой человек в ее голове нашептывает странные вещи. Она сходит с ума.

— Что случилось, тебе плохо?

Крепкие руки подняли ее с пола. Виктория с неожиданной силой вцепилась в кружевные манжеты рубашки графа. Не все еще сломано, она в своем уме, у нее есть опора. И она больше не совершит ошибки.

— Пожалуйста, — прошептала она, сама не сознавая, о чем просит. Убрать голоса из ее головы? Или держать крепче и не отпускать, словно от этого зависит жизнь, как в той сказке, что рассказывала нянюшка.

— Не отпускай меня, если я превращусь в змею и стану жалить твои руки. Не отпускай меня, если я превращусь в птицу и попытаюсь улететь. Не отпускай, если страшно. Держи крепко. И я останусь с тобой...

— Вы до крайности избалованны и упрямы, но до сегодняшнего дня производили впечатление разумной особы. А теперь я отказываюсь понимать Вас.

— Не отпускай...

Всю ночь она металась в бреду, пылая в горячке. Граф крепко держал маленькую и обжигающую руку. Доктор велел обтирать и поить ее, чтобы предотвратить обезвоживание. У кровати больной стоял большой кувшин с чистой водой.

На стекле заиграли блики утреннего солнца, когда граф очнулся от тяжелого полусна возле своей жены. Она спала. Слипшиеся от поты волосы разметались по подушке, наволочка сбилась, а одеяло упало на пол. И Виктория подогнула острые коленки к животу, пытаясь согреться. Жар пошел на убыль.

— *Я не отпущу тебя, даже если ты сама этого захочешь,* — *прошептал граф, укрывая ее одеялом.*

— Тот раз. Когда Фредерика отравили на балу... это ведь был не ты?

— Нет. Это был не я, — устало повторил граф.

— Тогда кто?

Ему хотелось ответить, что он не знает, но граф счел нужным быть честным.

— Он отпил из бокала, предназначенного мне.

Я прижала руки к горлу, почувствовав дурноту.

— То есть убить должны были тебя?

— Да. Если бы не дело случая, были бы себе прелестной вдовушкой. Оплакали (скорее от радости) положенный срок, да обвенчались бы со своим Фредериком. Уж извините, что все испортил. Отравителя, к слову, уже казнили. Разорившийся барон, желавший мне отомстить за грехи моего покойного батюшки, коему он и проигрался в карты.

Я посмотрела в усталые глаза графа.

В этом мире ты меня не узнал. А вот я тебя вспомнила.

Я улыбнулась и, поддавшись порыву — обняла его, прижавшись к теплой груди.

— Спасибо, что остались живы.

Теперь я могла уйти, оставив его Виктории. Графине, что непременно полюбит своего мужа и сделает его счастливым.

Кэм будет счастлива в своем мире. Она и Дэн.

А куда хочу попасть я? Теперь, когда освободилась от оков и могу пожелать что угодно.

Я давно знала, где и с кем хочу оказаться.

Туда, где багряная трава по пояс. Где меня ждет один человек...

Больше книг на сайте - Knigolub.net